

MIESIĘCZNIK

№ 3(68), 2024

POŁOCKI.

Tom I.

Rok 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY

Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*

Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 22.11.2024. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 18,50. Тираж 50 экз. Заказ 403.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 502.5

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-2-6

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

канд. экон. наук., доц. **М.Е. БОРОВСКАЯ**
(Белорусский государственный технологический университет, Минск)

В условиях коммерциализации комплексного лесного хозяйства Республики Беларусь, когда на первый план выдвигаются вопросы получения экономических выгод от осуществления хозяйственной деятельности, анализ именно лесохозяйственного производства как основной части комплексного лесного хозяйства является особенно актуальным. В стремлении за достижением высоких финансовых результатов необходимо не забывать об экологической составляющей хозяйственной деятельности, что ещё раз подчеркивает актуальность функционирования системы экологоориентированного управленческого учета, предложенного автором ранее.

В статье рассматриваются методические подходы к анализу лесохозяйственной деятельности, предлагаются стоимостные показатели комплексного лесного хозяйства для осуществления анализа лесохозяйственной деятельности и лесохозяйственных издержек с учетом их особенностей, а также факторы, оказывающие влияние на содержание и структуру издержек лесохозяйственного производства и величину поступлений по лесному хозяйству, такие как выручка от реализации лесоматериалов, удельная таксовая стоимость, цена на лесоматериалы согласно прейскурантов отпускных цен, биржевые котировки на лесоматериалы, издержки лесохозяйственного производства по различным видам рубок. Использование данных предложений позволит определить направления регулирования рентных отношений в лесном хозяйстве.

Ключевые слова: анализ лесохозяйственной деятельности, лесохозяйственные издержки, объект анализа, лесная рента, удельная таксовая стоимость.

Введение. Анализ лесохозяйственной деятельности является ключевым звеном в системе управления лесохозяйственным учреждением в целом, а также издержками лесохозяйственного производства в условиях комплексного лесного хозяйства и его коммерциализации.

Взаимосвязь элементов управленческой системы, требующих определения методов их осуществления, можно представить в виде следующей схемы [1]:

Рисунок. – Взаимосвязь элементов управленческой системы

Основная часть. Осуществление оперативного (текущего) анализа в системе экологоориентированного управленческого учета является важным для получения информации о хозяйственных процессах, выявления отклонений от запланированных показателей, принятия оперативных управленческих решений. Взаимосвязь текущего анализа, бюджетирования, учета, отчетности и контроля обеспечивают управленческую систему необходимыми аналитическими данными на ближайшую перспективу.

Вопросам анализа лесохозяйственной деятельности посвящены исследования таких авторов, как А.Н. Едошин, В.Л. Джикович, П.В. Васильев, И.В. Воронин, Г.Н. Рукосуев, Н.И. Кожухов, А.А. Родигин, А.Д. Янушко, М.М. Санкович и др. [2; 3; 6–9]. Исследования, в основном, были направлены на определение объектов анализа лесохозяйственной деятельности, анализ выполнения производственной программы, эффективности осуществления различных мероприятий и отдельных видов работ по лесохозяйственной деятельности, определение сравнительной эффективности различного удельного веса рубок главного и промежуточного пользования в общем объеме лесозаготовки, а также оценку выполнения плана по объему и качеству. Однако проблемам анализа величины лесохозяйственных издержек во взаимосвязи с таксовой стоимостью 1 м^3 обезличенной древесины (лесосеccionного фонда) и выявлению факторов, оказывающих влияние на их содержание и структуру с учетом экономической природы леса как ресурса, уделяется недостаточное внимание.

Лесохозяйственное производство является базисом существования комплексного лесного хозяйства, главным индикатором эффективности развития его экономики. Учитывая комплексность лесного хозяйства, объединяющего лесохозяйственную и промышленную деятельность, и то, что анализ промышленной деятельности осуществляется по разработанным методикам, их целесообразно положить в основу анализа и лесохозяйственного производства с учетом его особенностей. Наиболее важные особенности лесохозяйственного производства – продолжительное время производства леса; необходимость поддержания на корню больших запасов древесины в виде незавершенного производства; потребность в существенных производственных площадях, намного превышающая потребности в аналогичных площадях в сельском хозяйстве и других отраслях; связь процессов труда с биологическими процессами роста и развития древесных растений; многообразие лесной продукции и других полезностей леса [2].

Указанные особенности лесохозяйственного производства касаются вещественной стороны производства, но надо понимать, что общественно-экономическая сторона лесного хозяйства не отличается от других отраслей, так как тип производственных отношений в любой отрасли народного хозяйства единый. Лесное хозяйство в пределах одинаковой для всех отраслей экономической основы отличается только техникой и технологией производства, характером выпускаемой продукции, то есть технико-экономическими особенностями, которые и оказывают влияние на определение целей и задач анализа лесохозяйственной деятельности.

Цель анализа лесохозяйственной деятельности – выявление положительных и отрицательных сторон в ведении лесного хозяйства за прошедший ревизионный период и разработка рекомендаций по совершенствованию деятельности. Его основными задачами являются:

- оценка соответствия методов и технологий проведения лесохозяйственных мероприятий лесному законодательству, действующим правилам и наставлениям, проекту предыдущего лесоустройства;
- выявление нарушений арендаторами и другими лесопользователями правил рубок главного пользования и ведения лесного хозяйства;
- оценка полноты и рациональности использования лесных ресурсов;
- оценка потерь древесины;
- выявление резервов снижения затрат на проведение работ по лесохозяйственной деятельности;
- объективная оценка выполнения плана по себестоимости лесохозяйственных работ;
- анализ выполнения объемных показателей по лесохозяйственным работам;
- выявление резервов снижения затрат на отдельные виды работ [3].

В соответствии с поставленными задачами можно определить основные этапы анализа:

- анализ лесохозяйственного производства (оценка выполнения Производственной программы по лесохозяйственным, лесозащитным, лесокультурным, противопожарным, гидролесомелиоративным и другим работам);
- анализ выполнения плана по объему и качеству проведения лесохозяйственных мероприятий;
- анализ объемных и стоимостных показателей по отдельным видам работ;
- анализ качественных показателей (анализ качества лесных семян, выхода посадочного материала в питомнике, приживаемости лесных культур и др.).

На основании обобщения мнения различных авторов объектами анализа лесохозяйственной деятельности являются «виды работ лесохозяйственной деятельности и результаты их проведения, которые характеризуются системой взаимосвязанных показателей» [6–10]. Основные стоимостные показатели комплексного лесного хозяйства, предлагаемые для осуществления анализа лесохозяйственной деятельности, и порядок их определения представлены в таблице.

Таблица. – Стоимостные показатели комплексного лесного хозяйства

Показатель	Порядок расчета
1	2
Минимальный целесообразный уровень такс, руб./м ³	$T_m = 3 + 3_p + O_{э.р.},$ где T_m – минимально целесообразный уровень таксовой стоимости, руб./м³; 3 – нормативно обоснованные затраты на ведение лесного хозяйства, включая затраты коммерческого характера, руб./м³; 3_p – нормативный коэффициент рентабельности лесовыращивания, принимается экспертным путем, в долях единицы 0,20; $O_{э.р.}$ – экономическая оценка экологических рисков в лесном хозяйстве, принимается на основе результатов научных исследований, руб./м³.
Себестоимость лесовыращивания, руб./м ³	$C_l = \frac{3}{П} + \frac{В}{3П},$ где 3 – затраты на ведение лесного хозяйства (нормативно-обоснованные), руб.; $П$ – покрытая лесом площадь, га.; $В$ – средневзвешенный возраст рубки основных лесобразующих пород, лет; $3П$ – средневзвешенный запас в возрасте рубки, учитывающий средний запас основных лесобразующих пород в возрасте рубки, м³/га.

Окончание таблицы.

1	2
Поступление по лесохозяйственной деятельности, тыс. руб.	$P_{лхд} = (P_{здрк} + P_{дрргп} + P_{дррпн} + P_c + P_{учлф} + P_{учлфа} + \sum_{неуст} + P_{проч})$ где $P_{здрк}$ – плата за заготовку древесины на корню; $P_{дрргп}$ – плата за древесину в заготовленном виде от рубок главного использования; $P_{дррпн}$ – плата за древесину в заготовленном виде от рубок промежуточного пользования и прочих рубок; P_c – плата за семена, посадочный материал; $P_{учлф}$ – плата за пользование участками лесного фонда в научно-исследовательских и других целях; $P_{учлфа}$ – плата за предоставление участков лесного фонда в аренду; $\sum_{неуст}$ – суммы неустоек за нарушение лесного законодательства; $P_{проч}$ – прочие поступления.
Выручка от реализации лесоматериалов, тыс. руб.	$B = Ц * V,$ где $Ц$ – цена реализации лесоматериалов согласно прейскурантов отпускных цен, руб./м³; V – объем реализации, м³.
Расчетная лесная рента, руб./м ³	$L_p = Z_{л.х.} + D_p,$ где $Z_{л.х.}$ – затраты на ведение лесного хозяйства, руб./м³; D_p – дифференциальная рента, руб./м³.

Принципиальное значение для анализа лесохозяйственной деятельности имеет уровень таксовой стоимости (без учета её дифференциации в зависимости от качественных характеристик древесных пород) при оптимальных или близких к ним объемах расчетной лесосеки, который также необходимо учитывать при финансировании лесохозяйственных издержек.

Роль себестоимости лесовыращивания, которая определяется с учетом сложившегося на практике уровня агрегирования затрат (с учетом специфики определения некоторых элементов затрат) по своему функциональному назначению выполняют нормативно-обоснованные затраты на ведение лесного хозяйства.

Анализ структуры поступления по лесохозяйственной деятельности и выручки от реализации лесоматериалов осуществляется в целях определения удельного веса поступлений от реализации древесины на корню, разных видов рубок и других поступлений в целях недопущения коммерциализации лесохозяйственной деятельности, то есть доминирования финансовой выгоды, а не лесоводственного эффекта.

Для оценки затратно-рентных отношений в лесном хозяйстве и их влияния на формирование финансовых источников развития лесохозяйственного производства необходим анализ соотношения величины расчетной ренты с таксовой стоимостью 1 м³ обезличенной древесины спелого леса. Абсолютная рента является основным финансовым источником покрытия лесохозяйственных издержек, поэтому затраты на ведение лесного хозяйства можно трактовать как альтернативное выражение абсолютной ренты. Дифференциальная рента выражает качественные характеристики природного ресурса, их дифференциацию в зависимости от качества и месторасположения [1].

Информационным обеспечением анализа вышеприведенных показателей являются формы ведомственной отчетности Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь, а также плановые и отчетные документы лесохозяйственного учреждения. Наряду с Производственной программой, которая является основным плановым документом лесохоза и составляется на предстоящий отчетный период с разбивкой на квартал, полугодие, девять месяцев и в целом на год, в системе экологоориентированного управленческого учета для получения оперативной информации о величине и составе доходов и расходов, а также сумме превышения расходов над доходами за отчетный период в сравнении с предыдущим отчетным периодом, согласно целей управленческого учета в лесном хозяйстве составляется Бюджет доходов и расходов. В бюджете в каждом отчетном периоде производится сопоставление доходов и расходов в целях выявления необходимой величины ассигнований из бюджета. При этом, к основным доходам от лесохозяйственной деятельности относятся плата за древесину в заготовленном виде от рубок ухода за лесом, сплошных и выборочных санитарных рубок, рубок обновления и формирования и прочих рубок (с учетом отплаты за услуги по трелевке и услуги транспорта), в том числе плата за древесину в заготовленном виде от рубок ухода за лесом, сплошных и выборочных санитарных рубок в насаждениях, возраст которых выше 40 лет; плата за семена; плата за посадочный материал; плата за заготовку древесины на корню; рентные платежи; плата за побочные лесные пользования, за заготовку живицы, заготовку второстепенных лесных ресурсов; плата за пользование участками лесного фонда в культурно-оздоровительных, туристических иных рекреационных и (или) спортивных целях; сумма неустоек за нарушение лесного законодательства; оплата за создание полезационных полос лесных культур на землях сторонних организаций; поступление средств за охоту; прочие поступления. В составе доходов по лесохозяйственной деятельности в бюджете выделяется плата за древесину в заготовленном виде от рубок ухода за лесом, сплошных и выборочных санитарных рубок в насаждениях, возраст которых выше 40 лет. Представляется

важным «в составе доходов по лесохозяйственной деятельности в бюджете выделить плату за древесину в заготовленном виде от рубок ухода за лесом, сплошных и выборочных санитарных рубок в насаждениях, возраст которых выше 40 лет» [1]. Расходы в бюджете подразделяются по видам работ: лесохозяйственные, лесозащитные, лесокультурные, гидромелиоративные и лесосушительные, противопожарные мероприятия, общепроизводственные расходы и расходы на содержание лесохозяйственного аппарата.

Классическое лесное хозяйство должно окупать себя за счет реализации спелого леса на корню. В силу особенностей лесохозяйственного производства, таких как отсутствие прямой связи между процессом производства и процессом получения готовой продукции, экономическая эффективность деятельности выражается в соотношении именно рентных доходов и расходов на ведение лесного хозяйства. В лесном хозяйстве основу поступлений по лесохозяйственной деятельности определяет реализация лесосечного фонда как реального носителя рентного дохода (лесной ренты). После выявления отклонений от плана выполненного объема лесохозяйственных работ, а также определения факторов, влияющих на выполнения плановых показателей, осуществляется анализ результатов деятельности. Например, анализ лесохозяйственного производства выполняется по материалам «Отчета о выполнении производственного плана по лесному хозяйству» годового бухгалтерского отчета. В процессе анализа сопоставляются фактические и плановые данные, определяется процент выполнения плана по лесохозяйственным, лесозащитным, лесокультурным работам, противопожарным мероприятиям, по общепроизводственным расходам, расходам на содержание лесохозяйственного аппарата, а также расходам на ведение охотхозяйства в разрезе мероприятий и в целом за отчетный период. Анализ выполняется с использованием формы ведомственной отчетности «Сведения о выполнении производственного плана по лесному хозяйству, финансируемому с привлечением бюджетных средств», утвержденной постановлением Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь 24.11.2023 г. № 12. Анализ выполнения объемных показателей по разделу «Лесохозяйственные работы» и сравнение плановых и фактических затрат на единицу объема выполняется по данным формы ведомственной отчетности Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь «Сведения о движении бюджетного (внебюджетного) финансирования лесного хозяйства» по всем видам работ: отвод лесосек главного пользования, отвод участков под рубки промежуточного пользования, осветления, прореживания, проходные рубки, выборочные санрубки, рубки реконструкции, рубки оформления и перестройки, сплошные санитарные рубки, разубка и расчистка квартальных просек и других граничных линий, очистка леса от захламленности, трелевка древесины. В процессе анализа сопоставляются фактические и плановые данные по объемам выполненных работ, суммам затрат и себестоимости единицы работ и выявляются отклонения.

Также необходимо проанализировать величину лесохозяйственных издержек, специфику которых определяет экономическая природа леса как ресурса, который, с одной стороны, относится к основному капиталу, необходимому для поддержания продуцирования экосистемы, а с другой – к оборотному капиталу, как продукция лесовыращивания – «спелый лес на корню и другие ресурсы леса» [9]. По своей природе лесохозяйственные издержки носят рентный характер, т.е. теоретически их источником финансирования является лесная рента – корневая цена леса (таксовая стоимость) [10].

С этих позиций целесообразно выявить факторы, оказывающие влияние на содержание и структуру издержек лесохозяйственного производства, величину поступлений по лесному хозяйству, а также установить зависимость между такими структурными элементами эколого-экономических отношений комплексного лесного хозяйства, как издержки лесохозяйственного производства (которые учитываются отдельно); средневзвешенная такса 1 м³ обезличенной древесины (лесосечного фонда); расчетная величина лесной ренты; прибыль и рентабельность продаж лесоматериалов; размер бюджетных ассигнований; соотношение фактического и нормативного размеров лесопользования. К таким факторам предлагается отнести:

- удельную таксовую стоимость;
- цену на лесоматериалы согласно прейскурантов отпускных цен;
- биржевые котировки на лесоматериалы;
- издержки лесохозяйственного производства по рубкам главного, промежуточного и побочного пользования.

Уровень удельной таксовой стоимости рассчитывается на основе затратно-рентной концепции ценообразования, исключая затраты коммерческого характера, нормативную прибыль лесовыращивания, а также экономическую оценку экологических рисков [1].

Заключение. Таким образом, использование предложенных стоимостных показателей комплексного лесного хозяйства для осуществления анализа лесохозяйственной деятельности и её издержек с учетом их особенностей, а также факторов, оказывающих влияние на них, позволит определить направления регулирования рентных отношений в лесном хозяйстве, особенно в увязке с системой финансирования лесохозяйственного производства и дальнейшей коммерциализацией хозяйственной деятельности лесхозов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровская М.Е. Издержки лесохозяйственного производства в комплексном лесном хозяйстве: эколого-экономическое содержание и механизм управления: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Белорус. гос. технол. ун-т. – Минск, 2022. – 25 с.
2. Экономика природопользования: учеб.-метод. пособие / А.В. Неверов и др.; под общ. ред. А.В. Неверова. – Минск: Колорград, 2016. – 400 с.

3. Боровская М. Е. Анализ лесохозяйственной деятельности в экологоориентированном управленческом учете. Цифровизация: экономика и управление производством: материалы 88-й науч.-техн. конф. проф.-препод. состава, науч. сотр-в и аспирантов (с междунар. участием), Минск, 29 янв. – 16 февр. 2024 г. / Белор. гос. технол. ун-т; отв. за изд. И.В. Войтов. – Минск: БГТУ, 2024. – С. 206–209.
4. Экономический анализ производственно-хозяйственной деятельности предприятий лесной промышленности и лесного хозяйства / А.А. Родигин, Е.Г. Мальцева, С.В. Кумейко. – М.: Лесная промышленность, 1975. – 200 с.
5. Санкович М.М., Янушко А.Д. Организация производства и управление предприятием лесного хозяйства: учеб. пособие для студентов спец. «Лесное хозяйство». – Минск: БГТУ, 2004. – 271 с.
6. Экономика лесного хозяйства СССР: учеб. для вузов / Г.И. Воробьев и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Агропромиздат, 1985. – 320 с.
7. Янушко А.Д. Экономика лесного хозяйства: учеб. пособие. – Минск: УП «ИВЦ Минфина», 2004. – 368 с.
8. Методические основы определения экономической эффективности ведения лесного хозяйства / А.В. Неверов, А.В. Равино, Д.Г. Малашевич // Труды БГТУ. – 2013. – № 7. – С. 142–145.
9. Лесное управление: учеб. пособие / Под общ. ред. А.В. Неверова. – Минск: Печат. шк., 2014. – 496 с.
10. Неверов А.В., Малашевич Д.Г. Экономическая природа лесохозяйственных издержек и система стоимостных отношений в лесном хозяйстве // Труды БГТУ. – 2012. – № 7. – С. 85–89.

Поступила 27.09.2024

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF FORESTRY ACTIVITIES

M. BOROVSKAYA

(Belarusian State Technological University, Minsk)

In the context of the commercialization of integrated forestry in the Republic of Belarus, when the issues of obtaining economic benefits from economic activities come to the fore, the analysis of forestry production, as the main part of integrated forestry, is especially relevant. In the pursuit of achieving high financial results, it is necessary not to forget about the environmental component of economic activity, which once again emphasizes the relevance of the functioning of the system of environmentally-oriented management accounting proposed by the author earlier.

The article examines methodological approaches to the analysis of forestry activities, offers cost indicators of complex forestry proposed for the analysis of forestry activities and forestry costs taking into account their features, as well as factors influencing the content and structure of forestry production costs and the amount of forestry revenues, such as revenue from the sale of timber, specific tax value, the price of timber according to the price lists of selling prices, stock quotes for timber, forestry production costs for various types of felling. The use of these proposals will allow determining the directions for regulating rent relations in forestry.

Keywords: *analysis of forestry activities, forestry costs, object of analysis, forest rent, unit tax value.*

УДК 336.051

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-7-11

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОЦЕНКИ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

канд. экон. наук Р.В. ВЕКО

(Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, Минск)

В данной работе обсуждаются недостатки традиционных коэффициентов ликвидности и предлагается алгоритм для более точной оценки платежеспособности организаций. Особое внимание уделяется коэффициенту платежеспособности по текущим обязательствам, который следует анализировать в связке с другими показателями. Подчеркивается важность комплексного подхода к анализу финансовых показателей, включая коэффициенты абсолютной и быстрой ликвидности.

Ключевые слова: платежеспособность, коэффициент текущей ликвидности, коэффициент быстрой ликвидности, коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент обеспеченности обязательств активами, коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам, программа финансового анализа.

Введение. На сегодняшний день нет общепринятой системы оценки платежеспособности организаций. Большинство авторов при оценке платежеспособности используют коэффициентный анализ [1]. В литературе предлагается множество методик оценки платежеспособности. Исследованиями оценки платежеспособности организаций занимались многие ученые, в том числе Мыцких Н.П., Ковалев, М.Л., А.Д. Шеремет, А.П. Градова, О.В. Ефимова, Г.В. Савицкая, М.Н. Крейнина, М.Д. Медникова, и др. Предлагаемые большинством авторов методики основываются на расчете показателей ликвидности, в частности, коэффициентов абсолютной и текущей ликвидности [2; 5–10]. В то же время, базируясь, в основном, на информации бухгалтерского баланса, методики, предусматривающие использование лишь данных бухгалтерского баланса, сталкиваются с проблемой несопоставимости данных в связи с временными разрывами обращения активов в денежные средства и характеризуют, скорее, общее финансовое состояние хозяйствующего субъекта, нежели его платежеспособность. В своих трудах перечисленные выше авторы не только признают недостатки таких методик, но и отмечают необходимость использования дополнительных показателей, таких как оборачиваемость различных активов и задолженности, движение денежных средств и др.

Так, Ковалев В.В. отмечает недостатки анализа по данным баланса, указывая, что при расчете коэффициентов ликвидности платежеспособность может характеризоваться как удовлетворительная, при этом не учитывается значительный объем неликвидов в запасах и просроченная дебиторская задолженность, что ведет к неправильной оценке платежеспособности [7, с. 26]. Шеремет А.Д. предлагает, помимо системы коэффициентов, учитывать анализ баланса платежеспособности. Данный анализ включает в себя оценку абсолютных показателей, в частности, просроченной задолженности кредитно-финансовым учреждениям, контрагентам и т.д. [10, с. 219–222]. Недостатки использования коэффициента абсолютной ликвидности для оценки платежеспособности отмечает Г.В. Савицкая, указывая, что значение коэффициента абсолютной ликвидности не является признаком хорошей или плохой платежеспособности. Необходимо учитывать скорость оборота краткосрочных активов и обязательств [9, с. 417]. Ефимова О.В., также отмечая недостатки коэффициентного анализа баланса, предлагает оценивать платежеспособность с учетом денежных потоков [6, с. 112–120].

В Республике Беларусь органами государственного управления была проделана значительная работа по созданию системы, позволяющей производить оценку платежеспособности. Так, оценку платежеспособности в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1672 предлагалось определять на основании трех коэффициентов – текущей ликвидности, обеспеченности собственными оборотными средствами, обеспеченности обязательств активами¹. Однако указанное постановление в настоящее время утратило силу. Кроме того, некоторыми авторами (Н. Мыцких) высказывалась критика применения коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами, так как по данным бухгалтерского баланса может быть затруднительно определить реальное значение собственных оборотных средств, также этот показатель скорее относится к оценке финансовой устойчивости, нежели к оценке платежеспособности [2]. Постановлением Министерства экономики и Министерства финансов Республики Беларусь № 16/46² была предложена методика оценки степени риска наступления банкротства, в соответствии с которой производится оценка по двум коэффициентам – обеспеченности обязательств имуществом и просроченных обязательств. Однако эта методика оценивает не платежеспособность, а степень риска банкротства, и оба эти коэффициента также имеют недостатки, в силу которых оценка ими платежеспособности может быть искажена. В соответствии с приказом Министерства финансов Республики Беларусь № 351³ предложены показатели не для оценки платежеспособности, а для оценки ликвидности – коэффициенты текущей и быстрой ликвидности, свободный денежный поток, финансовый цикл.

¹ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c21101672&q_id=667601.

² URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w22340308&q_id=667695.

³ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u621e3178&q_id=662559.

Таким образом, действующими нормативно-правовыми актами не предусмотрена методика оценки платежеспособности, предлагаются лишь отдельные показатели, косвенно свидетельствующие о проблемах с ликвидностью организаций. Исследователями, с одной стороны, отмечаются недостатки коэффициентного анализа на основе данных бухгалтерского баланса, с другой стороны предлагается использование дополнительных показателей и коэффициентов.

Недостатки отдельных коэффициентов для оценки платежеспособности. Наиболее часто встречающимся показателем в оценке платежеспособности является коэффициент текущей ликвидности. Однако сам по себе он не отразит реальной платежеспособности организации по ряду следующих причин:

1. Коэффициент не учитывает ликвидность активов: текущая ликвидность считает все текущие активы равнозначными, хотя некоторые из них могут быть менее ликвидными. Например, запасы могут не продаваться быстро, при этом текущие активы могут превышать текущие обязательства в 1,5 раза, однако организация не может производить необходимые платежи. Или, например, когда значительную долю текущих активов составляет дебиторская задолженность, которая также может оказаться трудновозвращаемой, что, в свою очередь, также может приводить к проблемам в платежеспособности при нормативном значении коэффициента.

2. Коэффициент не учитывает срок выполнения обязательств: коэффициент не различает краткосрочные обязательства по срокам погашения, что может ввести в заблуждение в случае, если часть обязательств должна быть погашена в ближайшее время.

3. Коэффициент может быть искажен сезонными фактами: в некоторых отраслях, где есть значительные сезонные колебания, коэффициент может варьироваться в зависимости от времени года, что не всегда отражает реальное финансовое состояние.

Коэффициент обеспеченности обязательств имуществом также обладает своими недостатками:

1. Коэффициент не учитывает ликвидность активов. Некоторые активы могут быть трудны для быстрой реализации, поэтому даже высокий коэффициент не всегда говорит о реальной финансовой платежеспособности.

2. Значение коэффициента зависит от оценки активов, которая может быть субъективной. Например, если стоимость активов завышена, это может исказить реальную картину финансового положения организации.

3. Коэффициент может не учитывать сроки обязательств. Долгосрочные обязательства могут быть покрыты активами, но если эти активы не генерируют поток наличности, организация может столкнуться с финансовыми проблемами.

Нередко значение коэффициента полностью совпадает с коэффициентом обеспеченности обязательств активами.

Коэффициент просроченных обязательств является важным индикатором финансового состояния. Однако и этот коэффициент не лишен критических замечаний:

1. Высокий коэффициент не всегда указывает на плохое финансовое управление. Например, в условиях экономического спада многие заемщики могут испытывать трудности с погашением долгов, что повышает коэффициент, хотя организация может быть финансово стабильной.

2. Определение, – что считать просроченным обязательством, – может варьироваться между различными организациями и странами. Это делает межотраслевые сравнения менее актуальными и точными.

3. Коэффициент нужно рассматривать в контексте других показателей и факторов, по нему часто требуются пояснения, которых в отчетности нет. Оценка рисков, связанных с просроченными обязательствами, требует более глубокой аналитики, включая изучение причин просрочек.

Финансовый цикл предполагает расчет оборачиваемости дебиторской задолженности, кредиторской задолженности и запасов. При этом, оборачиваемость дебиторской задолженности рассчитывается по отношению к выручке, а оборачиваемость запасов и кредиторской задолженности по отношению к себестоимости⁴. Это может стать проблемой при проведении анализа, т.к. установленных нормативов не существует, а сравнение с другими аналогичными предприятиями проблематично, т.к. многое зависит от учетной политики и одними предприятиями одни и те же затраты могут относиться на себестоимость, а другими – на управленческие расходы. Кроме того, данный показатель почему-то не учитывает оборачиваемость прочих краткосрочных обязательств и прочих краткосрочных активов. Он может служить, скорее, для оценки эффективности и деловой активности, нежели для оценки платежеспособности.

Свободный денежный поток является довольно редко используемым показателем при оценке платежеспособности. Для него не предусмотрено предельных значений, а сам показатель часто может вводить в заблуждение по поводу возможности генерации денежных средств, т.к. на него влияет очень много факторов⁵.

Например, организация продала здание, что привело к уменьшению долгосрочных активов и увеличению краткосрочных (денежных средств), а также увеличению свободного потока денежных средств. В результате и коэффициент текущей ликвидности и коэффициент абсолютной ликвидности, и коэффициент быстрой ликвидности, и сам свободный денежный поток показывают хорошие значения, однако это не отражает ни роста платежеспособности, ни способности организации генерировать денежные средства. Кроме того, на значение показателя сильное влияние оказывают договоренности об отсрочках платежей, предоплате и др.

Таким образом для оценки платежеспособности необходимо использовать несколько показателей, исключая недостатки каждого в отдельности. При этом количество показателей не должно быть слишком велико,

⁴ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u621e3178&q_id=662559.

⁵ Там же.

чтобы исключить проблемы с обработкой информации и сложности интерпретации данных. Дополнительно необходим показатель, характеризующий способность организации не только рассчитаться, но и генерировать средства, за счет которых могла бы гаситься краткосрочная задолженность.

Предложение по оценке платежеспособности. С учетом обозначенных недостатков коэффициентов предлагается следующий алгоритм оценки платежеспособности (Интерпретация представлена в таблице).

Коэффициент текущей ликвидности рекомендуется рассматривать с учетом вида деятельности организации, т.к. необходимо учитывать не только специфику вида деятельности, но и иметь возможность сравнивать его с коэффициентом по соответствующей отрасли. Коэффициент текущей ликвидности следует рассматривать наряду с другими финансовыми показателями – коэффициентами абсолютной и быстрой ликвидности. Так, в случае нормативного значения коэффициента текущей ликвидности и низкого значения коэффициента быстрой ликвидности рекомендуется обратить внимание на качество запасов и скорость их реализации. В случае нормативных значений коэффициентов текущей и быстрой ликвидности и низкого значения коэффициента абсолютной ликвидности – необходимо оценить качество дебиторской задолженности. Кроме того, показатель текущей ликвидности рекомендуется оценивать в связке с коэффициентом обеспеченности обязательств активами, поскольку это исключает вариант манипулирования показателями за счет перевода активов из одной категории в другую. Например, организация взяла краткосрочный кредит, что привело к значительному увеличению краткосрочных обязательств и направила средства на модернизацию и увеличение стоимости основных средств. Это сказалось на увеличении остаточной стоимости долгосрочных активов, но никак не повлияло на стоимость краткосрочных активов. Таким образом, коэффициент текущей ликвидности может быть ниже допустимого уровня, но это вовсе не означает, что субъект является неплатежеспособным, поэтому необходимо оценивать коэффициент текущей ликвидности ещё и в увязке с коэффициентом обеспеченности обязательств активами.

Несмотря на то, что обязательства могут быть покрыты активами, это не означает, что организация способна генерировать необходимый объем денежных средств, поэтому предлагается дополнить показатели коэффициентом платежеспособности по текущим обязательствам. Показатель рассчитывается как соотношение краткосрочных обязательств за исключением доходов будущих периодов (строка 690 за вычетом строки 650 бухгалтерского баланса) к среднемесячной выручке (выручка от реализации за определенный период из строки 010 отчета о прибылях и убытках делится на количество месяцев в рассматриваемом периоде). Т.е. коэффициент показывает сколько понадобится месяцев, чтобы за счет выручки погасить краткосрочную задолженность⁶.

Коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам учитывает данные отчета о прибылях и убытках и показывает количество месяцев, необходимых для погашения краткосрочных обязательств за счет выручки от реализации продукции. Утвержденного норматива по данному показателю нет, но значение показателя более 6 считается недопустимым⁷.

Главное достоинство предложенной методики – она позволяет более объективно оценить платежеспособность субъектов путем увязки данных бухгалтерского баланса с данными отчета о прибылях и убытках.

Существующие методики лишь оценивают соотношение определенных активов и обязательств на определенную дату и никак не оценивают способность субъекта генерировать денежные средства для погашения задолженности. На практике могут быть ситуации, когда в результате определенных событий (неблагоприятное судебное решение, повлекшее значительное уменьшение стоимости активов, дебиторская задолженность признается безвозвратной и т.д.) долги значительно превосходят имеющиеся активы и в соответствии с существующими методиками организация может быть признана неплатежеспособной. В то же время, организация не утратила способность генерировать денежные средства, что позволит субъекту погашать задолженность. Именно для определения способности генерировать денежные средства и нужен коэффициент оценки платежеспособности по текущим обязательствам. Именно он обеспечивает взаимосвязи бухгалтерского баланса с отчетом о прибылях и убытках и позволяет более объективно оценить картину.

Например, организация произвела и поставила покупателю продукцию с отсрочкой платежа, производство продукции привело к увеличению кредиторской задолженности (что отразится на строке «краткосрочные обязательства» баланса), а поставка продукции с отсрочкой привела к росту дебиторской задолженности (что увеличит строку краткосрочных активов бухгалтерского баланса). Для примера возьмем цифры по строке «краткосрочные обязательства» в 100 тыс. руб., по строке «краткосрочные активы» – 150 тыс. руб., из них 70 тыс. руб. – дебиторская задолженность, остальные 80 тыс. руб. – в равных долях денежные средства и запасы. Коэффициент текущей ликвидности получается на уровне 1,5 (150/100), коэффициент быстрой ликвидности также получился в пределах норматива 1,1 ((150-40)/100), коэффициент абсолютной ликвидности также не вызывает подозрений 0,4(40/100). Однако в силу определенных событий с течением времени дебиторская задолженность на сумму 60 тыс. рублей признается безнадежной, в результате коэффициент текущей ликвидности оказывается ниже допустимого значения 0,9 (90/100), коэффициент быстрой ликвидности также будет находиться на критически низком уровне 0,5 ((90-40)/100).

⁶ Об утверждении Методических указаний по проведению анализа финансового состояния организаций [Электронный ресурс]: приказ Федер. службы России по финансовому оздоровлению и банкротству от 23.01.2001 г., № 16 // «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16208/.

⁷ Об утверждении Методики проведения Федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платежеспособности стратегических предприятий и организаций [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 21.04.2006 г., № 104 // «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61032/.

Таблица. – Интерпретация сочетаний показателей коэффициентов для оценки платежеспособности субъекта хозяйствования

	Коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам	Коэффициент обеспеченности обязательствами активами	Коэффициент абсолютной ликвидности	Коэффициент быстрой ликвидности	Коэффициент текущей ликвидности
Анализируемый субъект хозяйствования является платежеспособным, способен генерировать достаточное количество средств для исполнения обязательств. С такими показателями допустимо предоставлять заем или отсрочку платежа.	+	+	+	+	+
Анализируемый субъект хозяйствования является платежеспособным, способен генерировать достаточное количество средств для исполнения обязательств. Однако рекомендуется обратить внимание на краткосрочную дебиторскую задолженность, возможно, имеются проблемы с её возвратом.	+	+	-	+	+
Анализируемый субъект хозяйствования является платежеспособным, способен генерировать достаточное количество средств для исполнения обязательств. Однако рекомендуется обратить внимание на краткосрочную дебиторскую задолженность и запасы, возможно, имеются проблемы с возвратом названной задолженности и реализацией запасов.	+	+	-	-	+
На анализируемую дату субъект хозяйствования может испытывать трудности с исполнением текущих обязательств, однако у него достаточно имущества для покрытия обязательств и он способен генерировать необходимый объем денежных средств.	+	+	-	-	-
На анализируемую дату субъект хозяйствования способен исполнять текущие обязательства и генерировать необходимый объем денежных средств. Однако имеющегося имущества недостаточно для покрытия всех обязательств, что может иметь негативные последствия в долгосрочной перспективе.	+	-	+	+	+
У анализируемого субъекта хозяйствования достаточно активов как для покрытия краткосрочных, так и долгосрочных обязательств. Однако следует обратить внимание, что объемы продаж субъекта не позволяют генерировать достаточный объем денежных средств, что в скором времени может оказать негативное влияние на его платежеспособность.	-	+	+	+	+
У анализируемого субъекта хозяйствования недостаточно активов как для покрытия краткосрочных, так и долгосрочных обязательств. Однако объемы продаж субъекта позволяют генерировать достаточный объем денежных средств для покрытия текущей задолженности в ближайшие месяцы.	+	-	+	+	-
На отчетную дату у субъекта хозяйствования достаточно имущества для покрытия обязательств. Однако субъект не только может испытывать трудности с исполнением текущих обязательств, но и не обеспечивает генерацию достаточного объема средств для покрытия задолженности.	-	+	+	+	-
Имеющегося у субъекта имущества недостаточно для покрытия всех обязательств, также субъект не обеспечивает генерацию достаточного объема средств для покрытия задолженности.	-	-	+	+	+
Анализируемый субъект хозяйствования является неплатежеспособным, не способен генерировать достаточное количество средств для исполнения обязательств. Не рекомендуется предоставлять заем или отсрочку платежа.	-	-	+	+	-

Оценивая эти коэффициенты, многие контрагенты начнут принимать дополнительные меры для защиты своих интересов, например, поставлять продукцию только по предоплате, что ещё больше ухудшит финансовое положение, кредитно-финансовые учреждения также могут прийти к неверным выводам в оценках. Однако, это вовсе не означает, что организация неплатежеспособна, она по-прежнему поставляет продукцию в прежних объемах покупателям и при отсутствии дополнительных негативных факторов, таких как решение поставщиков работать только по предоплате, организация может в течение лишь нескольких месяцев рассчитаться с долгами. Например, значение коэффициента платежеспособности по текущим обязательствам составило 4 (100/25(среднемесячная выручка)), это означает, что в течение ближайших 4 месяцев организация способна привести в норму и коэффициент текущей ликвидности и коэффициент быстрой ликвидности, рассчитавшись по своим обязательствам. Или же, наоборот, коэффициенты текущей ликвидности и быстрой ликвидности показывают допустимые значения, однако организация потеряла рынки сбыта и не может генерировать достаточный объем денежных средств, это и показывает коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам, и этот фактор должен насторожить кредитно-финансовые учреждения и других субъектов.

Заключение. Существует множество различных показателей, характеризующих платежеспособность, однако многие из них подвержены субъективным факторам, что может приводить к неверным выводам.

С учетом выявленных недостатков предлагается производить расчет пяти показателей, которые учитывают не только структуру баланса, но и способность организации генерировать денежные средства – коэффициент текущей ликвидности, коэффициент быстрой ликвидности, коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент обеспеченности обязательств активами и коэффициент платежеспособности по текущим обязательствам. Предложенная методика позволяет более объективно оценить платежеспособность организации путем учета данных из разных форм бухгалтерской отчетности. Кроме того, подход позволяет проводить исследования по оценке других аспектов деятельности предприятия, таких как финансовая устойчивость, оценка эффективности активов и др.

Рекомендуется анализировать данные не за один, а за несколько аналогичных периодов, что позволит понять динамику показателей. Производить такие расчеты по большому количеству организаций (контрагентов, заемщиков и т.д.) за несколько периодов ещё и при необходимости поиска данных будет очень трудоемким, поэтому рекомендуется использовать специализированные компьютерные программы финансового анализа организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрова К.С. Сравнительная оценка методик анализа ликвидности и платежеспособности организации // Вестник Национального института бизнеса. – 2017. – № 27. – С. 20–38.
2. Мыцких Н., Мыцких В. Проблемы обеспечения достоверности оценки собственных оборотных средств // Банкаўскі веснік. – 2012. – № 10/555. – С. 25–30.
3. Сорокина Е.М. Проблемы финансового анализа ликвидности и платежеспособности организаций // Науч. журн. Байкал. гос. ун-та. – 2022. – № 3. – С. 19–28.
4. Совершенствование методики анализа платежеспособности и ликвидности организаций / Л.И. Ушвицкий, А.В. Савцова, А.В. Малеева // Финансы и кредит. – 2006. – № 17(221). – С. 56–61.
5. Градов А.П. Экономическая стратегия фирмы: учеб. пособие / под ред. А.П. Градова. – 4-е изд., перераб. – СПб.: Спец. лит., 2003. – 959 с.
6. Ефимова О.В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений: учеб. – 2-е изд. – М.: Омега-Л., 2010. – 351 с.
7. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 559 с.
8. Крейнина М.Н. Финансовое состояние предприятия. Методы оценки. – М.: ИКЦ «ДИС», 2009. – 224 с.
9. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. – Минск: ООО «Новое знание», 2000. – 688 с.
10. Шеремет, А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. – М.: Инфра-М., 2009. – 536 с.

Поступила 18.09.2024

ON IMPROVING THE ASSESSMENT OF THE SOLVENT CAPACITY OF BUSINESS ENTITIES

R. VEKO

(National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk)

This paper discusses the shortcomings of traditional liquidity ratios and proposes an algorithm for more accurately assessing the solvency of organizations. Particular attention is paid to the solvency ratio for current liabilities, which should be analyzed in conjunction with other indicators. The importance of an integrated approach to the analysis of financial indicators, including absolute and quick liquidity ratios, is emphasized.

Keywords: solvency, current liquidity ratio, quick liquidity ratio, absolute liquidity ratio, asset coverage ratio of liabilities and solvency ratio for current liabilities financial analysis program.

УДК 338.45:005.4

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-12-16

ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К МЕНЕДЖМЕНТУ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ УЧЕТЕ И АНАЛИЗЕ*канд. экон. наук, доц. О.В. ГОЛОВАЧ**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Высокий уровень конкуренции, рост затрат и стоимости ограниченных ресурсов в современных условиях активного роста технологий вызывают необходимость исследования наиболее эффективных практик внедрения и развития процессно-ориентированного подхода к управлению организациями как источника повышения эффективности функционирования и экономической безопасности компании. Это позволяет детально анализировать производственно-технологические операции и определять ключевые точки воздействия на них.

В данной статье рассматриваются принципы, классификация, особенности построения и инструменты повышения эффективности основных, вспомогательных и обеспечивающих бизнес-процессов организации на базе внедрения инструментов для их всестороннего анализа и реинжиниринга, а также раскрыты основные направления по внедрению процессно-ориентированного подхода к менеджменту в бухгалтерском управленческом учете.

Ключевые слова: *процессно-ориентированное управление, бизнес-процесс, бухгалтерский управленческий учет, анализ эффективности, моделирование и реинжиниринг.*

Введение. В современном мире динамично меняющихся условий развития общества под воздействием ряда эндогенных и экзогенных факторов устоявшиеся принципы, присущие традиционной функциональной модели управления, становятся малоэффективными и требуют оценки возможности перехода к процессно-ориентированной модели управления, основывающейся на разработке организационной концепции и построении архитектуры, идентификации и описании, анализе эффективности и, при необходимости, реинжиниринге бизнес-процессов компании, базирующихся на принципах, определяющих успех этой деятельности:

- целенаправленность как квинтэссенция построения актуального подхода к достижению эффективности формируемых процессов;
- взаимодействие, выстроенное на основе детерминированной связи, определяющей причину и следствие, и по итогу – системность взаимодействия элементов;
- последовательность выполнения операций, реализующих оптимальное сочетание действий по выполнению процесса.

Исследованию вопросов внедрения процессно-ориентированного подхода в управлении организациями и его применения в управленческом учете посвящены работы ряда современных отечественных ученых: Д.В. Орлова, А.А. Салманова, О.В. Несмачных, М.А. Батьковского, С.Е. Куклева, Р.Г. Каспиной, В.С. Кивачука, С.В. Потапова, О.В. Магомедалиевой, Р.В. Иванова, Г.Е. Загорейской и др. [1–10], однако аспекты применения инструментов процессно-ориентированного менеджмента в системе управленческого учета требуют дальнейшего развития и детализации.

Основная часть. Построение системы управления бизнес-процессами компании базируется на исследовании категориального аппарата, обеспечивающего понимание и возможность использования накопленного обществом положительного опыта реализации подобных проектов. При этом исследователи обращаются к международным практикам, наиболее известным своими результатами. Эти определения необходимо использовать как ядро, которое следует рассматривать применительно к уровню социально-экономического развития общества, особенностям деятельности субъектов хозяйствования в конкретной стране. Поэтому, с учетом определения, приведенного в международном стандарте ISO 9001:2015, для целей исследования будем рассматривать категорию «бизнес-процесс» как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих процессов, которые используют входы для производства запланированного результата (выхода) с учетом наличия ресурсов, имеющихся в распоряжении владельца бизнес-процесса [11].

Формирование концепта процессно-ориентированной системы управления компании предусматривает обоснование её стратегии, в основе которой заложены принципы клиентоориентированности, для чего необходимо сегментировать и идентифицировать клиентов, потребности, а также требования, которые они выдвигают к продукции (работам, услугам). Это даст возможность перейти к построению бизнес-процессов с учетом потребностей клиентов и возможностей конкурентов, результатом чего станет возможным успешное позиционирование компании на рынке.

Этап разработки организационной концепции и построения архитектуры предусматривает структуризацию определенных для реализации бизнес-процессов и процессов их формирующих. Как правило, к бизнес-процессам верхнего уровня относятся бизнес-процессы управления и развития компании: корпоративное управление, управление финансами, инвестициями, персоналом и ценовой (тарифной) политикой. Однако основными процессами, генерирующими финансовый результат, являются процессы производства продукции (оказания услуг и выполнения работ). При этом не менее важно дополнить карту процессов вспомогательными процессами (продажи, логистика, ремонт и обслуживание оборудования), обеспечивающими стабильную и комфортную работу

основных бизнес-процессов. Кроме того, выделяются обеспечивающие процессы, связанные с ведением учета и предоставлением отчетности, решением юридических вопросов, снабжением, хранением, содержанием зданий и сооружений, а также контролем и IT-поддержкой работы информационно-управляющих систем. Для достижения эффективности функционирования бизнес-процессов компании важна работа каждого процесса, которая напрямую зависит от построенной архитектуры, учитывающей границы, ресурсы, единоначалие владельцев процессов, наличие схемы взаимодействия центров ответственности за выполнение бизнес-процессов, их функционал, делегированные полномочий и права.

Одной из наиболее сложных задач формализации бизнес-процессов, требующей исследования организационной структуры и сфер ответственности персонала компании, является выделение «границ», определенных первым и последним шагами процесса, вызванного одним или несколькими событиями (обратился клиент, распоряжение руководителя, выпуск продукции, её отгрузка и др.). Таким образом, абсолютно любой процесс имеет одно или несколько событий начала и окончания, отраженных на определенную дату, что соответствует «входу» или «выходу» и фиксируется в учетной системе, формирующей объективную информационную базу для оценки эффективности осуществления идентифицированного бизнес-процесса. Однако не менее важно обеспечить выполнение процесса соответствующими ресурсами: сырье, транспорт, связь, персонал и др., находящимися в распоряжении владельца процесса, ответственного за затраты, доходы, результативность или эффективность его осуществления. Это обуславливает особую роль идентификации и описания бизнес-процесса с разработкой регламента его функционирования как локальной нормативно-правовой основы, описывающей суть, архитектуру и владельца бизнес-процесса, его права и обязанности, элементы и этапы выполнения бизнес-процесса, взаимосвязь и сферы ответственности сотрудников, участвующих в реализации его механизмов.

Экономический анализ призван дать оценку состояния, качества и эффективности реализации каждого из бизнес-процессов, границы реализации которых могут не совпадать с границами создания продукции (работ, услуг) субъекта хозяйствования. В связи с этим ключевым вопросом при разработке методики анализа бизнес-процессов является формирование информационной системы, позволяющей комплексно оценить не только их фактическое состояние, но и выявить параметры необходимого моделирования и реинжиниринга.

В качестве информационной системы выступает бухгалтерский управленческий учет как наиболее адаптивная часть учетной системы организации, которая, в отличие от бухгалтерского учета в его классической интерпретации, не ограничивается только строго регламентированными учетными процедурами, а включает широкий набор других функций управления (выработка стратегической политики организации, мотивация сотрудников, контроль, прогнозирование, анализ, планирование и бюджетирование и т.д.) [12, с. 6]. В отечественной учетно-аналитической практике бухгалтерский управленческий учет рассредоточен между различными экономическими и управленческими отделами, начиная с отдела кадров, бухгалтерии, отделов оперативного учета (планово-диспетчерских отделов) и заканчивая планово-экономическим отделом. Это обусловлено тем, что для управления эффективностью бизнес-процессов нужна быстрая своевременная информация о выработке, выпуске, продажах, кадрах, выполнении плановых показателей и т.д. При этом бухгалтерский управленческий учет следует рассматривать как бизнес-процесс, связанный со сбором, обработкой, хранением и предоставлением запрашиваемой менеджментом верифицированной информации, интегрированный через единую информационную систему с инструментами ввода (первичные учетные документы) и вывода данных (формы управленческой отчетности) [12, с. 6].

Таким образом, в интересах процессно-ориентированного управления бухгалтерский управленческий учет следует рассматривать как процесс выявления, измерения, накопления, анализа, переработки и передачи информации в рамках осуществляемых организацией бизнес-процессов, используемый управленческим звеном организации для принятия решений, планирования, контроля и регулирования. Это система, обеспечивающая оперативной структурированной по заданным параметрам информацией, составляет интеллектуальное ядро системы оценки и повышения эффективности функционирования идентифицированных бизнес-процессов организации [1, с. 9].

Центральное место в этой сложной интегрированной системе занимают затраты, поэтому научно обоснованная модель их аналитического учета позволяет рассчитывать и интерпретировать полученную величину показателей, характеризующих затраченные на осуществление бизнес-процесса ресурсы, его результативность и эффективность осуществления и реализации. Анализ эффективности осуществления бизнес-процессов должен предусматривать оценку не только классических экономических показателей (расходы, доходы, прибыль), но и показателей, характеризующих технические и технологические параметры (время, скорость, количество, численность и т.п.). При этом особое внимание должно быть уделено показателям качества как самого процесса (стабильность, уникальность, регенерируемость и др.), так и его результатов (соответствие стандартам, безопасность, дефектность, ритмичность, своевременность и т.п.), которые напрямую связаны с оценкой удовлетворенности клиентов. Клиентоориентированность показателей анализа обусловлена самим фактом обоснования бизнес-процесса, т.е. востребованностью внешним потребителем.

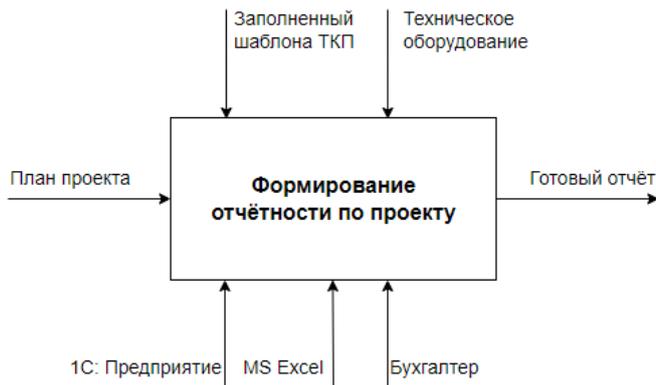
Каждый субъект хозяйствования должен разрабатывать свою систему показателей, дифференцированную по каждому бизнес-процессу с тем, чтобы сформировать уникальную информационно-аналитическую базу критериев оценки эффективности их осуществления, выявления «узких мест» и «ведущих звеньев», обоснования параметров оптимизации и направлений их моделирования и реинжиниринга.

Одним из условий эффективного управления бизнес-процессами компании является моделирование, то есть создание адекватных моделей исследуемых процессов, представляющих формализованное (графическое,

символьное, табличное, алгоритм) описание, отражающее деятельность компании в заданных условиях окружающей среды. Такое описание должно быть доступно для понимания всеми причастными сторонами, в том числе и неспециалистами в области процессного управления. Бизнес-модель позволяет усовершенствовать процессы принятия управленческих решений, решить вопрос о реорганизации бизнеса, интегрировать деятельность компании в систему менеджмента качества, минимизировать риски, а также использовать информационные технологии при управлении бизнесом.

С целью описания бизнес-процессов в настоящее время используется широкий набор нотаций (IDEF0, BPMN, EPC, UML и др.) (рисунок), которые поддерживают созданные программные продукты. Совокупность таких инструментов получило название CASE-средств. В практической деятельности использование CASE-средств требует профессиональных навыков, а также рационального подхода к их выбору.

а)

б)

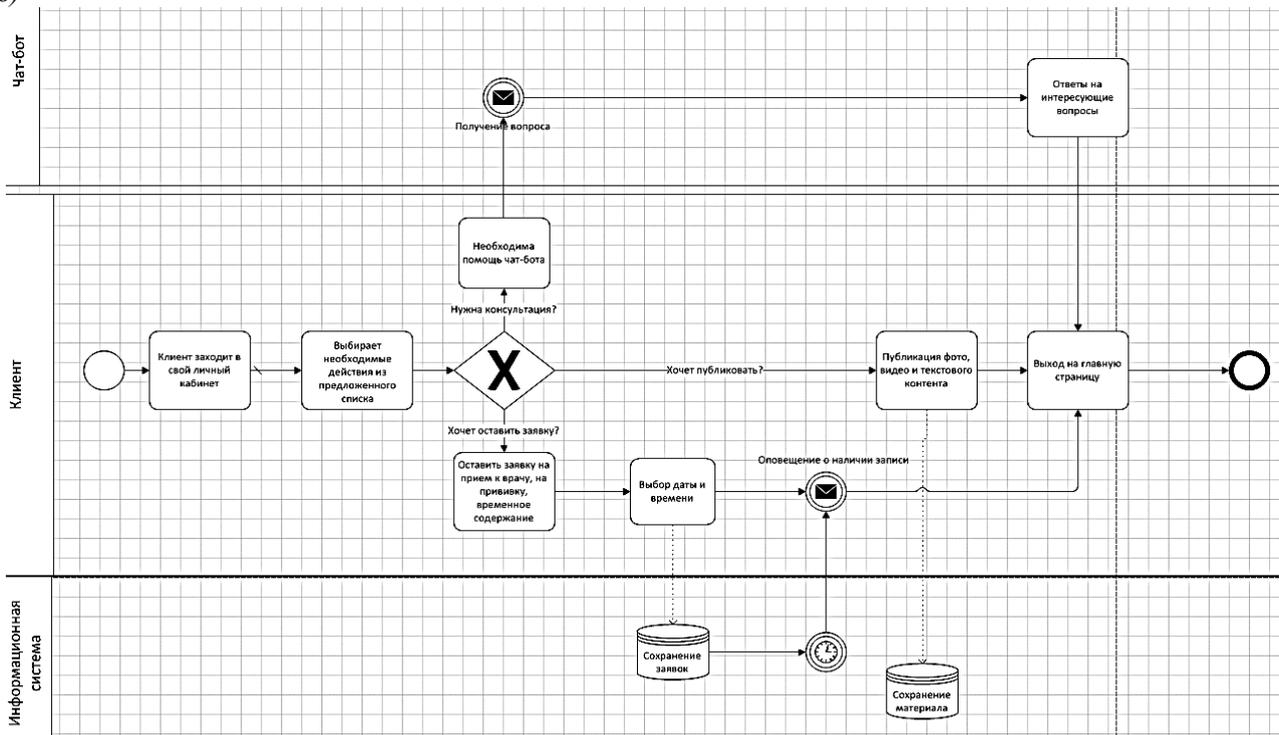

Рисунок. – Примеры нотаций: а) IDEF0, б) BPMN

Одной из главных проблем при использовании CASE-средств является сложность их выбора при проведении моделирования. В настоящее время разнообразие инструментов требует от руководства компании наличия специальных знаний в области бизнес-моделирования, а также ставит менеджера перед выбором именно того продукта, который будет актуален и применим для конкретной организации. К наиболее широко используемым компаниями CASE-средствам относятся: Business Studio, ARIS Express, AllFusion Process Modeller, Microsoft Visio, Workflow Modeller и другие. Понимание особенностей, достоинств и недостатков каждого из инструментов и определяют выбор их в каждой конкретной организации. Немаловажным является и то, что выбор определенной нотации и инструмента моделирования зависит от специфики модели, цели её построения, возможностей компании.

Так, в случае применения структурной модели, описывающей последовательность процессов организации, актуальным будет применение нотации IDEF0, однако в случае использования временного фактора будут целесообразны нотации BPMN, EPC. Также нотацию BPMN будет уместно использовать при проведении анализа или оптимизации существующих процессов, а также при реализации автоматизации деятельности компании. Использование нотации UML наиболее актуально в программной инженерии для осуществления коммуникаций между разработчиками, а также взаимодействия с клиентами компании. Следовательно, выбор конкретной нотации и CASE-средства должен сопровождаться глубоким анализом бизнес-архитектуры организации, а также учитывать цели и задачи моделирования бизнес-процессов и способствовать повышению эффективности деятельности компании в целом.

Заключение. Процессно-ориентированный подход, сформированный в системе менеджмента качества, в настоящее время предопределяет тренд развития информационно-управляющих систем, цель которых заключается в построении бизнес-процессов, обеспечении их функционирования и, при необходимости, реинжиниринга в интересах повышения эффективности осуществления. Эта цель достигается за счет индивидуализации методологии внедрения процессно-ориентированного управления для конкретной организации, регламентации её бизнес-процессов, информационного наполнения системы принятия решений необходимыми данными. Возникновение и повсеместное распространение современных информационных систем служит основным драйвером развития процессно-ориентированного подхода в настоящее время. Новый класс информационных систем, позволяющих моделировать бизнес-процессы в формате диаграмм, блок-схем, алгоритмов, устанавливать степени защиты системам, генерировать информационные потоки, осуществлять мониторинг каждого элемента системы, является одним из главных условий совершенствования методологии аналитических исследований и бухгалтерского управленческого учета как информационной базы для их проведения.

Однако для внедрения всех современных CASE-средств для реинжиниринга, построения эффективной иерархии, соподчиненности бизнес-процессов, обеспечения слаженного функционирования бизнес-процессов организации необходимо, в первую очередь, как уже было отмечено выше, определение методики управленческого учета бизнес-процессов, при этом ведение самого управленческого учета также выступает как один из детализированных бизнес-процессов укрупненного бизнес-процесса «управление». Учет по бизнес-процессам должен быть выделен как структурный элемент учетной политики организации по бухгалтерскому управленческому учету. Для каждого бизнес-процесса должен быть определен перечень затрат (расходов) и доходов (при их возникновении), образующихся в связи с его наличием и функционированием в организации; соответственно, разработана система первичных учетных документов и внутренней управленческой отчетности, позволяющей ассоциировать затраты (расходы) и доходы с определенным бизнес-процессом. Необходимо разработать и прописать в учетной политике по бухгалтерскому управленческому учету методики распределения общих для нескольких бизнес-процессов затрат (расходов) и (или) доходов. Если в организации имеет место внутреннее потребление одним бизнес-процессом продукции, работ, услуг, вырабатываемых другим бизнес-процессом, то возникает необходимость в установлении внутренних трансфертных цен на указанные потребляемые внутри организации продукцию, работы, услуги.

В основу создания такой системы бухгалтерского управленческого учета бизнес-процессов может быть положено уже ставшее классическим для управленческого учета направление учета затрат и результатов по центрам ответственности. Тем не менее, принимая во внимание тот факт, что центры ответственности и бизнес-процессы не совпадают (это разные объекты бухгалтерского управленческого учета), а также то, что методики учета затрат и результатов по центрам ответственности являются универсальными для большинства организаций, учет затрат и результатов по центрам ответственности может предоставить только общую концептуальную модель построения учета затрат и результатов в разрезе бизнес-процессов, конкретные методики и инструменты последнего требуют разработки для каждой конкретной организации на основе оценки её видов деятельности, масштабов бизнеса, производственных и управленческих особенностей и других взаимосвязанных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов Д.В. Процессно-ориентированный подход к управленческому учету // Научные записки молодых исследователей. – 2014. – № 1. – С. 32–35.
2. Салманов А.А. Процессно-ориентированный подход в управлении фондами обращения предприятий легкой промышленности [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... экон. наук: 08.00.05. – СПб., 2013. – URL: <https://rusist.info/book/10912803>. (дата обращения: 19.08.2024).
3. Несмачных О.В., Баранов С.Е. Повышение эффективности деятельности интегрированного предприятия на основе процессно-ориентированного подхода // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 43(250). – С. 47–53.
4. Батьковский М.А., Кравчук П.В., Кузнецова Е.В. Процессно-ориентированный подход к управлению инновационно-активными предприятиями // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. № 3. – С. 327–333.
5. Куклев С.Е. Совершенствование процессно-ориентированного управления организацией на основе системно-синергетического подхода [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Орел, 2013. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005542376/. (дата обращения: 19.08.2024).
6. Каспина Р.Г., Хапугина Л.С. Применение процессно-ориентированного подхода в управленческом учете при формировании бизнес-модели организации // Международный бухгалтерский учет. – 2013. – № 39(285). – С. 2–8.

7. Кивачук В.С., Потапов С.В. Использование процессно-ориентированного подхода на промышленных предприятиях с функциональной организационной структурой // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Эконом. и юрид. науки. – 2008. – № 4. – С. 35–38.
8. Магомедалиева О.В. Повышение эффективности управления промышленным предприятием на основе реализации процессно-ориентированного подхода [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Орел, 2006. – URL: <https://static.freereferats.ru/avtoreferats/01003042663.pdf?ver=2>. (дата обращения: 19.08.2024).
9. Иванов Р.В. Комплексная система управления предприятием нефтегазовой отрасли на основе совмещения функционального и процессно-ориентированного подходов [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – СПб., 2010. – URL: <https://economy-lib.com/disser/383651/a/#?page=1>. (дата обращения: 19.08.2024).
10. Закорецкая Г.Е. Организация управленческого учета на основе процессно-ориентированного подхода [Электронный ресурс]: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Уфа, 2003. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002623472/. (дата обращения: 19.08.2024).
11. Системы менеджмента качества – Требования. Стандарт ISO 9001:2015 [Электронный ресурс] – URL: [https://pqm-online.com/assets/files/pubs/translations/std/iso-9001-2015-\(rus\).pdf](https://pqm-online.com/assets/files/pubs/translations/std/iso-9001-2015-(rus).pdf). (дата обращения: 19.08.2024).
12. Бухгалтерский управленческий учет в промышленности: учеб. пособие / О.В. Головач, О.П. Моисеева, О.А. Бондаренко; под ред. О.В. Головач. – Минск: Выш. шк., 2023. – 268 с.

Поступила 14.09.2024

PROCESS-ORIENTED APPROACH TO MANAGEMENT AND ITS APPLICATION IN MANAGEMENT ACCOUNTING AND ANALYSIS

O. GOLOVACH

(Belarusian State Economic University, Minsk)

High level of competition, growth of costs and cost of limited resources in modern conditions of active growth of technologies necessitate the study of the most effective practices of implementation and development of process-oriented approach to management of organizations as a source of increasing the efficiency of functioning and economic security of the company. This allows to analyze in detail production and technological operations and determine key points of influence on them. This article discusses the principles, classification, features of construction and increasing the efficiency of business processes of the organization taking into account the use of tools for analysis, optimization and reengineering of business processes and also disclosed the main directions for the implementation of a process-oriented approach to management in management accounting.

Keywords: *process-oriented management, business process, management accounting, efficiency analysis, modeling and reengineering.*

УДК 331.5:330.34(043.5)

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-17-21

**УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ***канд. экон. наук И.В. ЗЕНЬКОВА¹, канд. экон. наук Е.И. ГАЛЕШОВА²
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**А.А. БУРАК³**(Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь)**Е.Н. ЯКУТОВИЧ⁴**(Институт прикладной физики Национальной академии наук Беларуси)*¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1930-2370>; ²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0329-1611>;³ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8846-8241>; ⁴ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1412-1669>

В статье проведен анализ приоритетных социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения, выявлены на этой основе узкие места, требующие решения. Предложены теоретико-практические рекомендации по проблеме: дополнение существующих исследовательских схем принципами инновационности, социальной обеспеченности и защищенности населения; обоснование междисциплинарного подхода к анализу новых форм занятости населения для целей устойчивого развития; использование методологического синтеза современных теорий государственного регулирования в раскрытии причинно-следственных связей между проводимой социальной политикой и темпами роста общественного благосостояния; разработка механизмов и инструментов формирования компетенций у молодежи по продвижению стартапов; развитие законодательной базы социального предпринимательства в Республике Беларусь; формирование и совершенствование интегрированных систем менеджмента на базе международных стандартов.

Ключевые слова: *занятость населения для целей устойчивого развития, общественное благосостояние, социальное предпринимательство, система менеджмента.*

Введение. Проблемы занятости населения для целей устойчивого развития национальной экономической системы, инструменты и механизмы реализации экономической политики через развитие инновационных форм занятости становятся все более актуальными для Республики Беларусь, занимающей высокие позиции в рейтинге по уровню человеческого развития, реализующей принципы гендерно-ориентированной охраны здоровья, совмещения родительских и профессиональных обязанностей, механизмы реинтеграции женщин на рынок труда с необходимостью повышения качества жизни населения за счет эффективной занятости, что отражено в программе социально-экономического развития Республики Беларусь до 2025 года, устойчивого роста доходов и улучшения социальной среды. В НСУР-2035 г. в качестве векторов развития новой парадигмы качественного развития человеческого потенциала обозначены: «...устойчивое демографическое развитие, рост потенциала семьи и детей; содействии развитию потенциала молодежи, новая архитектура сферы образования...»¹. Указом Президента Республики Беларусь № 375 «Об объявлении 2024 г "Годом качества"» определен приоритет «...формирования в обществе ответственности за результаты своего труда и чувства сопричастности к будущему страны»².

Исходя из вышеизложенного, целью исследования является анализ приоритетных социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития национальной экономики, и выявление на этой основе узких мест, требующих решения. Основными задачами исследования выступают:

- анализ имеющейся теоретической базы, программных документов о сущности социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития экономических систем;
- систематизация и анализ социально-экономических условий;
- выявление несогласований между устойчивыми закономерностями формирования занятости населения на рынке труда в национальной экономике и целевыми ориентирами, отражающими реализацию политики устойчивого развития национальной экономики.

Методологической основой исследования выступают положения теории занятости, устойчивого развития экономических систем, включающие анализ и теоретическое обобщение сущности занятости населения, социально-экономических условий для развития эффективной занятости и созидательного труда. Использован сравнительный анализ, метод аналогий, обработка эмпирических данных для выявления причинно-следственных связей и тенденций в развитии социально-экономических процессов на рынке труда, экстраполяция тенденций.

Основная часть. На протяжении ряда лет проблемами анализа, теоретического обобщения сущности занятости населения, социально-экономических условий для формирования и развития эффективной занятости, созидательного труда занимались ведущие ученые страны Богатырева В.В., Ванкевич Е.В., Верезубова Т.А., Давыденко Л.Н., Золотарева О.А., Злотников А.Г., Капустина Л.М., Капштык А.И., Новикова И.В., Павлов К.В.,

¹ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>.

² URL: https://president.gov.by/fp/v1/724/document-thumb_51724_original/51724.1701097171.f5e90e445f.pdf.

Сенько А.Н., Тихонова Л.Е., Юк З.М., а также ведущие практические деятели: Астапенко В.Н., Кананович Л.Н., Павлюченко Н.В., Токун О.В. и др. Значительных результатов по данным вопросам достигли ученые Российской Федерации: Гимпельсон В.Е., Гришин К.Е., Капелюшников, Р. И., Маликов Р.И., Одегов, Ю. Г., Рязанцев С.В., Слезингер Г.Э., Шихвердиев А.П. и др. Зарубежными основоположниками теории занятости населения, социально-экономических условий для формирования и развития эффективной занятости были Ф. Кенэ, У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, Дж. Кейнс, К. Менгер и др.

Несмотря на глубокое изучение теоретических проблем занятости, остаются вопросы, в том числе, по систематизации социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития экономических систем, исходя из накопленного исторического опыта, отечественной и зарубежной практики, сложившихся экономических отношений, вызовов и угроз. Наличие многообразия мнений отечественных и зарубежных ученых, ведущих практиков о причинно-следственных связях, тенденциях в развитии социально-экономических процессов на рынке труда свидетельствует об актуальности данного явления. Так, теоретический подход К. Маркса и Ф. Энгельса к исследуемому вопросу обосновывает, что «масштабы воспроизводства человека как главной производительной силы» зависят от уровня развития потребительного богатства общества, накопленного духовного богатства, культуры, свободного времени населения и функционирования семьи [1, с. 1–20].

Теоретические обобщения сущности занятости населения, социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития экономических систем, отражены в публикациях И.В. Зеньковой [2–5]. В них автором приведено в соответствие содержание занятости целям устойчивого развития и занятость населения рассматривается как система отношений между органами государственного управления, институтом государственно-частного партнерства, институтом социального партнерства, населением, в том числе, которое готовится к профессиональной деятельности через институт семьи, дошкольные учреждения, школы, техникумы (колледжи), высшие учебные заведения, курсы подготовки к новым профессиям по поводу подготовки к инновационным формам трудоустройства. Для уточнения содержания занятости целями устойчивого развития смещены акценты в сторону реализации социальной политики, социальной защиты и социального обеспечения населения; расширены возможности построения индивидуальной траектории образования для молодежи с 15 лет и далее, соразмерно возрасту; в траекторию образования молодежи обоснованно включены инструменты научной и инновационной политики.

В данной статье поставлена задача анализа программных документов о сущности социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития экономических систем; систематизация и анализ социально-экономических условий, а также выявление узких мест в степени согласованности между устойчивыми закономерностями формирования занятости населения на рынке труда в национальной экономике и целевыми ориентирами, отражающими реализацию политики устойчивого развития национальной экономики.

Анализ программных документов показал, что в стране в полной мере созданы предпосылки для формирования социально-экономических условий совершенствования форм занятости населения.

Так, национальный статистический комитет Республики Беларусь располагает системой индикаторов, которая позволяет в динамике всесторонне рассматривать рынок труда, выделять слабые и проблемные стороны в развитии, концентрироваться на основных направлениях повышения качества занятости и учитывать конкретные меры в национальных программах в этой области.

В качестве целевых ориентиров государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. дана установка удерживать позиции в рейтинге стран по индексу уровня образования не ниже 30-й позиции. Спрогнозирован рост показателей индикатора «доля молодежи, которая учится, работает и приобретает профессиональные навыки», в 2025 г. – 94,0% от общей численности населения в возрасте от 15 до 24 лет (срав.: в 2021 г. – 91,7% от общей численности населения в возрасте от 15 до 24 лет); «охват молодежи, вовлеченной в мероприятия по формированию здорового образа жизни и семейных ценностей», в 2025 г. ожидается на уровне 80% от общей численности молодежи в возрасте от 14 до 31 года (срав.: в 2021 г. – 72 %)³.

Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. ставит целью «...оптимальное сочетание трансфера новых зарубежных технологий с развитием собственного научно-технологического потенциала и продвижением отечественных технологий на мировой рынок...», а среди задач: «стимулирование участия молодых людей в сфере научно-технической и инновационной деятельности, формирование и развитие новых бизнес-моделей молодежной занятости в инновационной сфере, в том числе поддержка молодежных стартапов», стимулирование «инновационного предпринимательства»⁴.

Для оценки национальной безопасности в научно-технологической сфере используются индикаторы:

- удельный вес инновационно активных организаций в общем числе организаций обрабатывающей промышленности;
- удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организациями обрабатывающей промышленности;
- доля экспорта наукоёмкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме белорусского экспорта;
- внутренние затраты на научные исследования и разработки в процентах от ВВП.

³ URL: <https://adu.by/images/2021/02/gos-pr-obrazovanie-molod-politika-2021-2025.pdf>.

⁴ URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf; URL: <http://belisa.org.by/pdf/2020/GPIR.pdf>.

Изучение нормативных документов показало, что в глобальном инновационном индексе ВОИС (Всемирная Организация Интеллектуальной собственности) 2020 года Беларусь заняла 64-е место (срав.: в 2019 г. – 72-е место; 2018 г. – 86-е место)⁵.

В свою очередь, в государственной программе «Социальная защита на 2021 – 2025 гг.» поставлена цель «повсеместной ликвидации нищеты во всех её формах», прежде всего, через реализацию «стратегий развития, учитывающих интересы бедноты и гендерные аспекты, для содействия ускоренному инвестированию в мероприятия по ликвидации нищеты»; многие мероприятия касаются достижения обоснованных значений и реализации индикаторов о доступности учреждений образования, учреждений здравоохранения для людей с ограниченными ресурсами, санаторно-курортных и оздоровительных организаций, объектов жилищного фонда, расходов на выплату денежной помощи на оздоровление отдельным категориям граждан; мероприятий, касающихся разработки государственных стандартов в сфере обеспечения доступной среды для людей с ограниченными ресурсами, появления отделений дневного пребывания для граждан пожилого возраста и оказание социальной помощи на дому. Программный документ полезен разработкой мероприятий, обоснованием важности расчета национальных показателей в области старения населения, расчета индекса активного старения для Республики Беларусь⁶.

В Республике Беларусь выстроена система социального партнерства, социально-экономическая политика, направленная на защиту трудовых прав, экономических и социальных интересов работников, повышения уровня жизни населения. Особое внимание уделяется развитию социального предпринимательства и росту предприятий с социальной направленностью. Формирование института социального предпринимательства благоприятно сказывается, в том числе, и на системной поддержке регионов благодаря закреплению на местах и снижению миграционных процессов. Однако до сих пор отсутствует единый нормативный документ, регламентирующий социальное предпринимательство, определяющий перечень субъектов социального предпринимательства и координирующий орган государственного управления. Осенью 2021 года на заседании Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь⁷ указанные категории запланировано нормативно закрепить в концепции правового регулирования социального предпринимательства в Республике Беларусь.

В нормативных документах (Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности») указаны приоритеты достойных социально-экономических условий жизнедеятельности через реализацию индикаторов минимального уровня оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, жилищно-коммунального обслуживания, социальной поддержки и социального обслуживания; обозначен принцип «формирования высоких духовно-нравственных стандартов граждан в области семейных отношений, повышения престижа семьи в обществе», а также принцип формирования «высоких репродуктивных потребностей населения»⁸.

Центральное место Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021 – 2025 годы занимает «создание условий для улучшения здоровья населения с охватом всех этапов жизни, повышения качества и доступности услуг системы здравоохранения», в том числе через «родительские университеты» и обеспечение подготовки к семейной жизни обучающихся⁹.

Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021 – 2025 гг. обосновывает механизм, функции, индикаторы, касающиеся поддержки людей, нуждающихся в дополнительных гарантиях, среди которых выделение брони для приема на работу нуждающихся в дополнительных гарантиях занятости; поэтапное повышение пенсионного возраста; сокращение продолжительности периода поиска работы безработным населением до 1,4 месяца; охват каждого пятого нуждающегося в трудоустройстве безработного профессиональной подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации и трудоустройством каждого 3-го прошедшего обучение; поддержка предпринимательских инициатив (срав.: с 2016 г. – 7,1 тыс. безработных реализовали собственные проекты). Особое внимание обращено к гражданам в числе безработных, нуждающимся в особых мерах социальной защиты (срав.: с 2016 г. – 25% от общей численности зарегистрированных безработных). Создано 249 специализированных рабочих мест и трудоустройство 2 тысяч инвалидов посредством адаптации к трудовой деятельности. Инструментами государственной поддержки наиболее уязвимых категорий населения являются: замена «заявительного» принципа на «выявительный» принцип; выявление потребности нанимателя, «обучение под заказ»; обеспечение социальных гарантий: пособий по безработице, пособий по беременности и родам, на погребение, стипендии, материальная помощь, компенсационные выплаты, субсидии, компенсационные расходы на переезд в другое место жительства с целью трудоустройства. В реестре агентств по трудоустройству более 180, которые наряду с государственными службами занятости проводят совместные мероприятия, способствующие трудоустройству населения¹⁰.

Актуальны принципы Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие 2030» в части обеспечения защиты прав и достоинства пожилых граждан, стимулирования более продолжительной трудовой жизни, обучения через всю жизнь, создания условий для здоровой жизни. В этом направлении используются такие меры, как, например, «вовлечения пожилых граждан в процессы обсуждения и принятия решений на всех уровнях», «противодействие возрастной дискриминации при приеме, сохранении, продвижении и увольнении работников», развитие самозанятости пожилых граждан, сохранение психического здоровья¹¹.

⁵ URL: <https://geneva.mfa.gov.by/ru/embassy/news/c5ff91c48617bb93.html>.

⁶ URL: http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/GP-sotszaschita-2021-2025.pdf.

⁷ URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/november/67423/>.

⁸ URL: http://www.mintrud.gov.by/ru/new_url_zakon_RB_ot_4_yanvarya.

⁹ URL: http://www.mintrud.gov.by/ru/new_url_zakon_RB_ot_4_yanvarya.

¹⁰ URL: http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/GP-employment-2021-2025-2.pdf.

¹¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000693>.

В нормативных документах прописаны принципы «социальной защиты инвалидов, обеспечения равенства и полноправного участия в жизни общества», «предотвращения случаев возникновения инвалидности, улучшения качества жизни инвалидов, их социальной адаптации и интеграции в общество, а также восстановления или компенсации нарушенных или утраченных функций организма и имеющихся ограничений жизнедеятельности инвалидов в соответствии с их интересами и потенциальными возможностями», «поощрения, защиты и обеспечения полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также поощрения уважения присущего им достоинства (Указ Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 41 «О государственной адресной социальной помощи», Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1991 г. № 1224-ХП «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 422-3 «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451 «Об утверждении Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь Положений Конвенции о правах инвалидов на 2017–2025 годы»). Во главу Закона Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-3 «О социальном обслуживании» поставлена абсолютно четкая цель «прогнозирования, а также предупреждения трудных жизненных ситуаций...», подняты вопросы помощи в адаптации населения к трудным жизненным ситуациям.

Анализ и систематизация программных документов позволил обобщить социально-экономические условия, обеспечивающие совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития экономических систем. Они таковы:

1. Демографическая безопасность.
2. Уровень образования.
3. Инновационные виды деятельности.
4. Социальная политика, социальное обеспечение и защита.

В свою очередь, анализ социально-экономических процессов, обеспечивающих формирование и развитие эффективной занятости населения, показывает, что:

1) наибольшей численности населения Республика Беларусь достигла в 1990 г. (срав.: 10 151 135 человек), затем наблюдалось резкое снижение до 2010 г., когда значение показателя достигло 9 420 576 человек, затем происходил поступательный незначительный рост численности населения до 2020 г. (срав.: 9 449 321 человек). Прослеживается тенденция снижения динамики общих коэффициентов рождаемости на 1000 человек населения в Республике Беларусь до 9,30 в 2019 г. (срав.: 2010 г. – 11,4)¹²; прогнозируется отрицательная динамика численности населения Республики Беларусь с 2030 г. по 2075 г. (прогноз департамента по экономическим и социальным вопросам): значение рассматриваемого показателя в 2030 г. прогнозируется на уровне 9265 тысяч человек, к 2050 г. – 8634 тысяч человек, к 2075 г. – 7851 тысяч человек; также прогнозируется снижение численности населения в возрасте старше 15 лет: в 2075 г. значение показателя – на уровне 1199 тысяч человек (срав.: в 2020 г. – 1629 тысяч человек, в 2030 г. – 1515 тысяч человек). Отмечен поступательный рост численности населения в возрасте 15 – 24 лет за 2020 – 2030 гг. (срав.: в 2020 г. – 869 тысяч человек, в 2030 г. – 1085 тысяч человек), поступательное падение численности населения в возрасте 15–24 лет за 2030 г. – 2075 гг. до прогнозируемого значения 893 тысяч человек в 2075 г. Спрогнозировано поступательное снижение численности населения в возрасте 25–64 лет за период 2020 – 2075 гг. с 5479 тысяч человек в 2020 г. до 4765 тысяч человек в 2030 г. (срав.: в 2050 г. – 4303 тысяч человек, в 2075 г. – 3849 тысяч человек) на фоне поступательного роста численности населения в возрасте 65+ за период времени 2020 – 2050 гг., в 2020 г. – 1472 тысяч человек, в 2030 г. – 1899 тысяч человек (срав.: в 2050 г. – 2072 тысяч человек, в 2075 г. – 1909 тысяч человек)¹³;

2) отмечена возрастающая тенденция числа выбывших из страны на постоянное место жительства, в 2019 г. значение этого показателя составило 20976 человек, что в 3 раза больше значения 2010 г. (срав.: в 2010 г. – 6866,0 человек) [6, с. 48];

3) удельный вес государственных расходов на образование в валовом внутреннем продукте (ВВП) Республики Беларусь в 2019 г. составлял 4,90% (срав.: в 2010 г. – 4,90 %, 2017 г. – 4,6 %) [6, с. 48].

4) отмечена положительная динамика объема экспорта высокотехнологичных товаров из Республики Беларусь в 2019 г. – 973,10 млн долл. (срав.: 2010 г. – 584,8 млн долл.). [6, с. 255–257, 259–261, 306–310];

5) произошло снижение внутренних затрат на научные исследования и разработки (в процентах к ВВП) в Республике Беларусь за период 2010 – 2019 гг. [6, с. 255–257, 259–261, 306–310];

6) отмечена растущая тенденция заболеваемости населения злокачественными новообразованиями на 100 тыс. человек населения в Республике Беларусь (в 2020 г. – 572,6 человек; срав.: в 2010 г. – 442,9 человек), а также зарегистрированных больных с ВИЧ-инфекцией на 100 тыс. населения в Республике Беларусь (в 2020 г. – 23,0 человек; срав.: в 2010 г. – 5,0 человек) [6, с. 101–105].

7) показан поступательный рост номинальной среднемесячной заработной платы работников в Республике Беларусь. Самая низкая точка значения номинальной среднемесячной заработной платы работников наблюдалась в 2016 г.: в Республике Беларусь значение анализируемого показателя 361,4 доллара США, в 2019 г. в результате поступательного роста номинальной среднемесячной заработной платы работников значение анализируемого показателя составило 523,2 доллара США, [6, с. 107].

¹² URL: https://wiki2.org/ru/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития#Очень_высокий_ИЧР

¹³ URL: https://population.un.org/wpp/Graphs/1_Demographic%20Profiles/Belarus.pdf.

8) отмечен спад количества построенных квартир на 1000 человек в Республике Беларусь в 2019 г. – 51,0 квартир на 1000 человек (срав.: в 2010 г. – 89,0 квартир на 1000 человек) [6, с. 122].

9) сокращаются государственные расходы на охрану окружающей среды (в процентах от ВВП) (срав.: в 2016 г. – 0,1%, в 2010 г. – 0,3%) [6, с. 335].

Заключение. На основе анализа программных документов комплексно сформулированы основные приоритетные условия совершенствования форм занятости. Анализ социально-экономических условий, обеспечивающих совершенствование форм занятости населения для целей устойчивого развития экономических систем, показал в большей степени согласованность: между целевой установкой на развитие собственного научно-технологического потенциала и положительной динамикой объема экспорта высокотехнологичных товаров; между условиями по улучшению здоровья населения и охватом всех этапов жизни населения, повышением качества, доступности услуг системы здравоохранения и растущей суммой государственных расходов на здравоохранение. Не в полной мере выявлена согласованность между условиями формирования, развития высокотехнологичных производств и динамикой численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками; целевым приоритетом увеличения продолжительности жизни и убывающей динамикой государственных расходов на охрану окружающей среды, возрастающим количеством больных со злокачественными новообразованиями.

Ускорить сближение целевых программных приоритетов и реальных социально-экономических процессов на рынке труда в части реализации человеческого потенциала, достижения эффективной занятости и созидательного труда, по нашему мнению, могут теоретико-практические рекомендации: дополнение существующих исследовательских схем принципами инновационности, социальной обеспеченности и приоритета защищенности населения; обоснование междисциплинарного подхода к анализу новых форм занятости населения для целей устойчивого развития; использование методологического синтеза современных теорий государственного регулирования в раскрытии причинно-следственных связей между проводимой социальной политикой и темпами роста общественного благосостояния; разработка механизмов и инструментов формирования компетенций у молодежи по продвижению стартапов; развитие законодательной базы социального предпринимательства в Республике Беларусь; формирование и совершенствование интегрированных систем менеджмента на базе международных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любутин К.Н. О философии Маркса, о философии Энгельса // Философия и общество. – 2004. – № 1. – С. 1 – 20.
2. Зенькова И.В. Человеческий капитал в системе инклюзивного экономического роста // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2019. – № 6. – С. 14–17.
3. Зенькова И.В. Теоретические основы рациональной структуры занятости населения: национальный и мировой опыт // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 6–14.
4. Зенькова И.В. Система отношений инновационных форм занятости населения Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2021. – № 13. – С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2021-58-13-41-48>.
5. Зенькова И.В. Исследование инновационных форм занятости населения и его устойчивого трудовопроизводства в экономике: национальный и мировой опыт // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 6–14.
6. Беларусь и страны мира: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 369 с.

Поступила 04.09.2024

CONDITIONS FOR IMPROVING THE FORMS OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SYSTEMS

I. ZIANKOVA, K. HALIASHOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

A. BURAK

(State Committee for Standardization of the Republic of Belarus)

A. YAKUTOVICH

(Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Belarus)

The article analyzes the priority socio-economic conditions that ensure the improvement of employment forms, and identifies bottlenecks that need to be addressed. Theoretical and practical recommendations on the problem are proposed: supplementing existing research schemes with the principles of innovation, social security and protection of the population; substantiating an interdisciplinary approach to analyzing new forms of employment for sustainable development; using a methodological synthesis of modern theories of state regulation in revealing cause-and-effect relationships between the social policy being pursued and the growth rate of public welfare; developing mechanisms and tools for developing competencies among young people to promote start-ups; developing a legislative framework for social entrepreneurship in the Republic of Belarus; developing and improving integrated management systems based on international standards.

Keywords: *employment for sustainable development, public welfare, social entrepreneurship, management system.*

УДК 336.22

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-22-29

**ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОСТРОЕНИЯ НАЛОГОВОЙ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ**

канд. экон. наук, доц. И.А. КОНОНЧУК
(Полесский государственный университет, Пинск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-2812>
e-mail: I.Kononchuk@mail.ru

В статье представлены имеющиеся методологические наработки построения налоговой стратегии организации, тесным образом взаимосвязанной с оптимизацией налогов, налоговым планированием, налоговым менеджментом. Исследованы предлагаемые учеными принципы оптимизации налогов. Изложены этапы построения налоговой стратегии организации как концептуальный взгляд отдельных ученых на сущность налогового стратегирования. Детально изучены элементы системы управления налогами и раскрыта их функциональная роль. Систематизирован современный список инструментов оптимизации налогов и развернуто представлена их содержательная характеристика, а также группировка относительно этапов жизненного цикла организации. Приведен вариант структурирования методов налоговой оптимизации с учетом критериев, имеющих наибольшую методологическую ценность. Описаны предлагаемые исследователями рациональные формы налогового планирования, обеспечивающие оптимизацию совокупности налоговых платежей.

Ключевые слова: *налоговая стратегия, оптимизация налогов, налоговое планирование, принципы, методы, инструменты, элементы, налоговые льготы, учетная политика, налоговые режимы, налоговая нагрузка.*

Введение. Реализация возможностей налоговой стратегии достигается путем применения соответствующих приемов и способов, система которых представляется методологией. Современный период изучения заявленной темы характеризуется наличием огромного количества литературы, раскрывающей отдельные методологические аспекты построения налоговой стратегии организации, однако единая методологическая база её построения отсутствует. Отмеченное, в том числе, обусловлено различными подходами и неоднозначностью толкования данной категории, а еще больше – её составляющими. Кроме того, изучение экономической литературы позволило сделать вывод, что таким понятиям, как метод, способ, инструмент, форма, вид, выступающими методологическими составляющими практического воплощения категории, в исследованиях различных авторов придается различное содержание. С целью обобщения накопленных методологических наработок в области налоговой стратегии организации будем приводить определения данных понятий и раскрывать их в аспекте нашего познания, а учитывая тесную связь налоговой стратегии с налоговой оптимизацией, а последнюю – с минимизацией налогов, налоговым планированием и налоговым менеджментом, изложение методологических основ осуществим с учетом данной особенности.

В Республике Беларусь отдельные методологические аспекты построения налоговой стратегии организации рассмотрены такими видными учеными, как С.И. Адаменкова [1], А.В. Бугаев [2], Т.И. Василевская [3], В.А. Гюрджан [4], В.А. Дадалко [5], Н.Н. Демчук [6], Н.Е. Заяц [7], С.А. Литовко [8], А.И. Лученок [9], Хмылко С.А., Ярмош Е.П. [10]. В зарубежных странах вопросы разработки налоговой стратегии характеризуются высоким уровнем проработки и практикуются внешними или внутренними налоговыми консультантами. Международным стандартом обслуживания организаций в налоговой среде, рассматривая возможные предпринимательские действия с учетом разумности сокращения налоговой нагрузки и общеэкономической выгоды, стало налоговое консультирование, которое получило особое развитие в США, Австрии, Германии, Италии, Франции, Великобритании, Ирландии, Испании, Финляндии, Швейцарии и других странах со зрелой налоговой системой [11; 12]. Заслуженную известность приобрели работы Р. Брейли и С. Майерс, Ю. Бригхем, Дж.К. Ван Хорн, Дж. Грэм, Дж. Контас, К. Хассет, Г. Цукман, раскрывающие в своих исследованиях сущность налоговой стратегии, методы и инструменты её реализации. В силу тесных экономических отношений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, предполагающих максимальную унификацию налоговых систем, значительный интерес для белорусских ученых и практиков в области управления налогами представляют результаты исследования российских ученых (Медведев А.Н., Брызгалин А.В., Лукаш Ю.А., Анищенко А.В., Басалаева Е.В., Гурова А.В., Юткина Т.Ф., Дуканич Л.В., Храмов В.В., Тихонов Д., Чудаков, А.В., Есенева М.М., Барулин С.В., Кирина Л.С., Евстигнеев Е.Н. и Викторова Н.Г., Шадурская М.М.).

Основная часть. В литературе различного профиля принципам оптимизации налогов, которые представляют собой определенную конструкцию, связанную протекающими процессами и выступающую методологической составляющей налоговой стратегии, уделяется достаточное внимание, так как они позволяют следовать конкретным рекомендациям и способствуют более глубокому пониманию сущности и содержания налоговой стратегии.

Принцип – это руководящая идея, исходное положение теории¹. На наш взгляд, базовые принципы налоговой стратегии, позволяющие реализовать её предназначение, заложены А.Н. Медведевым [13, с. 8]: платить

¹ Шкляр М.Ф. Основы научных исследований: учеб. пособие для бакалавров. – 5-е изд. – М.: «Дашков и К⁰», 2013. – С. 71.

необходимо только минимальную сумму положенных налогов; платить налоги необходимо в последний день установленного для этого срока. Ученый данные положения сформулировал для налогового планирования, но учитывая выдвигаемую задачу налоговой стратегии – оптимизация налоговых платежей по суммам и срокам – вполне обосновано их применение относительно наших целей.

В последующем данные принципы были детализированы и расширены. Так, Лукаш Ю.А. [14] рекомендует широкий перечень принципов, учет которых необходим при формировании механизма налоговой оптимизации:

- учет взаимосвязи всех аспектов деятельности организации с точки зрения всей совокупности налогов. Либо принцип комплексного расчета экономии и потерь, как в более поздних трудах назовет А.В. Брызгалин [15], который предполагает учет всех уплачиваемых налогов в их взаимозависимости, а также возможных потерь в результате возникновения различных ограничений, приводящих к ухудшению финансовых показателей;

- наряду с требованиями налогового законодательства, учет особенностей иных отраслей законодательства. Это связано с тем, что ограничения таможенного, антимонопольного, трудового или иной сферы государственного регулирования может стать препятствием к реализации определенного способа оптимизации налогов;

- соответствующее документальное оформление осуществляемых хозяйственных операций. Тщательное документальное оформление операций, их соответствие реальным фактам, обеспечение взаимосвязки данных статистической, финансовой, налоговой отчетности является залогом обоснования законности совершаемых операций и способов оптимизации;

- обеспечение полной конфиденциальности сформированного метода оптимизации налогов и способов его применения. Данную потребность ученый связывает с возможным неодобрением отдельных общественных групп, которые выступают противниками всякой экономии на налогах, а также рисками оперативного реагирования налоговых органов на данный факт, что может иметь негативные последствия. По данному положению А.В. Брызгалин предлагает, в случае привлечения широкого круга лиц, руководствоваться правилом «золотой середины», в соответствии с которым сотрудники должны иметь ясное представление о своих функциях и полномочиях, но не должны осознавать её цель и мотивы. Данный принцип не в полной мере соответствует современным реалиям, так как любая схема налоговой оптимизации подлежит контролю со стороны налогового органа на предмет её законности и обоснованности;

- в учетной политике в целях налогообложения закрепление метода определения дохода и метода начисления амортизации. Данный принцип сложно назвать таковым, так как использование учетной политики (мы соглашались с исследователями [14, с. 16–17]) выступает инструментом оптимизации налога или налогового планирования;

- соблюдение требований действующего законодательства. Данный принцип является ключевым в рационализации организацией налоговых отношений, так как в противном случае речь идет о таких категориях, как уклонение от уплаты налогов, уход от налогообложения, что противоречит сущности и содержанию оптимизации налогов, направленного на недопущение риска наложения штрафных санкций;

- использование возможностей законодательства и таких инструментов, доступных для плательщика, которые позволят получить положительный экономический эффект. Оценка соблюдения данного принципа, называемого в других источниках как «принцип эффективности», может служить одним из критериев целесообразности предлагаемых мероприятий;

- рассмотрение нескольких альтернативных вариантов, что позволит выделить наиболее приемлемый из них, исходя из сложившейся ситуации в конкретной организации;

- своевременная корректировка применяемых способов, обеспечивающая гибкое и оперативное реагирование в ответ на вносимых в действующее законодательство изменения [14, с. 26].

Брызгалин А.В. [15, с. 50–60], Барулин С.В. [16, с. 259] в соавторстве с другими исследователями дополнили данный список следующими:

- принцип разумности, который означает, что «все хорошо – что в меру»: расходы признаются обоснованными в случае возникновения позитивных последствий для производственной и финансово-экономической деятельности организации, а разумными – в случае их соразмерности по их стоимостной оценке и степени участия в производственной деятельности;

- недопустимости построения метода налоговой оптимизации на использовании зарубежного опыта и исключительно на пробелах в законодательстве. Необходимость соблюдения данного принципа аргументируется наличием национального налогового законодательства, отличного от зарубежного, что влечет необходимость разработки адекватных действующему в юрисдикции плательщика законодательству способов и методов. А пробелы в законодательстве – это временное явление в силу оперативности внесения изменений в законодательство, устраняющие возможные «лазейки»;

- выбор способа налоговой оптимизации с высокой степенью риска дополнительно требует учета таких аспектов, как состояние бюджета территории, роль организации в наполняемости государственной казны, так как значимые колебания в налоговых поступлениях обратят на себя внимание контролирующих органов;

- принцип комплексной налоговой экономии, предполагающий применение различных альтернативных вариантов оптимизации налоговых платежей.

Последующие разработки характеризуются не дополнением рассмотренных нами принципов, а уточнением отдельных характеристик и их конкретизацией. На наш взгляд, перечень принципов целесообразно дополнить положениями, связанными с управлением налоговыми рисками и формированием репутации добросовестного плательщика.

Обеспечить соответствие принципам поставленным задачам и целям возможно в процессе заданной последовательности действий либо в процессе определенного взаимодействия всех элементов налоговой стратегии. В силу чего ряд исследователей сферы управления налогами рассматривают налоговую стратегию как процесс прохождения ряда последовательных этапов.

Например, в своей научной работе Федечкина Д.Ю.², указывая цель стратегического налогового планирования как «... разработка <...> таких моделей и вариантов ведения хозяйственных операций субъектами предпринимательства, которые бы в наибольшей мере отвечали поставленным стратегическим целям предприятия, с учетом возможных изменений во внешней среде», отождествляет стратегическое налоговое планирование с налоговой стратегией организации и выделяет следующие этапы:

– определение периода, на который разрабатывается налоговая стратегия. По мнению автора, данный период не должен превышать трех лет и зависит от предсказуемости развития экономики страны, проводимой налоговой политики и ряда внутренних факторов: отраслевая принадлежность, размер организации, стадия жизненного цикла;

– анализ экономико-правовых условий деятельности организации с особым вниманием к факторам внешней налоговой среды;

– определение целевых стратегических нормативов (минимальная налоговая нагрузка, темпы её снижения, минимальный уровень налоговых рисков) и временного интервала их достижения;

– разработка налоговой политики, конкретизирующей направления деятельности;

– формирование организационно-экономической системы, включая центры налоговой ответственности с наделением их правами и обязанностями;

– на заключительном этапе оценивается эффективность разработанной налоговой стратегии по установленным параметрам. В качестве таких параметров предложены: согласованность разработанной налоговой стратегии со стратегией развития организации и потенциальными изменениями внешней среды; сбалансированность налоговой стратегии относительно согласованности между собой целевых стратегических нормативов, направлений и времени реализации предложенных в рамках налоговой политики мероприятий; реализуемость стратегии с позиций финансовых, интеллектуальных и других необходимых ресурсов; приемлемость уровня потенциального налогового риска с учетом возможных финансовых потерь и приерживаемой налоговой идеологии.

Некоторые ученые (например, Гурова А.В.³) правомерно представляют процесс в виде определенного алгоритма действий:

1. Изучение особенностей деятельности организации-плательщика налогов: общая экономическая характеристика, её цели и задачи. Данные процедуры позволяют в последующем сделать окончательный обоснованный бизнес-концепцией организации выбор из множества возможных финансово-управленческих решений.

2. Оценка динамики и анализ налоговых платежей, налоговой нагрузки. Данный шаг позволяет выявить факторы и степень их влияния на величину налоговых обязательств и финансовые показатели деятельности организации, определить возможности и способы оптимизации налогов.

3. Разработка налоговых планов с учетом альтернативности финансово-хозяйственной деятельности и вариантности налоговых обязательств, в которых отражается наиболее приемлемый вариант развития бизнеса.

Определение элементного состава, как того требует системный подход, применяемый большинством исследователей в изучении рационального управления налогами, позволяет не только определить внутреннюю составляющую, но и выявить функциональную роль каждого элемента, а в последующем разработать инструментарий и методы организации, объединив их в единое целое.

Научную ценность представляют указанные А.Н. Медведевым составные элементы налогового планирования, наличие которых является необходимым условием оптимизации налогов, к которым относятся: налоговый календарь; стратегия минимизации/оптимизации налоговых обязательств с четким планом реализации; четкое исполнение налоговых и прочих обязательств, недопущение дебиторской задолженности по хозяйственным договорам за отгруженную продукцию (товары, работы, услуги); удовлетворительное состояние бухгалтерского учета и отчетности [13, с. 10]. Позже А.В. Гурова⁴ в развитие учения о налоговом планировании, а следуя логике ее рассуждения, – и оптимизации налогов, дополнила следующими элементами: выбранная предприятием совокупность способов ведения бухгалтерского и налогового учетов, налоговый план, методы анализа динамики налоговых платежей, методы расчета налоговой нагрузки.

Перечисленные учеными элементы находятся в тесной связи друг с другом и взаимодействуют не только между собой, но и с факторами внешней и внутренней среды функционирования организации, подчиняясь и воздействуя на финансовые показатели деятельности организации и налоговую составляющую затрат.

Так, учетная политика определяет регламенты ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской отчетности и параллельно закладывает значительные возможности рационального способа ведения учета, способствуя достижению желаемой величины налоговых платежей. Указанные в учетной политике методы определения выручки, затрат, отражения хозяйственных операций оказывают влияние на многие элементы налогов и сумму налоговых обязательств. Выделенный ученым элемент организации и ведения

² Федечкина Д.Ю. Налоговое планирование в коммерческих организациях: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – Саратов, 2007. – Л. 60–65.

³ Гурова А.В. Налоговое планирование в организациях малого бизнеса: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – М., 2008. – Л. 114.

⁴ См. сноску № 3. – Л. 61–62.

бухгалтерского учета и отчетности дублирует предыдущий элемент в части учетной политики, являющийся документом, который закрепляет процедурные аспекты бухгалтерского учета, но приемлемым для целей использования в качестве информационного блока. Детализированная реальная своевременная объективная информация выступает основой для оценки возможностей оптимизационных мероприятий и принятия взвешенного решения.

Нужным с позиций сбалансированности притока и оттока денежных средств выступает налоговый календарь, который содержит информацию о сроках подачи налоговой декларации и уплаты налогов и сборов, что минимизирует риски несения дополнительных издержек в связи с уплатой штрафных санкций.

Налоговый план, по мнению ученого, позволяет планировать налоговые выплаты в диапазоне заданного интервала времени, как в целом по предприятию, так и в разрезе финансово-хозяйственных операций. Безусловно, наличие налогового плана помогает следовать в направлении заданного курса, формализовать, используя язык цифр, принятые решения, устранять некую многозначность и неточность. Однако налоговый план в условиях непостоянства и возможных колебаний множества либо единичных факторов, воздействующих на различные стороны и состояние экономики на макро- и микроуровне, не в полной мере отвечает реальному будущему, представляя, как правило, слегка измененную экстраполяцию прошлого с учетом налагаемого на него новых и/или измененных решений. По нашему мнению, более предпочтительным элементом может стать налоговый бюджет, в котором по всей совокупности уплачиваемых предприятием налогов отражаются плановые и фактические показатели, являющиеся достоверной базой для контроля хода исполнения налоговых обязательств, анализа результативности применяемой системы налогообложения, её регулирования в режиме реального времени.

Выделение таких элементов, как методы анализа динамики налоговых платежей и методы расчета налоговой нагрузки дают информационную базу для оценки налоговой системы организации и результативности принятой налоговой стратегии, которая также выступает в качестве элемента. Но данные методы ограничены лишь налоговым пространством и не охватывают комплексной картины всей среды функционирования организации. В силу чего данные методы целесообразно дополнить методами, используемыми для оценки всех параметров деятельности плательщика, позволяя в некоей степени снять элемент неопределенности в принятии стратегических решений, способствуя повышению эффективности управленческих решений, напрямую отражающихся на конкурентоспособности субъекта экономики.

Наличие стратегии оптимизации налогов может выступать объединяющей все элементы налоговой стратегии или налогового планирования. В ней отражаются не только принятые решения, методы и инструменты, но и тип налоговой стратегии, принятая менеджерами концепция как конструкция стратегии развития.

Элемент четкого исполнения налоговых обязательств является по своей сути принципом построения налоговых отношений, о котором ранее шла речь. Контроль недопущения дебиторской задолженности по хозяйственным договорам за отгруженную продукцию (товары, работы, услуги) может выступать инструментом управления налогами, но не составным элементом, который определяет содержательную сторону исследуемого понятия.

Объединение указанных элементов в единое сложное целое обеспечивается организацией определенным способом устойчивых связей между ними с использованием различных инструментов. Инструмент – это орудие для производства каких-либо работ средство, способ, применяемый для достижения чего-либо⁵. Инструментарий оптимизации налогов достаточно развит, широко представлен и охарактеризован в научной и практической литературе. Данные инструменты различны по своей природе в зависимости от поставленных задач, масштабов деятельности организации, организационно-правовой формы деятельности плательщика и других характеристик.

Современный список инструментов содержит следующие позиции:

- налоговые льготы;
- место регистрации и осуществления финансово-хозяйственной деятельности;
- организационно-правовая форма финансово-хозяйственной деятельности плательщика;
- режимы налогообложения;
- хозяйственные договоры;
- учетная политика;
- цены сделок;
- сроки уплаты налогов в государственный бюджет;
- защита налоговых прав.

Налоговые льготы, с одной стороны, являются важнейшим инструментом государственного стимулирования инвестиций, внедрения инноваций, расширение географии хозяйственной деятельности организаций, реализации государственных программ. По этому поводу Роберт Кийосаки пишет: «... налоги – это стимул, который правительство применяет, чтобы побудить людей делать то, что ему нужно. Если вы будете выполнять пожелания государства, то сможете заработать кучу денег и при этом платить меньше налогов...» [17, с. 17]. С налоговыми льготами тесно связан выбор места регистрации осуществления предпринимательской деятельности и выбор организационно-правовой формы ведения бизнеса. Опираясь на национальное налоговое законодательство, имеющее особенности налогообложения в зависимости от места осуществления деятельности в разрезе конкретной страны, на налоговое законодательство другого государства, характеризующееся более благоприятным налоговым климатом,

⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – С. 670.

плательщикам предоставлены возможности оптимизировать налоги через создание зарубежного филиала, дочерней компании, группы зарубежных компаний, приобретение иностранной компании и другие формы единичной и совместной деятельности. Кроме того, компании международного масштаба деятельности могут воспользоваться налоговыми преференциями, предусмотренными международными налоговыми соглашениями. Особенности создания, функционирования, распределения прибыли, которые во многом предопределены организационно-правовой формой деятельности, непосредственно выступают основанием применения налоговых льгот.

Выбор системы налогообложения и ее использование плательщиком предопределяет конкретные способы и методы оптимизации налогов. При любом режиме налогообложения существенную роль в оптимизации налоговых платежей играет организация финансовых взаимоотношений с покупателями продукции и поставщиками товарно-материальных ценностей для целей производства. Условия заключаемых договоров, тип, вид контрагента обуславливают возникновение большинства объектов налогообложения, что может стать активным инструментом оптимизации налогов и расширить спектр применяемых методов уменьшения обязательных платежей в государственный бюджет.

Неотъемлемым элементом договора выступают цены сделки, определяющие не только гибкость экономического механизма национальных организаций как фактора их конкурентоспособности и выступающие условием международной миграции капитала, структуры мировой валютной и финансовой системы, но и оказывающие влияние на налоговые базы и другие элементы налогов. С позиций оптимизации налоговых платежей широкое распространение получил механизм трансфертного ценообразования, имеющий, однако, негативный оттенок, выступая отдельным объектом контроля налоговыми органами и основанием дополнительных налоговых рисков.

Использование плательщиками учетной политики позволяет манипулировать налоговыми базами и сроками исполнения налогового обязательства через влияние на размер и структуру выручки от реализации, заработной платы, себестоимости, прибыли. Кроме того, право выбора сроков уплаты налогов из диапазона допустимых и возможности получения отсрочки или налогового кредита также выступает средством воздействия на налоговые платежи.

Плательщики налогов зачастую сталкиваются с такими задачами, как необходимость защиты своих налоговых прав, обоснование добросовестности исполнения налоговых обязательств, рациональное решение которых через грамотное поведение плательщика может стать эффективным инструментом в стратегии выстраивания налоговых отношений плательщика с органами налогового контроля. Одним из вариантов использования данного инструмента видится предложенный В.И. Макарьевой [18, с.17] метод лоббирования, который заключается в том, что плательщик, защищая свои личные интересы лично, через ассоциации и объединения, может влиять на законодательство, способствует формированию выгодного налогового режима.

Отдельные авторы классифицируют инструменты по различным критериям. Например, Н.Н. Галеева⁶, Гурова А.В.⁷ структурируют их относительно этапов жизненного цикла организации:

– на этапе «создание бизнеса», когда возникает идея бизнеса, определяются цели и задачи в рамках разработанной финансовой стратегии и решаются организационно-правовые вопросы: выбор месторасположения, организационно-правовой формы ведения бизнеса;

– на этапе «становление и развитие бизнеса», который характеризуется повышением предпринимательской активности, наращиванием оборотов по реализации продукции, увеличением контрагентов: выбор форм и методов ведения текущей деятельности (формы сделок, оплаты труда и реализации социальной политики, оперативное реагирование на изменение налогового законодательства);

– на этапе «расцвет предпринимательской деятельности», характерными чертами которого являются стабильный экономический рост, укрепление финансового состояния, значительные инвестиционные потоки: выбор форм и методов размещения активов и прибыли;

– на этапе «подготовка к реорганизации, ликвидации или смене вида деятельности», являющимся закономерным в развитии бизнеса: выбор форм и методов ведения текущей деятельности.

Под воздействием изменений налогового законодательства, тенденций внутри страны, развития межгосударственных связей, мировых экономических течений список инструментов модифицируется. Однако рациональное применение инструментов, особенности их использования, перспективы практической реализации обуславливают выбор конкретного метода в зависимости от поставленных задач.

Метод (от гр. **metodos** – ‘путь исследования, теория, учение’) – прием, способ или образ действий⁸.

Российские ученые, рассматривая особенности применения различных методов налоговой оптимизации, их систематизировали по различным группам, применяя разнообразные критериальные подходы. В своей работе остановимся, на наш взгляд, на имеющих наибольшую методологическую ценность. Так, Брызгалин А.В. [15, с. 19] и группа его единомышленников объединила широкий спектр методов оптимизации налогов в следующие группы:

- нормативно-правовые (разработка приказа об учетной и налоговой политике);
- специальные методы налоговой оптимизации (метод замены отношений, метод разделения отношений, метод отсрочки налогового платежа, метод прямого сокращения объекта налога, метод оффшора);
- применение льгот и освобождений.

⁶ Галеева Н.Н. Совершенствование использования инструментов налогового менеджмента в управлении финансовыми потоками организаций: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – М., 2007. – Л. 124–127.

⁷ См. сноску № 3. – С. 43–46.

⁸ Экономический словарь / Под ред. А.Н.Азриляна. – 2-е изд. – М.: Ин-т новой экономики, 2009. – С. 442.

Данный методический подход ориентирует плательщиков на рассмотрение методов оптимизации параллельно перспектив его использования в течение заданного периода времени. Нормативно-правовые методы, требующие закрепления в принимаемой на уровне плательщика учетной политике, позволяют благополучно оптимизировать налоги в течение нескольких налоговых периодов, что позволяет обеспечить соблюдение принципа эффективности. Наоборот, специальные методы налоговой оптимизации, требующие оценки рациональности их применения в отдельном случае, по конкретной сделке, управленческому решению, позволяют сокращать налоговую нагрузку в определенном временном периоде. Выделение учеными в отдельную группу доступных к применению налоговых льгот обосновано существованием зависимости длительности их использования от вида и условий применения.

Связывая появление и наличие различных ситуаций, возникающих в процессе экономической и финансовой деятельности плательщика, с налоговыми последствиями, отдельные авторы при рассмотрении методов оптимизации налогов их классифицируют следующим образом:

– внутренние (выбор учетной политики и налогового учета, разработка конкретных схем при осуществлении сделок, определение структуры активов, подлежащих налогообложению, и порядка использования оборотного капитала);

– внешние (метод замены налогового субъекта, замены вида деятельности, замены налоговой юрисдикции, выбор режима налогообложения) [19, с. 417, 425].

Критерием применения такой градации является ограниченность их применения. Наиболее распространенными и применимыми для плательщиков являются внутренние способы, доступные каждому плательщику. Практическое применение таких методов, как выбор налоговой юрисдикции, организационно-правовой формы деятельности, которые относятся к внешним методам, имеют ограниченность стадией становления бизнеса. Их применение в дальнейшей деятельности организация предполагает глобальное изменение и последствия для структуры плательщика, места его размещения, вида экономической деятельности. Поэтому данный подход позволяет плательщику осуществить выбор среди имеющегося набора способов.

Особенности механизма налогообложения и учет фактора риска позволили М.М. Есеневу⁹ всю совокупность способов оптимизации налогов представить в разрезе следующих групп:

– по признаку времени: приводят к сокращению налоговых обязательств в любой момент времени; приводят как к увеличению, так и к сокращению налоговых обязательств с течением времени;

– по пространственно-структурному признаку: однозначно приводят к сокращению налоговых обязательств; применение связано как с ростом, так и сокращением налоговых обязательств;

– по признаку риска: условно безрисковые, рискованные методики.

Для минимизации риска вменения плательщику необоснованного изменения налоговых обязательств и наложения административной, а порой и уголовной, ответственности российский ученый Анищенко А.В. предлагает все многообразие схем налоговой оптимизации классифицировать следующим образом:

1. Относительно легальные. К таким автор классификации относит, например, использование аффилированных лиц, применение специальных режимов налогообложения при передаче имущества в лизинг (аренду), в рамках простого товарищества, при использовании трансфертных цен, разукрупнении крупной организации. Возможность минимизации зарплатных налогов ученый видит в замене выплаты зарплаты компенсациями, дивидендами, аутстаффинга, применении труда инвалидов и др.

2. Легальный способ налоговой оптимизации. Такие способы базируются на выборе вариантов учетной политики для целей налогообложения, которые направлены не на сокращение суммы уплачиваемых налогов, а на отсрочку их уплаты и получение экономического эффекта от уменьшения покупательной способности денег во времени [20, с. 5–6]. Безусловно способы оптимизации налогов, включенные во второй блок, характеризуются более низкими рисками и менее активными действиями плательщиков. В таком случае, как точно заметила Климова М.О. «...обязанность по уплате налогов не перекладывается на других налогоплательщиков...» [21, с. 20], а лишь перераспределяются во времени.

Учитывая характер перераспределения налоговых обязательств как один из критериев разграничения уклонения от уплаты налогов и налоговой оптимизации, и отнеся к последним лишь методы, при которых обязанность по уплате налогов не перекладывается на других плательщиков, налоговеды [21] предлагают классифицировать методы оптимизации налогов с учетом особенностей перераспределения налогов:

– налоговые обязанности перераспределяются во времени. Использование таких методов, как выбор срока полезного использования и метода начисления амортизации, создание резерва по сомнительным долгам, применение лизинга при приобретении имущества и др., как правило, основанные на возможностях учетной политики, позволяют плательщикам варьировать между сроками уплаты налогов, выбирая наиболее подходящие;

– налоговые обязанности перераспределяются на взаимосвязанных плательщиков с использованием организационно-правовой формы ведения бизнеса, места расположения организации и её структур и др.

Такая классификация имеет ценность не только с позиций плательщика, позволяя оценить результаты действий по изменению налоговых обязательств, но и в ключе государственного налогового планирования и прогнозирования, оценки влияния применяемых схем оптимизации налогов на изменение тяжести налогообложения других плательщиков, социальную и политическую ситуацию в стране.

⁹ Есенева М.М. Формирование и развитие налогового менеджмента организации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – Ростов н/Д., 2010. – Л. 28.

Практика применения методов оптимизации налогов для решения задач налоговой стратегии и максимального соблюдения принципов организации рациональных налоговых отношений доказывает, что все методы, используются, как правило, в определенной совокупности, обеспечивая связь, позволяющую, во-первых, комплексно подойти к использованию действенных методов, а во-вторых организовать определенным образом взаимосвязь между элементами всей системы. Данной функцией философы наделяют форму.

Форма – это способ организации, связи элементов содержания в единое целое [22, с. 386].

Органическая связь содержания и формы, их взаимодействие указывают на актуальность выработки форм взаимодействия всех составных элементов налоговой стратегии, отвечающей за решение важной задачи оптимизации налоговых платежей, её методов и принципов. Поэтому исследователи большое внимание уделяют поиску рациональных форм налогового планирования, неразрывно связанного с оптимизацией налогов. К настоящему времени предложены следующие формы, особенности применения которых указывают на их эволюционирование и повышение их эффективности, способствующей развитию изучаемого предмета:

- текущий финансовый контроль налоговых платежей;
- предварительная налоговая экспертиза;
- вариационно-сравнительный анализ новых проектов и деятельности организации [5, с. 236–237; 7, с. 111–112].

Результатом проведения мероприятий текущего финансового контроля является выявление отклонений между прогнозами и реальными платежами и выяснение причин с целью выработки конкретных рекомендаций по их ликвидации или минимизации. Проведение предварительной налоговой экспертизы всех рассматриваемых к внедрению проектов и управленческих решений позволяет оценить налоговые последствия возможных финансово-хозяйственных операций, являющихся информационно-аналитической базой для разработки прогнозов финансовых потоков, включая налоговые, и выступающие объектом текущего контроля. И наконец, наиболее развитой формой выступает вариационно-сравнительный анализ налоговых последствий многовариантного сочетания особенностей финансово-хозяйственной деятельности организации и комбинации различных методов оптимизации налогов. С учетом большого числа переменных, имеющих место в налоговой и функциональной среде, в которой организует свою деятельность плательщик, данный метод позволяет обосновать и внедрить наиболее приемлемый сценарий развития предпринимательских событий.

Заключение. Автором исследованы и систематизированы выработанные к настоящему времени зарубежными и белорусскими исследователями следующие компоненты методологии налоговой стратегии организации:

- принципы: комплексность, эффективность, законность, безупречное документальное оформление, альтернативность, гибкость и оперативность;
- элементы: налоговый календарь, стратегия минимизации/оптимизации налоговых обязательств, налоговый план, методы анализа динамики налоговых платежей, методы расчета налоговой нагрузки;
- инструменты: налоговые льготы, место регистрации и осуществления финансово-хозяйственной деятельности, организационно-правовая форма финансово-хозяйственной деятельности плательщика, режимы налогообложения, хозяйственные договоры, учетная политика, цены сделок, сроки уплаты налогов в государственный бюджет, защита налоговых прав;
- методы: разработка приказа об учетной и налоговой политике, метод замены отношений, разделения отношений, отсрочки налогового платежа, прямого сокращения объекта налога, метод офшора, применение льгот и освобождений;
- формы: текущий финансовый контроль, предварительная налоговая экспертиза, вариационно-сравнительный анализ.

Такой шаг позволяет очертить грани налоговой стратегии организации и определить её содержательную наполненность. В целях повышения эффективности управления налоговыми платежами в условиях многогранности факторов, воздействующих на финансовые показатели деятельности организации, автором обобщены критериальные подходы к классификации методов оптимизации налогов: время использования, уровень риска, пространственно-структурный признак, характер переложения налогов.

Признавая значительный вклад ученых в развитие методологии формирования налоговой стратегии организации, автором критически оценены каждое из положений и выработаны собственные дополнения. Такое развернутое представление о различных аспектах налоговой стратегии организации позволяет плательщикам апробировать наиболее приемлемые варианты оптимизации налогов, генерировать собственные идеи, что способствует укреплению корпоративных, а, следовательно, и государственных финансовых ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый механизм: теория и практика: Налоги. Таможенно-тарифное регулирование. Учет и контроль. Ценообразование: пособие / С.И. Адаменкова, и др.; под ред. С.И. Адаменковой. – 4-е изд., доп. и перераб. – Минск: Элайда, 2007. – С. 474–490.
2. Бугаев А.В. Налоговое планирование деятельности субъектов хозяйствования, или Как минимизировать налогообложение в Республике Беларусь. – Минск: Регистр, 2006. – 160 с.
3. Василевская Т.И. Налогообложение организаций и оптимизация налоговых платежей: учеб.-метод. пособие. – Минск: Тетра-Системс, 2011. – 80 с.

4. Налоги в Республике Беларусь: теория и практика в цифрах и коммент. / В.А. Гюрджан, Н.Э. Масинкевич, В.В. Шевцова; под общ. ред. В.А. Гюрджан. – Минск: Светоч, 2002. – 256 с.
5. Налогообложение в системе международных экономических отношений: учеб. пособие / В.А. Дадалко, Е.Е. Румянцева, Н.Н. Демчук. – Минск: Армита – Маркетинг. Менеджмент, 2000. – 359 с.
6. Василевская Т.И., Демчук Н.Н. Налоги и отчисления предприятий Республики Беларусь: Методика и практ. рекоменд. – Минск: Белпринт, 1999. – 272 с.
7. Заяц Н.Е. Теория налогов: учеб. – Минск: БГЭУ, 2002. – 220 с.
8. Литовко С.А. Налоговое планирование: использование оффшорных компаний. – Минск: Агентство Владимира Гревцова, 2008. – 144 с.
9. Лученок А.И. Мошенничество в бизнесе. – Минск: Амалфея, 1997. – 272 с.
10. Хмылко С.А., Ярмош Е.П. Риски налоговой оптимизации. Антикризисный план развития бизнеса [Электронный ресурс]. – Минск, 2024. – URL: <https://hyp.by/riski-nalogovoy-optimizatsii/>. (дата обращения: 18.08.2024).
11. Содействие Министерству по налогам и сборам Республики Беларусь в создании института налоговых консультантов [Электронный ресурс]. – URL: <http://w1.economy.gov.by/ip/pr2/2-49.pdf>. (дата обращения: 18.08.2024).
12. Налоговое консультирование: международный опыт и перспективы для Республики Беларусь. – Минск, 2014.
13. Медведев А.Н. Как планировать налоговые платежи: практ. рук-во для предпринимателей. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 192 с.
14. Лукаш Ю.А. Оптимизация налогов. Методы и схемы. – М.: ГроссМедиа, 2006. – 384 с.
15. Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика: с учетом ч. 1 и ч. 2 Налогового кодекса РФ / А.В. Брызгалин, В.Р. Берник, А.Н. Головкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. – 299 с.
16. Налоговый менеджмент: учеб. / С.В. Барулин, Е.А. Ермакова, В.В. Степаненко. – М.: Дашков и К°, 2012. – 332 с.
17. Кийосаки Р. Налоговые секреты / пер. с англ. С.Э. Борич. – Минск: Попурри, 2015. – 80 с.
18. Макарьева В.И. Оптимизация налогообложения. – М.: ООО «Журнал «Горячая линия бухгалтера», 2005. – 120 с.
19. Дуканич Л.В. Налоги и налоговый менеджмент в России. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 605 с.
20. Анищенко А.В. Оптимизация налогов. – М.: «Бухгалтерский учет», 2009. – 128 с.
21. Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения: монография для магистрантов, обучающихся по программам направления «Финансы и кредит» / И.А. Майбуров и др.; под ред. И.А. Майбурова, А.П. Киреенко, Ю.Б. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 383 с.
22. Бессонов Б.Н. Философия. История и современные задачи: учеб. для вузов. – М.: Норма, 2006. – 560 с.

Поступила 22.08.2024

INDIVIDUAL METHODOLOGICAL FEATURES OF THE TAX STRATEGY OF THE ORGANIZATION

I. KONONCHUK
(*Polessky State University, Pinsk*)

The article presents the existing methodological developments in the construction of the tax strategy of the organization, closely interrelated with tax optimization, tax planning, tax management. The principles of tax optimization proposed by scientists are studied. The stages of constructing the tax strategy of the organization are outlined as a conceptual view of individual scientists on the essence of tax strategizing. The elements of the tax management system are studied in detail and their functional role is disclosed. A modern list of tax optimization tools is systematized and their substantive characteristics are presented in detail, as well as their grouping is given relative to the stages of the life cycle of the organization. The article presents a grouping of tax optimization methods taking into account the criteria that have the greatest methodological value. The rational forms of tax planning proposed by researchers are described, ensuring the optimization of the totality of tax payments.

Keywords: *tax strategy, tax optimization, tax planning, principles, methods, tools, elements, tax incentives, accounting policy, tax regimes, tax burden.*

УДК 339.3+656.13+656.073+658.7

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-30-35

**ОПТИМИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ЗАТРАТ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
ЗА СЧЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЭФФЕКТА МАСШТАБА» НА ТРАНСПОРТЕ
ПРИ ДОСТАВКЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОАО «ГЛУБОКСКИЙ МОЛОЧНОКОНСЕРВНЫЙ КОМБИНАТ»)**

О.М. МЕЩЕРЯКОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

А.А. БАХИР

В статье проведен анализ транспортно-технологических схем доставки сырья и других материальных ресурсов на ОАО «Глубокский молочноконсервный комбинат» (далее – ОАО «Глубокский МКК»); обоснован выбор различных вариантов доставки сахара на предприятие: действующего в настоящее время, заключающегося в транспортировке сахара грузовыми тентованными автотранспортными средствами грузоподъемностью 8,5 т, и трех рекомендованных – транспортировка автотранспортным средством более высокой грузоподъемности и железнодорожным транспортом с использованием разных видов подвижного состава (крытыми универсальными вагонами и фитинговыми платформами с размещением груза в 40-футовых контейнерах). Проведен расчет затрат на транспортировку годового объема сахара автомобильным и железнодорожным транспортом, отражен экономический эффект мероприятия по оптимизации транспортных затрат ОАО «Глубокский МКК» при доставке сахара.

Ключевые слова: закупочная деятельность, транспортные затраты, перевозка грузов, сырье, материальные ресурсы, оптимизация, «эффект масштаба», логистическая система, экономический эффект.

Введение. В последние годы предприятиями молочной промышленности отмечается наращивание объемов производства и увеличение доли экспорта в страны ближнего зарубежья. Наращиванию экспортной составляющей благоприятствует более низкая себестоимость готовой продукции при высоком уровне её качества. Однако, данное конкурентное преимущество утрачивается из-за значительных транспортных затрат на доставку сырья, материальных ресурсов и готовой продукции. Сокращение транспортных затрат при доставке сырья и материальных ресурсов на промышленное предприятие, прежде всего, связано с выбором транспортно-технологической схемы доставки и разработки способов её эффективной реализации за счет использования «эффекта масштаба» на транспорте, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Цель исследования состоит в разработке рекомендаций по оптимизации транспортных затрат промышленных предприятий за счет использования «эффекта масштаба» на транспорте при доставке сырьевых и других материальных ресурсов. Для достижения цели сформулированы и решены следующие задачи:

– проведен анализ транспортно-технологических схем доставки сырья и других материальных ресурсов на ОАО «Глубокский МКК»;

– обоснован выбор различных вариантов доставки сахара на предприятие: действующего в настоящее время (транспортировка сахара грузовыми тентованными автотранспортными средствами грузоподъемностью 8,5 т) и трех рекомендованных – транспортировка автотранспортным средством более высокой грузоподъемности и железнодорожным транспортом с использованием разных видов подвижного состава (крытыми универсальными вагонами и фитинговыми платформами с размещением груза в 40-футовых контейнерах);

– проведен расчет затрат на транспортировку годового объема сахара автомобильным и железнодорожным транспортом, отражен экономический эффект мероприятия по оптимизации транспортных затрат ОАО «Глубокский МКК» при доставке сахара.

Объектом исследования являются промышленные предприятия, осуществляющие доставку сырьевых и других материальных ресурсов собственным транспортом. Предметом исследования являются транспортные затраты промышленных предприятий при доставке сырьевых и других материальных ресурсов.

Материалы и методы. Решение проблем проектирования и оптимизации систем доставки грузов рассматриваются в трудах зарубежных и российских авторов: Д.Дж. Бауэрсокса и Д. Клосса, А.М. Гаджинского, Т. Голдсби и др., В.А. Аникина, В.В. Дыбской, В.В. Зырянова, В.М. Курганова, В.С. Лукинского, Л.Б. Миротина, Ю.М. Неруша, Т.А. Прокофьевой, В.И. Сергеева, А.А. Смехова, А.Н. Стерлигова, С.А. Уварова, В.В. Щербакова и др. Теоретические аспекты в сфере управления транспортно-логистическими затратами предприятия нашли свое отражение в трудах отечественных ученых: Д.М. Антиюшени, В.Г. Булавко и П.Г. Никитенко, И.А. Елового, Р.Б. Ивутя, М.М. Ковалева, С.Ф. Куган, Д.В. Курочкина, А.Д. Молоковича, О.В. Мясниковой, О.М. Овечкиной, Л.С. Стукалова и др. Сформулированные положения занимают весомое место в современной теории транспортной логистики и позволяют уяснить механизм транспортно-логистических процессов на предприятии. Однако вопросы оптимизации транспортных затрат за счет использования «эффекта масштаба» требуют дальнейших исследований.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе применения комплекса взаимодополняющих общенаучных (классификация, сравнение, объяснение, индукция и дедукция, научное доказательство, логический, сравнительный методы анализа) и частных методов познания (обобщение, графический), а также системный и комплексный подходы.

Результаты исследования. Для достижения запланированного уровня экономического развития ОАО «Глубокский МКК» необходимо гарантированное обеспечение сырьевыми и иными материальными ресурсами. С этой целью до начала планового периода заключаются годовые договоры на поставку сырья и товарно-материальных ценностей, необходимых для обеспечения производства.

Доставка сырья и материальных ресурсов на ОАО «Глубокский МКК» может выполняться либо поставщиком, либо автотранспортными средствами предприятия, в зависимости от условий заключенного договора поставки. Отметим, что подвижной состав ОАО «Глубокский МКК» разделен на 2 группы: для доставки сырья и материальных ресурсов и для транспортировки готовой продукции предприятия потребителям. И если в первую группу входят только автотранспортные средства грузоподъемностью 8,5 т, то готовая продукция перевозится автотранспортными средствами грузоподъемностью 8,5 т, а также подвижным составом большей грузоподъемности: 11,5 т, 12 т и 24 т. Для организации транспортировки закупаемых материальных ресурсов ОАО «Глубокский МКК» использует унимодальную схему доставки, в основном, собственными автотранспортными средствами, которые выполняют перевозки маятниковыми маршрутами с порожним пробегом под загрузку. При этом при наличии на предприятии железнодорожной ветки не прорабатывается вопрос снижения транспортных затрат за счет использования подвижного состава этого вида транспорта, либо автомобилей более высокой грузоподъемности.

Таким образом, в ходе анализа транспортно-технологических схем доставки сырья и других материальных ресурсов на ОАО «Глубокский МКК» было установлено, что для перевозок используется только автомобильный транспорт, при наличии на предприятии железнодорожной ветки с выходом на станцию Глубокое. Кроме того, использование для доставки прочих материальных ресурсов среднетоннажного автомобильного подвижного состава (грузоподъемностью 8,5 т) при наличии автомобилей более высокой грузоподъемности (24 т) не позволяет предприятию использовать логистический принцип «эффекта масштаба» на транспорте, который заключается в стремлении грузовладельцев к организации перевозок больших партий с целью снижения транспортных затрат на единицу транспортируемых грузов [1]. Применение либо автотранспортных средств более высокой грузоподъемности, либо железнодорожного подвижного состава будет способствовать реализации данного принципа.

В ходе проведенного анализа действующей логистической системы и организации закупочной деятельности ОАО «Глубокский МКК» была выявлена основная проблема – несоответствие современным логистическим требованиям парка используемых для доставки материальных ресурсов транспортных средств, что говорит о недостаточно эффективном управлении транспортными затратами при доставке сырья и других материальных ресурсов. Выявленная проблема связана с тем, что ОАО «Глубокский МКК» не использует при доставке материальных ресурсов, при наличии такой возможности, железнодорожный транспорт и осуществляет перевозки, в основном, среднетоннажным автомобильным подвижным составом, что приводит к увеличению затрат на выполнение транспортных операций.

Железнодорожный подвижной состав по сравнению с автомобильным, как правило, имеет большую грузоподъемность, что резко сокращает необходимое количество рейсов для транспортировки годового объема материальных ресурсов. Использование большегрузного автотранспорта также сокращает этот показатель по сравнению со среднетоннажным. Для исключения данной проблемы, предложено специалистам отдела материально-технического снабжения при заключении договора поставки прорабатывать возможность перевозки материальных ресурсов не только автомобильным, но и железнодорожным транспортом, а в случае отсутствия у поставщика собственных подъездных железнодорожных путей, рассматривать варианты перевозки большегрузным автомобильным подвижным составом.

Для оценки эффективности предлагаемого мероприятия нами принято решение рассмотреть различные варианты доставки на примере перевозок сырьевого ресурса (сахара) для производства сгущенного молока. Объемы поставки сахара на ОАО «Глубокский МКК» представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Объемы поставки сахара на ОАО «Глубокский МКК» в 2023 г.

Поставщик	Объем поставки, т
ОАО «Городейский сахарный комбинат»	1 290
ОАО «Слуцкий сахарорафинадный комбинат»	1 550
ОАО «Жабинковский сахарный завод»	1 900

Примечание – составлено авторами на основе данных ОАО «Глубокский МКК».

Анализ инфраструктуры поставщиков показал, что ОАО «Жабинковский сахарный завод» находится в одном из крупных железнодорожных узлов с направлениями на Брест, Барановичи и имеет собственные подъездные пути, примыкающие к грузовой станции Жабинка.

Проанализируем варианты доставки сахара на ОАО «Глубокский МКК» по маршруту г. Жабинка – г. Глубокое (таблица 2) в 4-стропных биг-бэгах (мягких контейнерах), имеющих следующие характеристики:

- габаритные размеры 940 × 940 × 1800 мм;
- вес пустого биг-бэга 2 кг;
- вес нетто сахара в биг-бэге 1000 кг.

Таблица 2. – Варианты доставки сахара на ОАО «Глубокский МКК»

Вид транспорта	Тип подвижного состава (грузоподъемность, т)	Габариты грузового отсека, м
Автомобильный	Тентованный грузовой автомобиль модели МАЗ 5336 (8,5 т)	6,1 × 2,42 × 2,33
Автомобильный	Автопоезд в составе седельного тягача МАЗ 544018 и тентованного полуприцепа МАЗ 931010-3020 (22,7 т)	13,6 × 2,48 × 2,44
Железнодорожный	Крытый универсальный вагон модели 11-1709 (51 т)	24,55 × 2,564 × 2,981
Железнодорожный	Фитинговая платформа для перевозки контейнеров с 40-футовым контейнером (24,4 т)	12,093 × 2,35 × 2,372

Примечание – составлено авторами на основе источников [2–5].

Расчет размещения груза в различных типах подвижного состава и количества рейсов для доставки годового объема сахара представлен автомобильным и железнодорожным транспортом в таблицах 3 и 4.

Таблица 3. – Предварительные расчеты для определения стоимости доставки сахара автомобильным транспортом (по вариантам перевозки)

Наименование показателя	Автомобильный транспорт	
	Вариант № 1	Вариант № 2
Грузоподъемность АТС, т	8,5	22,7
Количество биг-бэгов по внутренним габаритам грузового отсека, шт.	Дл.: 6100/940=6 Ш.: 2420/940=2 В: 2330/1800=1 Всего: 12	Д: 13620/940=14 Ш: 2480/940=2 В: 2450/1800=1 Всего: 28
Количество биг-бэгов по грузоподъемности АТС, шт.	8,5/1,002=8	22,7/1,002=22
Максимально возможное количество биг-бэгов к перевозке, шт.	8	22
Вес груза нетто в АТС, т	8*1=8	22*1=22
Количество рейсов для доставки годового объема сахара, раз	1900/8=238	1900/22=87

Таблица 4. – Предварительные расчеты для определения стоимости доставки сахара железнодорожным транспортом (по вариантам перевозки)

Наименование показателя	Железнодорожный транспорт	
	Вариант № 3	Вариант № 4
Грузоподъемность вагона (контейнера), т	51	24,4
Количество биг-бэгов по габаритам грузового отсека, шт.	Дл.: 24450/940=26 Ш.: 2564/940=2 В: 2981/1800=1 Всего: 52	Д: 12093/940=12 Ш: 2350/940=2 В: 2372/1800=1 Всего: 24
Количество биг-бэгов по грузоподъемности вагона (контейнера), шт.	51/1,002=50	24,4/1,002=24
Максимально возможное количество биг-бэгов к перевозке, шт.	50	24
Вес груза нетто в вагоне (контейнере), т	50*1=50	24*1=24
Количество вагонов (платформ) для доставки годового объема сахара, ед.	1900/50=38	1900/24=79

Таким образом, наименьшее количество доставок для обеспечения годового объема сахара на склады ОАО «Глубокский МКК» будет осуществлено при перевозке железной дорогой универсальным крытым вагоном.

Расчет экономического эффекта от предлагаемого мероприятия основан на сравнении размеров транспортных затрат по четырем вариантам доставки по маршруту г. Жабинка – г. Глубокое: действующего в настоящее время, заключающегося в транспортировке этого сырьевого ресурса грузовыми тентованными автотранспортными средствами грузоподъемностью 8,5 т, и трех предлагаемых: транспортировка автотранспортным средством более высокой грузоподъемности и железнодорожным транспортом с использованием разных видов подвижного состава (крытыми универсальными вагонами и фитинговыми платформами с размещением груза в 40-футовых контейнерах). При определении затрат на доставку автомобильным транспортом использовались данные о расстоянии перевозки по маршруту г. Жабинка – г. Глубокое [6], выполнен расчет транспортных затрат на транспортировку сахара автомобилем грузоподъемностью 8,5 т и автопоездом в составе седельного тягача и тентованного полуприцепа грузоподъемностью 22,7 т (таблица 5).

Таблица 5. – Расчет затрат на доставку сахара для ОАО «Глубокский МКК»

Показатель	АТС 8,5 т	АТС 22,7 т	Примечание
1	2	3	4
Заработная плата водителя, руб.	20640 / 64500 × 507 = = 162,24	21786 / 72340 × 507 = = 152,69	20640; 21786 – средняя годовая заработная плата водителя, руб.;
Отчисления от заработной платы, руб.	162,24 × 0,346 = 56,14	152,69 × 0,346 = 52,83	64500; 72340 – средний годовой пробег АТС, км; 507 – расстояние перевозки, км [6]
			34,6 – размер отчислений от заработной платы, %

Окончание таблицы 5.

1	2	3	4
Стоимость топлива, руб.	$27,9 \times 507 / 100 \times 1,97 = 278,66$	$40,5 \times 507 / 100 \times 1,97 = 404,51$	27,9; 40,5 – расход топлива на 100 км пробега с грузом, л / 100 км; 1,97 – стоимость 1 л дизельного топлива без НДС, руб.
Стоимость смазочных и других эксплуатационных материалов, руб.	$278,66 \times 0,065 = 18,11$	$404,51 \times 0,06 = 24,27$	6,5; 6,0 – норма расхода на смазочные материалы и др. эксплуатационные материалы, %;
Стоимость ремонта и восстановления шин, руб.	$686 \times 4 \times 507 / 100\ 000 = 13,91$	$877 \times 10 \times 507 / 100\ 000 = 44,46$	686; 877 – стоимость 1 шины производства ОАО «Белшина», руб.;
Затраты на ремонт и техническое обслуживание автомобиля, руб.	$40,4 \times 507 / 1000 = 20,48$	$58,7 \times 507 / 1000 = 29,76$	100 000 – эксплуатационная норма пробега 1 шины до списания, км
Амортизация автомобиля, руб.	$84200 \times 507 / 500\ 000 = 85,38$	$157\ 648 \times 507 / 500\ 000 = 159,86$	40,4; 58,7 – норма затрат на ремонт и техническое обслуживание автомобиля, руб./1000 км
Накладные расходы, руб.	$162,24 \times 0,234 = 37,96$	$152,69 \times 0,234 = 35,73$	84200; 157648 – восстановительная стоимость АТС, руб.;
Затраты по страхованию ОСГО, руб.	$117,03 / 64500 \times 507 = 0,92$	$141,14 / 72340 \times 507 = 0,99$	500000 – предельный пробег АТС за весь период эксплуатации, км;
Затраты на транспортировку, всего руб.	$162,24 + 56,14 + 278,66 + 18,11 + 13,91 + 20,48 + 85,38 + 37,96 + 0,92 = 673,80$	$152,69 + 52,83 + 404,51 + 24,27 + 44,46 + 29,76 + 159,86 + 35,73 + 0,99 = 905,10$	23,4 – накладные расходы, %
Затраты на 1 км пробега, руб.	$673,80 / 507 = 1,33$	$905,10 / 507 = 1,79$	117,03; 141,14 – страхование транспортного средства (ОСГО), руб./год;
Затраты на 1 т груза нетто, руб.	$673,80 / 8 = 84,23$	$905,10 / 22 = 41,14$	Затраты на ремонт и техническое обслуживание автомобиля, руб./1000 км

Примечание – составлено авторами на основе данных ОАО «Глубокский МКК»

На основе данных таблицы 5 о стоимости доставки сахара автотранспортными средствами грузоподъемностью 8,5 т и 22,7 т и таблицы 3 о количестве рейсов для перевозки годового объема, в таблице 6 представлен расчет транспортных расходов годового объема сахара по двум вариантам перевозки.

Таблица 6. – Расчет затрат на транспортировку годового объема сахара по маршруту г. Жабинка – г. Глубокое автомобильным транспортом

Показатель	Варианты доставки	
	Среднетоннажным АТС (8,5 т)	Большегрузным АТС (22,7 т)
Количество рейсов для доставки годового объема, шт.	238	87
Расстояние перевозки, км	507	507
Транспортные затраты на 1 км доставки, руб.	1,33	1,79
Затраты на доставку годового объема сахара, руб.	$1,33 \times 507 \times 238 = 160\ 486$	$1,79 \times 507 \times 87 = 78\ 955$
Снижение транспортных расходов, руб.	$160\ 486 - 78\ 955 = 81\ 531$	

Таким образом, использование большегрузных автотранспортных средств показывает экономию транспортных затрат при доставке годового объема сахара для ОАО «Глубокский МКК» в размере 81 351 руб.

Расчет затрат на доставку железнодорожным транспортом (таблица 7) выполнялся с использованием программы расчета железнодорожных тарифов, размещенной на официальном сайте Белорусской железной дороги [7].

Таблица 7. – Расчет затрат на доставку годового объема сахара со станции Жабинка до станции Глубокое железнодорожным транспортом

Показатель	Варианты доставки	
	Крытым вагоном	40-футовым контейнером
Количество рейсов для доставки годового объема, шт.	38	79
Расстояние перевозки, км	522	522
Провозные платежи за 1 вагон (платформу), руб.	1070,23	713,32
Затраты на доставку годового объема, руб.	40 669	56 352

Результаты расчетов транспортных затрат по всем рассматриваемым вариантам представлены в таблице 8.

Таблица 8. –Транспортные затраты на доставку годового объема сахара на ОАО «Глубокский МКК»

Номер и характеристика варианта доставки	Затраты на доставку, руб.
№ 1 Грузовым тентованным автомобилем (вес груза нетто 8 т)	160 486
№ 2 Седельным тягачом с полуприцепом (вес груза нетто 22 т)	78 955
№ 3 Крытым универсальным вагоном (вес груза нетто 50 т)	40 669
№ 4 Фитинговой платформой с 40-футовым контейнером (вес груза нетто 24 т)	56 352

На основе представленных в таблице 8 данных можно сделать вывод, что наиболее оптимальным вариантом по критерию минимальных транспортных затрат является доставка сахара на ОАО «Глубокский МКК» от поставщика ОАО «Жабинковский сахарный завод» железнодорожным транспортом в универсальных крытых вагонах. В случаях невозможности использования прямой железнодорожной перевозки, т.е. отсутствия у поставщиков собственных подъездных путей или железнодорожной ветки, соединяющей с грузовой станцией, предпочтительно следует использовать большегрузные автотранспортные средства, т.к. транспортные затраты этой перевозки ниже затрат перевозок среднетоннажным автомобильным подвижным составом.

С точки зрения логистики серьезным преимуществом автомобильного транспорта, по сравнению с железнодорожным, являются маневренность и более быстрая доставка. В рассматриваемых вариантах транспортировки разница в сроках доставки может быть не более 1 – 1,5 суток. Расстояние перевозки по железной дороге составляет 522 км, плановый срок доставки, с учетом установленной правилами перевозок грузов железнодорожным транспортом общего пользования норме суточного пробега вагонов 200 км/сутки, составит около 3 суток [7]. Плановый срок доставки автомобильным транспортом на расстояние 507 км с учетом выполнения требований по режиму труда и отдыха водителей может быть 1,5 – 2 суток. По нашему мнению, в данном случае увеличение срока доставки менее значительное, чем снижение транспортных расходов в предлагаемых вариантах транспортировки железной дорогой.

Расчет эффективности предлагаемого мероприятия по оптимизации транспортных затрат ОАО «Глубокский МКК» за счет использования «эффекта масштаба» на транспорте при доставке материальных ресурсов представлен в таблице 9.

Таблица 9. – Экономический эффект мероприятия по оптимизации транспортных затрат ОАО «Глубокский МКК» при доставке материальных ресурсов

Наименование показателя	Размер	Расчет
1. Затраты на доставку по варианту № 1, руб.	160 486	Таблица 8
2. Затраты на доставку по варианту № 2, руб.	78 955	Таблица 8
3. Затраты на доставку по варианту № 3, руб.	40 669	Таблица 8
4. Экономия текущих годовых затрат макс, руб.	119 817	160 486 – 40 669
min, руб.	81 531	160 486 – 78 955
5. Прирост годовой прибыли макс, руб.	119 817	
min, руб.	81 531	
6. Прирост налога на прибыль макс, руб.	23 963	$119 817 \times 0,2$
min, руб.	16 306	$81 531 \times 0,2$
7. Прирост годовой чистой прибыли макс, руб.	95 854	$119 817 - 23 963$
min, руб.	65 225	$81 531 - 16 306$

Данные таблицы 9 свидетельствуют о целесообразности внедрения предлагаемого мероприятия по оптимизации транспортных затрат ОАО «Глубокский МКК» при доставке материальных ресурсов, т.к. приведет к увеличению годовой чистой прибыли предприятия на 95 854 руб. (при использовании железнодорожной перевозки в универсальных крытых вагонах) и на 65 225 руб. (при использовании большегрузных автотранспортных средств). При этом максимальная эффективность может быть достигнута за счет сочетания двух факторов: привлечения к доставке железнодорожного транспорта, предлагающего более низкие тарифы на перевозки и «эффекта масштаба» на транспорте, предполагающего снижение количества рейсов для обеспечения необходимого объема поставки. А минимальная эффективность достигается за счет использования «эффекта масштаба» на автомобильном транспорте. При этом стоит отметить, что, учитывая небольшое количество большегрузного автопарка в ОАО «Глубокский МКК», для выполнения транспортных операций предприятию следует более широко использовать практику привлечения к ним субъектов транспортного рынка – транспортные и транспортно-экспедиционные предприятия, имеющие большегрузные автотранспортные средства.

Заключение. В целях оптимизации транспортных затрат при доставке материальных ресурсов на ОАО «Глубокский МКК» было предложено использовать либо железнодорожный транспорт, в связи с наличием у предприятия собственных подъездных путей, либо большегрузные автотранспортные средства.

Экономическое обоснование предложенного мероприятия было проведено на примере транспортировки сахара с ОАО «Жабинковский сахарный завод» и основано на сравнении транспортных затрат по четырем вариантам доставки. Рассмотрены два варианта перевозки автомобильным транспортом (среднетоннажным и большегрузным подвижным составом) и два варианта транспортировки железной дорогой (крытым универсальным вагоном и 40-футовым контейнером на фитинговых платформах).

Проведенные расчеты показали, что максимальную эффективность при выполнении перевозки сахара по маршруту г. Жабинка – г. Глубокое можно получить, используя для доставки крытые универсальные вагоны. Прирост годовой чистой прибыли в данном случае составит 95 854 руб. за счет привлечения к доставке железнодорожного транспорта, предлагающего более низкие тарифы на перевозки и эффекта масштаба на транспорте, предполагающего снижение количества рейсов для обеспечения необходимого объема поставки. Минимальное значение прироста годовой чистой прибыли за счет использования большегрузных автотранспортных средств вместо среднетоннажных составит 65 225 руб. При этом, учитывая небольшое количество большегрузного автопарка в ОАО «Глубокский МКК», для выполнения транспортных операций при доставке материальных ресурсов предложено более широко использовать практику привлечения к ним субъектов транспортного рынка – транспортные и транспортно-экспедиционные предприятия, имеющие большегрузные автотранспортные средства.

Таким образом, предложенное мероприятие позволит оптимизировать транспортные затраты по доставке материальных ресурсов за счет более широкого использования большегрузного автомобильного и железнодорожного подвижного состава; повысить эффективность функционирования закупочной деятельности ОАО «Глубокский МКК» за счет снижения временных и стоимостных показателей процесса обеспечения предприятия материальными ресурсами, а значит повысить и общую эффективность работы предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булавко В.Г., Никитенко П.Г. Формирование транспортно-логистической системы Республики Беларусь. – Минск: Беларус. навука, 2014. – 356 с.
2. МАЗ 5336 технические характеристики [Электронный ресурс]. – URL: <https://spectekhnika.info/maz-5336/> (дата обращения: 08.05.2024).
3. Полуприцеп МАЗ 931010-3020 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mazrus.ru/pp/maz_931010_3020/ (дата обращения: 08.05.2024).
4. Технические характеристики крытых вагонов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.transru.ru/articles/tehnicheskie-harakteristiki-krytyh-vagonov/> (дата обращения 08.05.2024).
5. 40-футовый контейнер: размеры [Электронный ресурс]. – URL: <https://razcont.ru/40futov/> (дата обращения: 08.05.2024).
6. Расчет расстояний между городами [Электронный ресурс]. – URL: <https://flagma.by/raschet-rasstoyaniy.html/> (дата обращения: 10.05.2024).
7. Официальный сайт Белорусской железной дороги: расчет тарифа [Электронный ресурс]. – URL: <https://portal.rw.by/> (дата обращения: 14.05.2024).

Поступила 29.09.2024

OPTIMIZATION OF TRANSPORTATION COSTS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE BY USING THE "ECONOMY OF SCALE" IN TRANSPORT WHEN DELIVERY OF MATERIAL RESOURCES (ON THE EXAMPLE OF JSC "GLUBOKOE DAIRY FACTORY")

O. MESHCHERYAKOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

A. BAKHIR

The article analyzes the transport and technological schemes for the delivery of raw materials and other material resources to JSC Glubokskiy Dairy Factory. The choice of various options for delivering sugar to the enterprise is substantiated: the currently operating one, which consists of transporting sugar by covered trucks with a lifting capacity of 8.5 tons, and three recommended ones, namely: transportation by a higher-capacity vehicle and by rail using different types of rolling stock (covered universal wagons and flatcars with cargo placed in 40-foot containers). The calculation of the costs of transporting the annual volume of sugar by road and rail is carried out, the economic effect of the event to optimize the transport costs of JSC Glubokskiy Dairy Factory when delivering material resources is reflected.

Keywords: *purchasing activities, transportation costs, cargo transportation, raw materials, material resources, optimization, "scale effect", logistics system, economic effect.*

УДК 330.1

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-36-40

ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАМЫСЛА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ ЭКОНОМИКИ

канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В интересах развития теоретико-методологических основ воспроизводства основного капитала в экономических системах промышленности исследуется методология формирования инвестиционного замысла как первого и важнейшего этапа инвестиционно-строительного и жизненного цикла объектов промышленной недвижимости. Существующий методологический подход базируется на маркетинговых исследованиях рынка товаров и услуг, поиске неудовлетворенного спроса, избыточных материальных, трудовых и финансовых ресурсов и совершенно не учитывает закономерностей развития и смены технологических укладов в мировой экономике, определяющих сроки эффективного использования основного капитала в промышленности. Воспроизводство основного капитала промышленности, как известно, осуществляется в форме капитальных вложений – инвестиций в основной капитал. Это затраты на расширенное воспроизводство основного капитала в виде строительства новых промышленных объектов, их расширения, реконструкции и технического перевооружения и затраты на простое воспроизводство основного капитала в виде капитального и текущего ремонта промышленных объектов, включая затраты на проектно-изыскательские работы, производство строительно-монтажных работ приобретение машин, оборудования и другие затраты. Учитывая, что основной капитал в экономических системах промышленности по объему инвестиций доминирует над оборотным, а сроки его эффективного использования определяют возвратность и рентабельность затрат на расширенное и простое воспроизводство основного капитала в промышленности, предлагается в данном исследовании в основу методологического подхода по формированию инвестиционного замысла положить закономерности эволюции и смены технологических укладов экономики, определяющих развитие промышленности.

Ключевые слова: исследование, методология, система, замысел, цикл, промышленность, недвижимость, воспроизводство, капитал, закономерности, развитие, технологический уклад, экономика.

Введение. Технологический уклад является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны и определяет динамику экономического развития, а промышленность является ядром технологического уклада и ведущей отраслью национальной экономики Республики Беларусь [1]. В настоящее время в мировой экономике завершается пятый технологический уклад и формируется шестой, в то время как в Российской Федерации и Республике Беларусь промышленность основана на технологиях третьего и четвертого технологических укладов, созданных ещё в период Союза Советских Социалистических Республик. Это приводит к относительно низкой эффективности использования экономических ресурсов, а многие промышленные организации вообще утратили технологическую базу в связи с отсутствием спроса на их продукцию.

При этом экономические системы промышленности, функционирующие в инвестиционно-строительной сфере национальной экономики, пытаются развивать сложившийся существующий технологический уклад, в соответствии с СП 1.02.01-2023 «Состав, порядок разработки предпроектной (предынвестиционной) документации»¹, формируют инвестиционный замысел, обосновывают инвестиции, ищут конкурентный продукт, добиваются государственных инвестиций. Но по-настоящему конкурентный продукт, позволяющий эффективно развиваться промышленной организации и экономике промышленности в целом, в современных условиях можно производить только на новой технологической базе, соответствующей шестому технологическому укладу мировой экономики. Это, в свою очередь, обеспечит в период трансформации мировой экономики реализацию новых возможностей для инновационного роста, развития внешнеэкономической интеграции (включая рациональное встраивание отечественных экономических систем в мировые цепочки создания добавленной стоимости), укрепление и расширение позиций Республики Беларусь на региональном и мировом рынках [2].

Учитывая вышеизложенное, а также то, что основной капитал в экономических системах промышленности по объему инвестиций доминирует над оборотным, а сроки его эффективного использования, возвратность и рентабельность инвестиций определяет технологический уклад мировой экономики, предлагается в данном исследовании в основу методологического подхода по формированию инвестиционного замысла положить закономерности эволюции и смены технологических укладов экономики, определяющие развитие промышленности.

Основная часть. Воспроизводство основного капитала промышленности осуществляется в форме капитальных вложений – инвестиций в основной капитал. Это затраты на расширенное воспроизводство основного капитала в виде строительства новых промышленных объектов, их расширения, реконструкции и технического

¹ URL: https://partnery.by/doc/images/uskugi/doki/pdf/%D0%A1%D0%9F%201.02.01-2023_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf.

первооружения, а также затраты на простое воспроизводство основного капитала в виде капитального и текущего ремонта промышленных объектов.

Процесс воспроизводства основного капитала обеспечивает капитальное строительство, что в современных условиях формирует инвестиционно-строительную деятельность в экономических системах промышленности. Инвестиционно-строительный цикл промышленных объектов во времени определяется масштабом капитальных вложений и последовательно проходит следующие этапы: инвестиционный замысел; предпроектная стадия инвестиционно-строительного цикла; организация проектно-исследовательских работ и разработка проектно-сметной документации; осуществление экспертизы проектно-сметной документации и получение разрешения на строительство; производство строительного-монтажных и пусконаладочных работ; эксплуатация и техническое обслуживание; реконструкция, техническое перевооружение, капитальный ремонт; демонтаж промышленного объекта и утилизация строительных конструкций и оборудования.

При этом первым и важнейшим этапом инвестиционно-строительного и жизненного цикла промышленного объекта является инвестиционный замысел, в котором принимаются все важнейшие решения по дальнейшему развитию инвестиционно-строительного проекта: цели инвестирования, определяющие назначение и мощность объекта строительства, номенклатура продукции, место (район) размещения объекта, источники и условия финансирования. Далее инвестиционно-строительный проект развивается в соответствии с инвестиционным замыслом, последовательно проходит вышеперечисленные этапы, формируя затраты финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов на строительство, эксплуатацию, техническое обслуживание, капитальные и текущие ремонты и утилизацию промышленного объекта.

В основе исследования технологических укладов как явлений лежат эмпирические закономерности, объясняющие длинные (около 50 лет в периоде) технологические циклы экономической активности [3]. Это самые длинные и наиболее мощные по амплитуде волны в цепи волн экономической активности, сопровождающие смену технологических укладов в мировой экономике. Большие технологические циклы экономической активности Н.Д. Кондратьева представлены на рисунке 1.

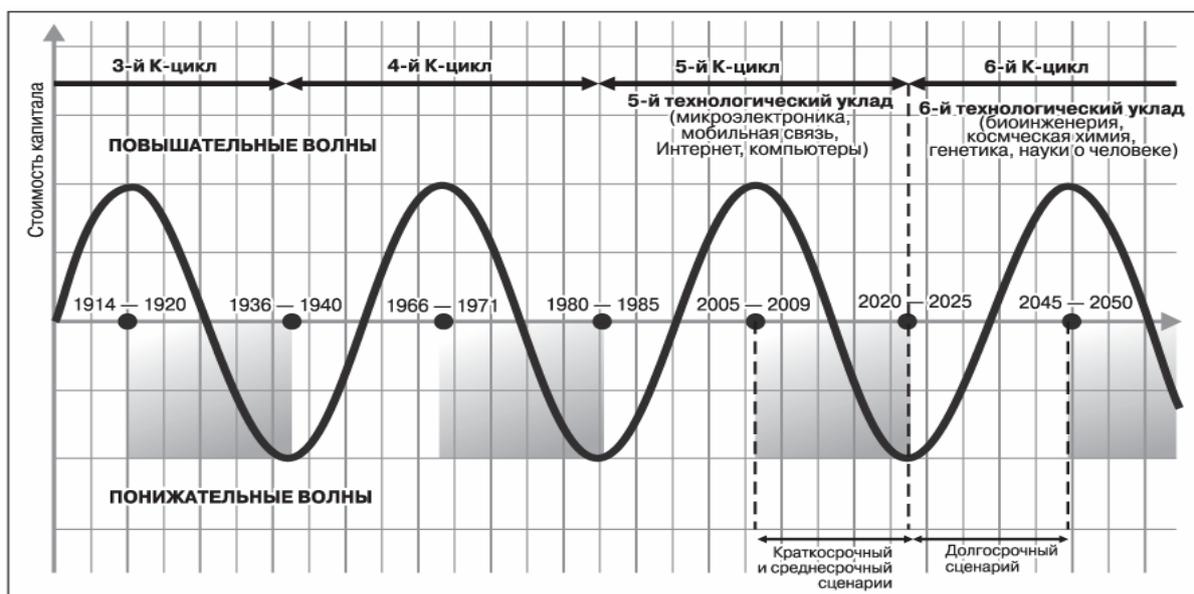

Рисунок 1. – Большие технологические циклы экономической активности Н.Д. Кондратьева
 Источник: [3].

Анализируя представленные на диаграмме технологические циклы экономической активности Н.Д. Кондратьева, мы должны отметить, что стоимость основного капитала экономических систем промышленности, базирующихся на технологиях третьего, четвертого и даже пятого технологического уклада мировой экономики, находится в крайней точке понижательной волны и практически не имеет рыночной стоимости и только расширенное воспроизводство основного капитала на технологиях шестого технологического уклада находится на повышательной волне экономического роста и его рыночная стоимость, а, соответственно, и стоимость инвестиций, вложенных в такие промышленные организации, демонстрирует уверенный рост, привлекая интерес инвесторов.

В процессе исследования эволюционные взаимосвязи технологических укладов экономики, определяющих развитие национальной промышленности, было установлено, что фазы структуры технологического уклада и этапы сопутствующего К-цикла образуют шесть звеньев единого большого цикла экономической активности Кондратьева. Описание большого цикла экономической активности через структуру уклада и сопутствующий К-цикл как составляющих единого цикла представлено на рисунке 2.

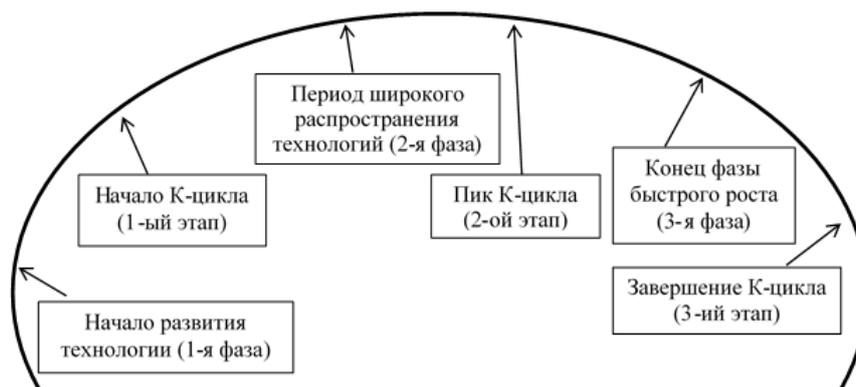

Рисунок 2. – Описание большого цикла экономической активности через структуру уклада и сопутствующий К-цикл как составляющих единого цикла

Источник: [2].

Это научное утверждение позволяет прогнозировать развитие во времени шестого и седьмого технологических укладов мировой экономики, представив их фазами структуры технологического уклада и этапами сопутствующего К-цикла в единой цепочке. Прогнозное описание характера развития шестого и седьмого ТУ мировой экономики, представлено в таблицах 1 и 2, соответственно. Соотношение революционной (R) и эволюционной (E) составляющих технологического развития для каждого из звеньев цикла технологического уклада приведено в таблице 3.

Таблица 1. – Прогнозное описание характера развития шестого ТУ мировой экономики, представленное фазами структуры технологического уклада и этапами сопутствующего К-цикла в единой цепочке

Фазы и этапы	Годы	Содержание
1-я фаза	2020-е	Начало развития нанотехнологий (нанозлектроники, молекулярной и нанофотоники, наноматериалов и материалов с наноструктурированными покрытиями, нанобиотехнологий, наносистемотехники) и других высоких технологий, включая информационные, как основные производственные факторы
Первый этап	2030-е	Период быстрого роста использования нанотехнологий (начало К-цикла) и других высоких технологий за счет нахождения инженерных решений резкого снижения энергоёмкости и материалоемкости производства
2-я фаза	2040-е	Период широкого распространения (пространственной диффузии) нанотехнологий (нанозлектроники, молекулярной и нанофотоники, наноматериалов и материалов с наноструктурированными покрытиями, нанобиотехнологий, наносистемотехники) и других высоких технологий, включая биотехнологии, геномную инженерию, квантовые технологии, мембранные технологии, технологии мобильной робототехники, мехатроники, микромеханики, прототипирования, термоядерной энергетики, фотоники
Второй этап	2050-е	Период пика предпринимательского использования нанотехнологий и других высоких технологий за счет массового создания продукции с заданными свойствами
3-я фаза	2060-е	Конец фазы быстрого роста использования нанотехнологий и других высоких технологий
Третий этап	2070-е	Завершение этапа доминирующего использования технологий шестого технологического уклада

Источник: [2].

Таблица 2. – Прогнозное описание характера развития седьмого ТУ мировой экономики, представленное фазами структуры технологического уклада и этапами сопутствующего К-цикла в единой цепочке

Фазы и этапы	Годы	Содержание
1-я фаза	2070-е	Начало развития когнитивных технологий как основных производственных факторов
Первый этап	2080-е	Период быстрого роста использования когнитивных технологий и других высоких технологий (начало К-цикла)
2-я фаза	2090-е	Период широкого распространения (пространственной диффузии) когнитивных технологий и других высоких технологий
Второй этап	2100-е	Период пика предпринимательского использования когнитивных технологий и других высоких технологий
3-я фаза	2110-е	Конец фазы быстрого роста использования когнитивных технологий и других высоких технологий
Третий этап	2120-е	Завершение этапа доминирующего использования технологий седьмого технологического уклада

Источник: [2].

Таблица 3. – Соотношение эволюционной и революционной составляющей для звеньев цикла технологического уклада экономики

Фазы и этапы	Содержание	Соотношение революционной (R) и эволюционной (E) составляющих
1-я фаза	Начало развития базовых технологий как основных производственных факторов	$R = E$
Первый этап	Период быстрого роста использования базовых технологий (начало К-цикла)	$R \gg E$
2-я фаза	Период широкого распространения (пространственной диффузии) базовых технологий	$R > E$
Второй этап	Период пика предпринимательского использования базовых технологий и других высоких технологий	$R = E$
3-я фаза	Конец фазы быстрого роста использования базовых технологий уклада и других высоких технологий	$R < E$
Третий этап	Завершение этапа доминирующего использования базовых технологий уклада	$R \ll E$

Источник: [2].

Говоря о содержательной основе шестого технологического уклада, мы считаем, что развитие нанотехнологий как основного производственного фактора, ядра шестого технологического уклада, выделяемого академиком С.Ю. Глазьевым [4], является маловероятным. На наш взгляд, нанотехнологии будут всего лишь одним из факторов в ряду комплекса других высоких технологий, состав которых предлагаемый ведущими учеными, в частности Е.Н. Кабловым [6], И.А. Прохоровым [7], А.В. Тебекиным [5; 8], представлен следующим образом: биотехнологии; технологии молекулярной биологии; технологии геномной инженерии; нанотехнологии; технологии создания систем искусственного интеллекта; технологии развития глобальных информационных сетей; технологии построения интегрированных высокоскоростных транспортных систем; квантовые технологии; мембранные технологии; технологии мобильной робототехники; технологии мехатроники; технологии микромеханики; технологии прототипирования; технологии термоядерной энергетики; технологии фотоники; технологии проектирования систем с заданными свойствами.

Прогнозное описание характера развития шестого и седьмого ТУ мировой экономики, представленное фазами структуры технологического уклада и этапами сопутствующего К-цикла в единой цепочке, выделенные соотношения эволюционной и революционной составляющих развития технологий внутри технологического уклада экономики, а также содержательная основа шестого технологического уклада позволяет определять направления технологического развития экономических систем в промышленности, обеспечивающих экономический рост, окупаемость инвестиционно-строительных проектов и высокий уровень рентабельности инвестиций в основной капитал.

Соотношение революционных и эволюционных составляющих на каждом этапе развития технологического цикла характеризует уровень риска перехода экономических систем промышленности на технологии шестого и седьмого технологических укладов экономики. На первых этапах риск наибольший, но и прибыль может быть также максимальной за счет монопольных цен и других факторов. По мере развития технологий шестого технологического уклада цены на продукцию уравниваются за счет спроса и предложения. По мере завершения технологического цикла эффективность использования экономических ресурсов падает, участники промышленного производства вынуждены конкурировать, снижая себестоимость и стоимость продукции, соответственно, стоимость основного капитала промышленной организации падает.

Заключение. На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы и предложения по концептуальному развитию методологии формирования инвестиционного замысла воспроизводства основного капитала, позволяющие существенно повысить инвестиционную привлекательность и экономическую эффективность инвестиционно-строительных проектов, реализуемых в экономических системах национальной промышленности:

1. В основу методологии формирования инвестиционного замысла воспроизводства основного капитала в экономических системах национальной промышленности должны быть положены закономерности развития и смены технологических укладов в мировой экономике.
2. При выборе технологической базы расширенного воспроизводства основного капитала необходимо исследовать существующий технологический уклад промышленной организации и выбрать направление технологического развития в соответствии с закономерностями развития и смены технологических укладов в мировой экономике.
3. Провести маркетинговые исследования рынка товаров и услуг по выбранному направлению технологического развития, исследовать стоимость и доступность экономических ресурсов, таких, как труд, земля и капитал.
4. На основе закономерностей развития и смены технологических укладов в мировой экономике определить предполагаемый срок эффективного использования технологий и построенных для этих целей зданий и сооружений.
5. В соответствии с намеченным для технологического развития технологическим укладом принципиально определить конструктивные и объемно-планировочные решения будущих промышленных зданий и сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серяков Г.Н., Тебекин А.В. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования // Транспортное дело России. – 2013. – № 6-2. – С. 22–24.
2. Серяков Г.Н. Исследование проблем формирования механизмов эффективного развития экономики промышленности в условиях смены технологических укладов. – Новополец: ПГУ, 2018. – 204 с.
3. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избр. Тр. / Н. Кондратьев, Ю. Яковец, Л. Абалкин. – М.: Экономика, 2002. – 550 с.
4. Глазьев С.Ю. Выбор будущего. – М.: Алгоритм, 2005. – 352 с.
5. Серяков Г.Н., Тебекин А.В. Оценка характера дифференциации и преемственности этапов и фаз технологических укладов // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. – 2018. – № 3. – С. 8–17.
6. Каблов Е.Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. – 2010. – № 4. – С. 2–7.
7. Прохоров И.А. Начало 7-го технологического уклада [Электронный ресурс] // Энергоинформ. – URL: <http://www.energo-inform.org/pointofview/prohorov/7-tech-structure.aspx>. (дата обращения: 21.09.2024).
8. Тебекин А.В. Инновационное развитие экономики. – М.: МГАДА, 2008. – 347 с.

Поступила 16.09.2024

**FORMATION OF INVESTMENT IDEAS IN THE CONDITIONS OF CHANGE
IN TECHNOLOGICAL STRUCTURES OF THE ECONOMY**

G. SERYAKOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

In the interests of developing theoretical and methodological foundations for the reproduction of fixed capital in industrial economic systems, the methodology for forming an investment idea as the first and most important stage of the investment and construction and life cycle of industrial real estate objects is studied. The existing methodological approach is based on marketing research of the goods and services market, the search for unsatisfied demand, excess material, labor and financial resources and does not take into account the patterns of development and change in technological structures in the world economy, which determine the terms of effective use of fixed capital in industry. Reproduction of fixed capital in industry, as is known, is carried out in the form of capital investments - investments in fixed capital. These are the costs of expanded reproduction of fixed capital in the form of construction of new industrial facilities, their expansion, reconstruction and technical re-equipment and the costs of simple reproduction of fixed capital in the form of major and current repairs of industrial facilities, including the costs of design and survey work, production of construction and installation works, acquisition of machines, equipment and other costs. Considering that fixed capital in the economic systems of industry dominates over circulating capital in terms of investment volume, and the terms of its effective use determine the return and profitability of costs for expanded and simple reproduction of fixed capital in industry, this study proposes to base the methodological approach to the formation of an investment plan on the patterns of evolution and change of technological structures of the economy that determine the development of industry.

Keywords: *research, methodology, system, plan, cycle, industry, real estate, reproduction, capital, patterns, development, technological structure, economy.*

УДК 331.1

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-41-44

**РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ***канд. экон. наук, доц. И.Н. ФУРСЕВИЧ**(Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
по новым направлениям развития техники, технологии и экономики БНТУ, Минск)*

В статье исследуется тенденция снижения удельного веса работников из числа профессорско-преподавательского состава, имеющих ученые степени и звания в учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Выявлены проблемы, связанные с обеспечением структурных подразделений университетов (институтов) квалифицированными специалистами и руководителями с учеными степенями и (или) званиями. Изучен международный опыт применения процедуры habilitation для обеспечения эффективной работы структуры высшего образования. Для решения выявленных проблем предлагается введение ученых званий высокорейтинговых учреждений высшего образования Беларуси. Разработаны критерии для присвоения ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО». Присвоение ученых званий УВО будет способствовать расширению образовательных коммуникаций, научного сотрудничества по защите диссертаций на соискание ученых степеней, повышению качественного уровня профессорско-преподавательского состава учреждений образования. Введение ученых званий УВО позволит привлечь талантливых молодых ученых из других стран, повысить авторитет белорусской науки на международном уровне.

Ключевые слова: учреждение высшего образования, профессорско-преподавательский состав, доцент УВО, профессор УВО, habilitation.

Введение. Проблема дефицита высококвалифицированных кадров на рынке образовательных услуг по-прежнему является актуальной не только для Республики Беларусь, но и для Российской Федерации. Одна из главных проблем – заполнение структурных подразделений учреждений, обеспечивающих высшее образование профессорско-преподавательским составом (далее – ППС) с учеными степенями и званиями. Наблюдается тенденция увеличения возрастного ценза среди ППС, «старение» кадров. Уменьшается количество кандидатских и докторских защит [1]. Креативные молодые специалисты, способные к творческому росту после окончания срока обязательного распределения покидают учреждения высшего образования (далее – УВО) по различным причинам [2].

Сокращение поступающих в аспирантуру наблюдается и в России. Ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничий сообщил, что численность аспирантов с 2010 по 2022 годы сократилось на 30%, а количество защит кандидатских диссертаций – более чем на 22 тысячи. Тенденция последних лет – сокращение на 9% в год. Ректор обозначил, что выпуск аспирантов от количества принятых в 2022 г. составил менее 50%¹.

Независимо от образовательных методов и подходов обеспечение УВО квалифицированным ППС дается все с большими усилиями. Руководители УВО в тесной связи с управлением по работе с персоналом осуществляют различные пути решения. Одним из применяемых ключевых инструментариев привлечения и закрепления квалифицированных специалистов остается повышение заработной платы, разработка и применение дополнительных стимулирующих выплат. Следует отметить и растущую роль нематериальной поддержки, включающей в себя возможности профессионального роста внутри УВО, непрерывное обучение, участие в различных международных проектах с высоким уровнем значимости. Хорошие условия труда, благоприятная корпоративная культура, принятие участия руководства УВО в решении жилищных вопросов также играют немаловажную роль в закреплении специалистов.

Комплексное применение различных стимулирующих мер способствует закреплению работников внутри УВО. Вместе с тем вопрос обеспечения структурных подразделений вузов квалифицированными специалистами и руководителями с учеными степенями и званиями остается открытым. В этой связи целью исследования является развитие кадрового потенциала из числа ППС учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Основная часть. Преподавательский состав учреждений высшего образования является одним из ключевых ресурсов, с помощью которого осуществляется развитие учреждения образования. Это основной источник, который позволяет внедрить и реализовать все новшества, нововведения мирового масштаба в работу вуза. Высококвалифицированные педагогические работники осуществляют различные виды работ (учебную, научную, идеологическую, воспитательную и др.), принимают непосредственное участие в научно-исследовательских работах, выполняемых в рамках заданий государственных программ научных исследований, международных конкурсов и конкурсов проектов молодых ученых Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, хозяйственных работ по заказу юридических и физических лиц и т.д. Вместе с тем в УВО наблюдается дефицит высококвалифицированных кадров с учеными степенями и званиями.

¹ URL: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/12012/#:~:text=%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0,%D0%9B%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%A1%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%B9>.

Информация, предоставленная в открытых источниках на официальных сайтах отечественных университетов, позволяет сделать вывод о преобладании неостепененных педагогических работников среди профессорско-преподавательского состава. Проведем анализ кадрового состава в УО «Минский государственный лингвистический университет» (далее – МГЛУ), УО «Белорусский государственный университет физической культуры» (далее – БГУФК), УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (далее – БГПУ), УО «Белорусский государственный аграрный технический университет» (далее – БАТУ), УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина» (далее – МГПУ) и других УВО Республики Беларусь.

Штатный состав кафедры фонетики английского языка МГЛУ составляет 32 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 10 чел. или 31% (2 профессора, 8 доцентов), без ученых степеней и званий – 22 чел. или 69% (7 старших преподавателей, 9 преподавателей, 6 преподавателей-стажеров)².

Состав кафедры физического воспитания и спорта МГЛУ составляет 23 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 3 чел. или 13% (1 заведующий, 2 доцента), без ученых степеней и званий – 20 чел. или 87% (12 старших преподавателей (из них 3 магистра педагогики), 7 преподавателей (из них 6 магистров педагогики), 1 преподаватель-стажер)³.

Штатный состав кафедры иностранных языков БГУФК составляет 12 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 2 чел. или 17% (1 заведующий кафедрой, 1 доцент), без ученых степеней и званий – 10 чел. или 83% (10 старших преподавателей, 1 ассистент)⁴.

Состав кафедры менеджмента спорта БГУФК составляет 15 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 5 чел. или 33% (1 заведующий кафедрой, 2 профессора, 2 доцента), без ученых степеней и званий – 11 чел. или 67% (9 старших преподавателей, 1 преподаватель)⁵.

Состав кафедры педагогики БГУФК составляет 7 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 2 чел. или 29% (1 заведующий кафедрой, 1 доцент), без ученых степеней и званий – 5 чел. или 71% (5 старших преподавателей)⁶.

Штатный состав кафедры иностранных языков БГПУ составляет 38 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 7 чел. или 19% (1 профессор, 6 доцентов), без ученых степеней и званий – 31 чел. или 81% (10 старших преподавателей, 21 преподавателей)⁷.

Состав кафедры физического воспитания и спорта БГПУ составляет 30 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 3 чел. или 10% (1 профессор, 2 доцента), без ученых степеней и званий – 27 чел. или 90% (11 старших преподавателей, 16 преподавателей)⁸.

Состав кафедры художественно-педагогического образования БГПУ составляет 15 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 2 чел. или 13% (1 профессор, 1 доцент), без ученых степеней и званий – 13 чел. или 87% (11 старших преподавателей, 1 преподаватель, 1 преподаватель-стажер)⁹.

Штатный состав кафедры автоматизированных систем управления производством БАТУ составляет 8 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 3 чел. или 37% (1 заведующий кафедрой, 1 профессор, 1 доцент), без ученых степеней и званий – 5 чел. или 63% (4 старших преподавателей, 1 ассистент)¹⁰.

Состав кафедры информационного менеджмента, маркетинга и учета БАТУ составляет 16 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 6 чел. или 37% (1 заведующий кафедрой, 5 доцентов), без ученых степеней и званий – 10 чел. или 63% (10 старших преподавателей)¹¹.

Штатный состав кафедры физического воспитания и спортивных дисциплин МГПУ составляет 18 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 5 чел. или 28% (1 заведующий кафедрой, 1 профессор, 3 доцента), без ученых степеней и званий – 13 чел. или 72% (5 старших преподавателей, 7 преподавателей, 1 преподаватель-стажер)¹².

Штатный состав кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Международного университета МИТСО (далее – МИТСО) составляет 27 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 2 чел. или 7% (1 профессор, 1 доцент), без ученых степеней и званий – 25 чел. или 93% (1 исполняющий обязанности заведующего кафедрой, 14 старших преподавателей, 9 преподавателей, 1 преподаватель-стажер)¹³.

² URL: <http://www.mslu.by/fen/kafedry/kafedra-fonetiki-angliyskogo-yazyka/kollektiv-kafedry.php>.

³ URL: http://www.mslu.by/fic/departments/department-physical-education-and-sport/text_sostav.php.

⁴ URL: <https://www.sportedu.by/kafedra-inostrannyh-yazykov/>.

⁵ URL: <https://www.sportedu.by/kafedra-menedzhmenta-sporta/>.

⁶ URL: <https://www.sportedu.by/kafedra-pedagogiki/>.

⁷ URL: <https://klang-1.bspu.by/sostav-kafedry/professorsko-prepodavatskii-sostav-kafedry>.

⁸ URL: <https://kfvs.bspu.by/>.

⁹ URL: <https://faest.bspu.by/kafedry/hudozhestvenno-pedagogicheskogo-obrazovaniya/professorsko-prepodavatskii-sostav-kafedry-hudozhestvenno-pedagogicheskogo-obrazovaniya>.

¹⁰ URL: <https://www.bsatu.by/ru/kafedry/kafedra-avtomatizirovannyh-sistem-upravleniya-proizvodstvom>.

¹¹ URL: <https://www.bsatu.by/ru/kafedry/kafedra-informacionnogo-menedzhmenta-marketinga-i-ucheta>.

¹² URL: https://ffk.mspu.by/index.php?view=kaf_sport_disc_sostav.

¹³ URL: <https://mitso.by/ru/kontakty/417-kafedra-inostrannykh-yazykov-i-mezhkulturnykh-kommunikatsij.html>.

Состав кафедры физического воспитания МИТСО составляет 11 чел. из числа ППС, из них ППС с учеными степенями и званиями 1 чел. или 9% (1 профессор), без ученых степеней и званий – 10 чел. или 91% (1 заведующий кафедрой, 8 старших преподавателей, 1 преподаватель)¹⁴.

Таким образом, информация, предоставленная в открытых источниках на официальных сайтах УВО, позволяет сделать вывод о преобладании неостепененных педагогических работников, в особенности на кафедрах педагогических и гуманитарных наук. Это ППС из числа старших преподавателей, преподавателей, преподавателей-стажеров, ассистентов.

Для привлечения талантливых ученых, в том числе из других стран, повышения авторитета УВО на международном уровне, обеспечения эффективной работы структуры высшего образования в Германии, Швейцарии (Priv.-Doz. и/или Dr. habil.), Франции (Habilitation à diriger des recherches), Дании, Польши, Болгарии (dr hab.), Австрии (Priv.-Doz.), Финляндии, Швеции (Docent, Doc.), Португалии (Agregação), Венгрии (Dr. habil.), Чехии (Docent), Словении, Молдавии, Словакии, Латвии (Doctorhabilitat) и в ряде других стран применяется процедура хабилизации. Хабилизация выступает процедурой получения высшей академической квалификации, которая присваивается после получения ученой степени доктора философии (PhD). По отечественным нормам соответствует ученой степени кандидата наук. Успешно завершивший процедуру хабилизации доктор философии удостоивается звания хабилизированного доктора [4]. Следует отметить, что статус «хабилизированный» в ряде западных стран является дополнительной квалификацией к докторской степени, а не отдельной ученой степенью [5].

Процедура хабилизации предполагает оценку публикаций кандидата, его научных исследований, научно-педагогическую, учебную и другие виды деятельности. Завершающим этапом хабилизации является защита диссертации, которая требует высокого уровня подготовки. Диссертационное исследование выполняется самостоятельно и не предполагает руководства другим ученым. К соискателям научной степени предъявляются высочайшие требования. Учреждения образования несут полную ответственность за качественную подготовку кадров [5]. Целью хабилизации является подтверждение обладания высоким уровнем научной компетенции для ведения научно-исследовательской работы, преподавания на университетском уровне. Получение степени хабилизированного доктора позволяет занимать высокие научные должности, в том числе заведующего кафедрой, профессора, руководить научными проектами и программами.

Следует отметить, что в странах СНГ, в том числе и в России, научные организации, организации, реализующие высшее образование, достигшие значительных результатов в научной, научно-технической деятельности, обладающие авторитетом в части подготовки научных, научно-педагогических кадров высшей квалификации либо являющиеся национальными исследовательскими центрами, наделены правом подготовки кадров высшей квалификации [6]. Вопрос повышения качественного уровня подготовки кадров, расширения образовательных коммуникаций, научного сотрудничества по защите диссертаций на соискание ученых степеней является весьма актуальным. В этой связи предлагается введение ученых званий учреждений высшего образования в высокорейтинговых вузах Беларуси. При присвоении ученых званий УВО следует делать акцент на научную компетенцию соискателя, его публикационную активность, участие в научных международных программах и проектах, а также научно-педагогический стаж работы и др.

Таким образом, выделим основные критерии, на основании которых можно будет рекомендовать соискателя к присвоению ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО»:

- занимаемая должность;
 - наличие ученой степени;
 - стаж научно-педагогической и научной работы;
 - количество опубликованных работ в рецензируемых журналах за трехлетний период, предшествовавший подаче заявления соискателем о возбуждении ходатайства, в т.ч.: в журналах, входящих в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, в зарубежных высокорейтинговых журналах (на иностранном языке);
 - количество научных, учебных, учебно-методических, электронных и других работ;
 - организация (руководство) научной конференции, научной школы;
 - количество кандидатов и (или) докторов наук, подготовленных соискателем ученого звания «профессор УВО», в т.ч. из числа иностранных граждан;
 - подготовка магистрантов из числа граждан Республики Беларусь;
 - участие в рамках заданий государственных программ научных исследований (далее – ГПНИ), государственных научно-технических программ (далее – ГНТП), международных конкурсов и конкурсов проектов молодых ученых Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (далее – БРФФИ), хозяйственных работ по заказу юридических и физических лиц в качестве исполнителя или ответственного исполнителя и др.
- Очевидно, что для рекомендации соискателя к присвоению ученого звания «профессор УВО» должны применяться более весомые характеристики, чем при рекомендации к присвоению ученого звания «доцент УВО», например: наличие кандидатов и (или) докторов наук, подготовленных соискателем ученого звания, подготовка магистрантов из числа граждан Республики Беларусь и иностранных граждан.

¹⁴ URL: <https://mitso.by/ru/kontakty/437-kafedra-fizicheskogo-vozpitanija.html>.

Важно, чтобы процесс присвоения ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО» был прозрачным, объективным, справедливым и соизмеримым. В подготовке кадров высшей квалификации базой для расширения научного сотрудничества должна рассматриваться именно качественная составляющая. Следует отметить, что к присвоению ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО» могут быть рекомендованы соискатели, основным местом работы которых является соответствующее учреждение образования.

Заключение. Анализ информации, предоставленной в открытых источниках на официальных сайтах университетов (МГЛУ, БГУФК, БГПУ, БГАТУ, МИТСО и др.) показал наличие проблемных вопросов в части удовлетворения учреждений образования высококвалифицированными педагогическими работниками. Выборочный анализ кадрового состава УВО свидетельствует о преобладании работников без ученых степеней и званий, в особенности педагогических и гуманитарных наук.

Для решения выявленных проблем предлагается введение ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО» в высокорейтинговых учреждениях образования Беларуси, реализующих высшее образование по направлениям деятельности. Разработаны критерии для присвоения ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО», основными среди которых являются: занимаемая должность; наличие ученой степени (для присвоения ученого звания «профессор УВО»); стаж научно-педагогической и научной работы; количество опубликованных работ в рецензируемых журналах за трехлетний период, предшествующий подаче заявления соискателем о возбуждении ходатайства, в т.ч.: в журналах, входящих в Перечень ВАК Республики Беларусь, в зарубежных высокорейтинговых журналах (на иностранном языке); количество научных, учебных, учебно-методических, электронных и других работ; организация (руководство) научной конференции, научной школы; количество кандидатов и (или) докторов наук, подготовленных соискателем ученого звания «профессор УВО», в т.ч. из числа иностранных граждан; подготовка магистрантов из числа граждан Республики Беларусь; участие в рамках заданий ГПНИ, ГНТП, БРФФИ в качестве исполнителя или ответственного исполнителя и др.

Присвоение ученых званий УВО будет способствовать расширению образовательных коммуникаций, научного сотрудничества, повышению качественного уровня профессорско-преподавательского состава учреждений образования. Введение ученых званий «доцент УВО» и «профессор УВО» позволит привлечь талантливых молодых ученых из других стран, повысить авторитет белорусской науки на международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурсевич И.Н. О кадровом обеспечении образовательного процесса квалифицированными педагогическими работниками // Труды БГТУ. Сер. 5. Экономика и управление. – 2023. – № 2(274). – С. 78–83.
2. Фурсевич И.Н. Молодые специалисты: преимущества, гарантии, компенсации, мотивация // Проблемы управления. – 2023. – № 4(90). – С. 27–33.
3. Бочков П.В. Процесс habilitation по теологии в Республике Польша // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 118–126.
4. Мальцева А.А., Барсукова Н.Е. Подготовка кадров высшей квалификации для стран СНГ в Российской Федерации как направление научно-технического сотрудничества // Вестник Евразийской науки. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 27.
5. Савина А.К. Ученые степени и звания в зарубежных странах: общее и особенное // Проблемы современного образования. – 2015. – № 3. – С. 11–22.
6. Кадникова О.В., Чвора А.А. Подготовка научных кадров в России и Германии [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2017. – № 2. – URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/02/13900>. (дата обращения: 21.08.2024).

Поступила 21.08.2024

DEVELOPMENT OF PERSONNEL POTENTIAL OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I. FURSEVICH

*(Institute for advanced training and retraining of personnel
in new areas of development of engineering, technology and economics of BNTU, Minsk)*

The article examines the trend towards a decrease in the proportion of employees from among the teaching staff with academic degrees and titles in higher education institutions of the Republic of Belarus. The problems associated with providing the structural units of universities (institutes) with qualified specialists and managers with academic degrees and (or) titles have been identified. International experience in applying the habilitation procedure to ensure the effective operation of the higher education structure has been studied. To solve the identified problems, it is proposed to introduce academic titles from highly rated institutions of higher education in Belarus. Criteria have been developed for awarding the academic titles “Associate Professor of the Higher Educational Institution” and “Professor of the Higher Educational Institution”. The awarding of academic titles to higher education institutions will contribute to the expansion of educational communications, scientific cooperation in defending dissertations for academic degrees, and improving the quality of teaching staff of educational institutions. The introduction of academic titles from higher education institutions will make it possible to attract talented young scientists from other countries and increase the authority of Belarusian science at the international level.

Keywords: *institution of higher education, faculty, Associate Professor of a higher education institution, professor at an institution of higher education, habilitation.*

УДК 339.138

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-45-53

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА К РАЗРАБОТКЕ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО МАРКЕТИНГА

Д.А. ЧЕРНЫШ

(РУП «Белмедпрепараты», Минск)

канд. экон. наук, доц. Э.Г. ЧУРЛЕЙ

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1980-4418>

В статье рассматривается необходимость внедрения системы внутреннего маркетинга на современном предприятии и его влияние на достижение компанией рыночных целей. Описаны различные подходы к внутреннему маркетингу, а также его ключевые составляющие элементы. Приводятся результаты проведенного полевого исследования, подтверждающие важность интеграции внутреннего маркетинга как для повышения уровня клиентоориентированности компании в частности, так и для повышения общей результативности в целом. Предлагается модель, отражающая концептуальный подход к формированию системы внутреннего маркетинга.

Ключевые слова: *внутренний маркетинг, клиентоориентированность, сотрудники, информация о клиентах, результаты деятельности компании, концептуальная модель внутреннего маркетинга.*

Введение. Современное состояние среды функционирования бизнеса находится под воздействием множества факторов внутренней и внешней среды. Составляющие внешней среды активно изучаются, обсуждаются и находятся под воздействием разрабатываемых компанией планов, так как считаются важными элементами при разработке стратегических ходов. Однако стоит отметить, что сегодня не меньшее значение имеет и состояние внутренней среды, которое накладывает отпечаток на все активности компании на рынке. Ранее, в большей степени, в компаниях сферы услуг вели речь о необходимости исследования и оценки внутренней среды в целом. Сегодня же расставляются акценты в сторону как осознания необходимости, так и формирования системы внутреннего маркетинга в различных сферах. Данная система является связующим звеном во внутренних процессах компании и ее взаимосвязи с внешней средой.

В настоящее время не существует единого подхода к определению внутреннего маркетинга. Различное понимание его задач привело к формированию нескольких основных типов внутреннего маркетинга.

Основная часть. Учеными и практиками достаточно давно проводятся исследования вопросов внутреннего маркетинга. Среди типов внутреннего маркетинга (ВМ) выделяются:

1. *Сконцентрированный на отношении к работнику как к клиенту.* Согласно данной концепции, Л. Берри и А. Парасураман дают следующее определение: «Внутренний маркетинг – это создание лучших продуктов-работ для удовлетворения потребностей сотрудника-клиента» [1]. Этот подход связывает внутренний маркетинг с совокупностью целей и принципов, определяющих содержание и направление работы с персоналом, которая включает в себя подбор, адаптацию, развитие и удовлетворение потребностей сотрудников.

2. *Как средство преодоления сопротивлений и реализации стратегии.* Данный подход отражен в работах М. Рафика и П. К. Ахмеда, где ВМ определен как «запланированные усилия по преодолению организационного сопротивления изменениям и по согласованию, мотивации и интеграции сотрудников для эффективной реализации корпоративных и функциональных стратегий» [2].

3. *Касающийся формирования клиентоориентированного поведения и заинтересованности в общих результатах работы предприятия.* Согласно К. Гренроссу, «внутренний рынок служащих компании можно наилучшим образом мотивировать к поведению, ориентированному на потребителя и обеспечивающему высокий уровень обслуживания с помощью подхода, схожего с маркетинговым, при котором маркетинговые виды деятельности используются внутри компании» [3]. Данное определение подчеркивает вклад ВМ в реализацию высоких стандартов качества обслуживания клиентов и рассматривает его как продолжение основной маркетинговой стратегии предприятия.

Первые два подхода в большей степени рассматривают внутренний маркетинг как реализуемый через HR-направление с применением инструментов и принципов маркетинга для решения задач управления человеческими ресурсами в организации. Среди ключевых задач ВМ, определенного в первом и втором подходах, можно выделить формирование бренда работодателя и продвижение философии и идей организации среди персонала. Однако такие определения внутреннего маркетинга, направленные в первую очередь на персонал, не дают четкого понимания влияния ВМ на результаты компании. Третий же тип ВМ ориентирован на достижение рыночных целей компании посредством формирования клиентоориентированного поведения, направленного как внутрь компании, так и во вне.

Клиентоориентированность сегодня играет одну из ключевых ролей в успехе компаний, т. к. ужесточение конкуренции на рынках товаров и услуг привело к снижению значимости ценовых методов конкуренции и росту значимости взаимоотношений с клиентами. Новейшие концепции начиная от маркетинга 2.0 и 3.0 также говорят

о необходимости сосредоточения на глубоком взаимодействии между брендом и потребителем. Клиент рассматривается не только как потребитель товаров или услуг, но и как партнер, с которым нужно сотрудничать и создавать взаимовыгодные отношения [4].

Действительно, многочисленные кейсы подтверждают влияние клиентоориентированности на финансовые показатели компаний. Так, например, по данным консалтинговой компании Bain¹, при обеспечении положительного клиентского опыта компании, увеличивают выручку на 4–8% по сравнению с другими компаниями, работающими на аналогичном рынке. Директор по исследованиям Vision Prize также выявил тенденцию, согласно которой клиенты, имеющие в прошлом позитивный опыт по отношению к компании с транзакционной бизнес-моделью, тратят на 140% больше по сравнению с теми, у кого был негативный предыдущий клиентский опыт². Компания Qualtrics, проведя опрос с участием 10 000 потребителей в США об их недавнем взаимодействии с 294 компаниями из 20 отраслей³, выяснила, что компании могут потерять в среднем 3% своей выручки из-за плохого обслуживания клиентов в краткосрочной перспективе.

Соответственно, важность клиента превращает концепцию ВМ, направленную на формирование клиентоориентированного поведения и заинтересованности у сотрудников в общих результатах работы компании, в наиболее актуальную. Данная концепция также позволяет трансформировать результативность внедрения внутреннего маркетинга в измеримые показатели, через оценку влияния действий, в том числе на успех компании.

Изучение различных источников по данной теме позволило выделить ряд ключевых составляющих внутреннего маркетинга, среди которых:

- 1) бренд работодателя;
- 2) личный бренд руководителя;
- 3) подготовка персонала к выполнению своих прямых задач;
- 4) развитие командного духа;
- 5) эффект свободы действий;
- 6) системы признания и вознаграждения (бонусы);
- 7) межфункциональная координация и интеграция;
- 8) коммуникация внутри компании;
- 9) информация о клиентах;
- 10) осведомленность о маркетинговых целях.

Рассмотрим роль и важность каждой составляющей ВМ для компаний.

Бренд компании и поведение работодателя формируют **бренд работодателя (1)**, который напрямую влияет на то, какие кандидаты будут рассматривать компанию как потенциальное место работы. Так, 36% сотрудников говорят, что рыночная репутация компании «очень важна» при выборе новой работы⁴. Любой соискатель охотнее реагирует на вакансии успешной, перспективной и известной компании, стремясь с большим усердием попасть в коллектив такой организации. Это помогает бизнесу изначально получать большой поток качественных предложений от кандидатов, а значит привлекать сотрудников, которые изначально имеют высокий уровень заинтересованности и подходят философии организации. Мероприятия внутреннего маркетинга, в свою очередь, позволяют создавать и удерживать не только уникальную команду с высокой долей одаренных сотрудников, которая не будет поддаваться копированию со стороны конкурентов, но и обратить внимание клиентов на качество.

Любям свойственно становиться последователями тех, кого они считают образцом для подражания. Наличие в компании сильного лидера один из лучших способов вдохновить сотрудников. Согласно исследованию глобального коммуникационного агентства Weber Shandwick⁵, 70% руководителей считают, что сильный **личный бренд руководителя (2)** позволяет легче удерживать текущий персонал. Руководитель с сильным личным брендом не только является примером, за которым готовы идти сотрудники, но и создает у сотрудников чувство принадлежности к общей миссии. Это укрепляет внутренний мотивационный фактор и чувство принадлежности к команде, что в итоге способствует удержанию сотрудников в компании. В исследовании 77% руководителей также ответили, что сильный личный бренд руководителя позволяет лучше привлекать новых сотрудников.

Подготовка персонала к выполнению своих прямых задач (3) является условием обеспечения его эффективной работы, ведь 80% успеха в достижении плана зависит от уровня понимания своих ролей сотрудниками и наличия у них необходимых компетенций, остальные же 20% приходится на объяснения непосредственных задач⁶.

Сильный **командный дух (4)** – неотъемлемая часть хорошего рабочего места, потому что он создает атмосферу, которая способствует энтузиазму, побуждает сотрудников делиться идеями и способствует их росту. Кроме того, социализация сотрудников улучшает коммуникацию более чем на 50%. Изоляция сотрудников снижает производительность труда на рабочем месте на 21%. Сотрудники, испытывающие чувство сопричастности к работе, на 54% чаще остаются на своих рабочих местах⁷.

¹ URL: <https://www.bain.com/insights/are-you-experienced-infographic>.

² URL: <https://hbr.org/2014/08/the-value-of-customer-experience-quantified>.

³ URL: https://www.qualtrics.com/m/www.xminstitute.com/wp-content/uploads/2019/12/XMI_DS_WhatHappensAfterABadExperience-2019.pdf.

⁴ URL: <https://hrdailyadvisor.blr.com/2019/11/01/better-manage-your-online-reputation-to-attract-talent/>.

⁵ URL: <https://webershandwick.com/news/the-ceo-reputation-premium-a-new-era-of-engagement>.

⁶ URL: <https://hbr.org/2008/02/three-keys-to-effective-execut>.

⁷ URL: <https://www.withconfetti.com/blog/post/team-building-statistics>.

Большая **свобода действий (5)** ведет к росту осознанности и ответственности, а также открывает возможность сотрудникам раскрыть свой потенциал в максимальной степени. Сотрудники свободнее выражают свое мнение и ощущают причастность к принятию решений, что делает их более вовлеченными в общее дело. Компании, основанные на принципе свободы, согласно данным Gallup⁸, отмечают, что более 70% их сотрудников «вовлечены».

Системы признания и вознаграждения (6) в компаниях на сегодняшний момент являются одним из ключевых способов выражения результатов работы сотрудников, играя важную роль в повышении их мотивации, что напрямую влияет на продуктивность и качество работы. Исследование Gallup⁹ подтверждает это, указывая, что благодаря системам признания и вознаграждения увеличивается вовлеченность сотрудников в свою работу в 4 раза и они становятся в 5 раз более склонными видеть возможности для роста в компании. Также исследование компании Indeed¹⁰ отразило, что в случае справедливой оплаты труда 82% сотрудников чувствуют себя более удовлетворенными своей работой, 81% отмечает высокий уровень продуктивности и лояльности к своим работодателям. Более того, системы вознаграждения для сотрудников работают лучше, если они связаны не только с внутренними критериями успешности, но и с клиентами.

Межфункциональная координация и интеграция (7) позволяют объединять усилия всех структурных подразделений и служб предприятия для получения заданного конечного результата. С их помощью сотрудники разных подразделений имеют общий взгляд на бизнес, взаимодействуют в рамках единой информационной системы и приобретают общее понимание всех процессов. Согласно статистике Harvard Business Review¹¹, 44% компаний говорят, что отсутствие сотрудничества внутри компании является одним из самых серьезных препятствий на пути успешного взаимодействия с клиентами. Исследование компании Saas¹² показало, что 84% респондентов из опрошенных компаний придерживаются мнения, что интеграция «крайне важна» или является «одним из ключевых требований» для их клиентов. Также 92% отметили, что интеграция помогает гораздо реже возникать ситуациям оттока клиентов.

Хорошая **коммуникация (8)** на рабочем месте обеспечивает сотрудников информацией, необходимой им для качественной работы, создает позитивную рабочую среду и устраняет неэффективность. Так, сотрудники, которые получают достаточно информации, чтобы хорошо выполнять свою работу, в 2,8 раза более склонны к вовлеченности¹³. Когда коммуникация терпит неудачу, то же самое происходит с кампаниями, проектами, целями, а иногда и с компаниями. По данным The Economist¹⁴, недопонимание и коммуникационные барьеры приводят к задержкам или неудачам в завершении проекта (44%), недостижению целей (31%) и потере продаж (25%).

Информация о клиентах (9) важна, если бизнес хочет согласовать свои процессы, продукты и услуги с целью построения устойчивых отношений с клиентами. Накопленная и обработанная информация позволяет использовать её для принятия обоснованных решений и формирования лучшего предложения. Чем больше у компании информации о клиентах, тем выше может быть уровень клиентоориентированности в ней. 88% клиентов говорят, что опыт, предоставляемый компанией, так же важен, как и её продукт или услуги¹⁵.

Для того чтобы сотрудники могли способствовать успеху компании, они должны быть **осведомлены о её маркетинговых целях (10)**. Исследование Harvard Business Review¹⁶, показало, что 82% респондентов считают использование стратегических целей «чрезвычайно важным» или «очень важным» для общей эффективности их организации. Осведомленность персонала о целях способствует единству действий и общей направленности усилий коллектива. Более того, каждый сотрудник имеет личные цели, связанные с ростом и развитием. Понимая цели компании, сотрудники могут принимать решения, которые одновременно способствуют их собственному развитию и успеху компании, что, в свою очередь, повышает общую мотивацию.

Таким образом, выполненный анализ многочисленных статистических данных, дает возможность подтверждения важности постоянной работы над элементами внутреннего маркетинга, а также обращает пристальное внимание на необходимость создания комплексного подхода.

Не все представленные составляющие внутреннего маркетинга относятся к маркетинговому направлению деятельности компании (рисунок 1), многие полностью или частично относятся к HR-менеджменту (управлению персоналом). Это не делает концепцию внутреннего маркетинга противоречивой, а, наоборот, позволяет продемонстрировать неразрывную связь между отдельными подразделениями предприятия через интеграцию методов одной области деятельности компании (в нашем случае, маркетинга) с другой (управление персоналом). Совместные активности различных отделов в рамках реализации общей стратегии являются неперенным условием успешного функционирования предприятия.

⁸ URL: <https://hbr.org/2018/09/give-your-team-the-freedom-to-do-the-work-they-think-matters-most>.

⁹ URL: <https://www.gallup.com/analytics/472658/workplace-recognition-research.aspx>.

¹⁰ URL: <https://www.indeed.com/lead/the-importance-of-fair-pay-and-salary-transparency>.

¹¹ URL: <https://www.intercom.com/blog/harvard-business-review-customer-engagement-statistics-2022/>.

¹² URL: <https://www.partnerfleet.io/blog/valuable-integration-statistics-to-know>.

¹³ URL: <https://hbr.org/sponsored/2023/05/why-overhauling-internal-communications-could-be-your-greatest-revenue-driver>.

¹⁴ URL: https://impact.economist.com/perspectives/sites/default/files/EIU_Lucidchart-Communication%20barrers%20in%20the%20modern%20workplace.pdf.

¹⁵ URL: <https://www.salesforce.com/news/stories/customer-engagement-research/>.

¹⁶ URL: <https://hbr.org/resources/pdfs/comm/ImplementingStrategicGoalsforOrganizationalSuccess.pdf>.

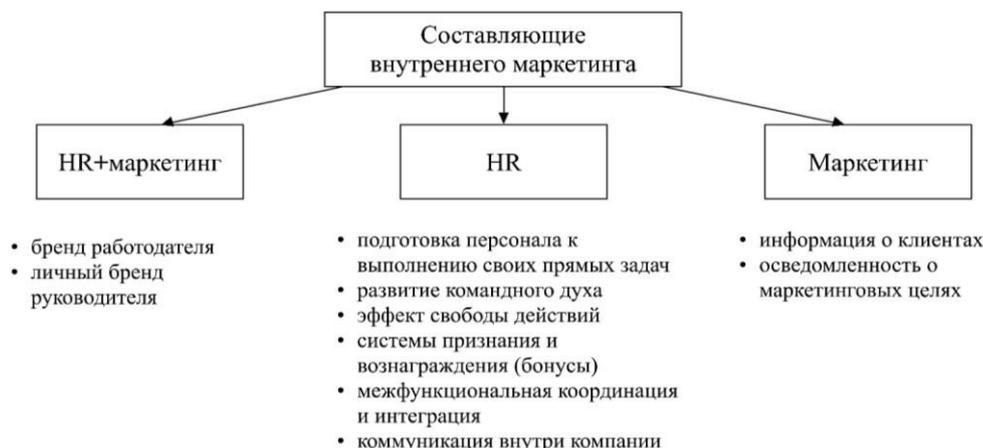

Рисунок 1. – Схема элементов внутреннего маркетинга

Однако фокусом в рамках данной работы будут являться составляющие внутреннего маркетинга, имеющие прямые связи с основной сферой маркетинга, т.е. клиентами.

Информация о клиентах позволяет сотрудникам компании на каждом этапе деятельности быть осведомленными о ситуации, а также вовлеченными в маркетинговую деятельность, что может формировать клиентоориентированный подход, который и будет являться одним из результатов внутреннего маркетинга.

Клиентоориентированность – это система, проходящая через все бизнес-процессы организации и нацеленная на достижение результата, желаемого клиентом [5]. Результаты клиентоориентированности могут быть оценены через уровень удовлетворенности и лояльности клиентов. Для этого может быть использовано множество метрик, однако среди наиболее распространенных можно выделить NPS (индекс потребительской лояльности) и CSI (индекс удовлетворенности клиентов). Достижение высоких показателей в этих метриках невозможно без информации о клиентах, которая может быть трансформирована в метрику «знание клиента» и определяется как отношение количества критериев, по которым оценивается клиент и его удовлетворенность к количеству критериев, значимых для покупательского поведения [6]. Оценка высоких значений, полученных через метрики NPS и CSI, в свою очередь, свидетельствует о наличии клиентоориентированности в компании. А результаты клиентоориентированного подхода, в конечном итоге, оказывают влияние на доход компании, как уже было подчеркнуто ранее.

Важность взаимосвязей между сотрудниками, клиентами и финансовыми результатами компании выражены не только статистически, но и находят отражение в моделях (рисунок 2).

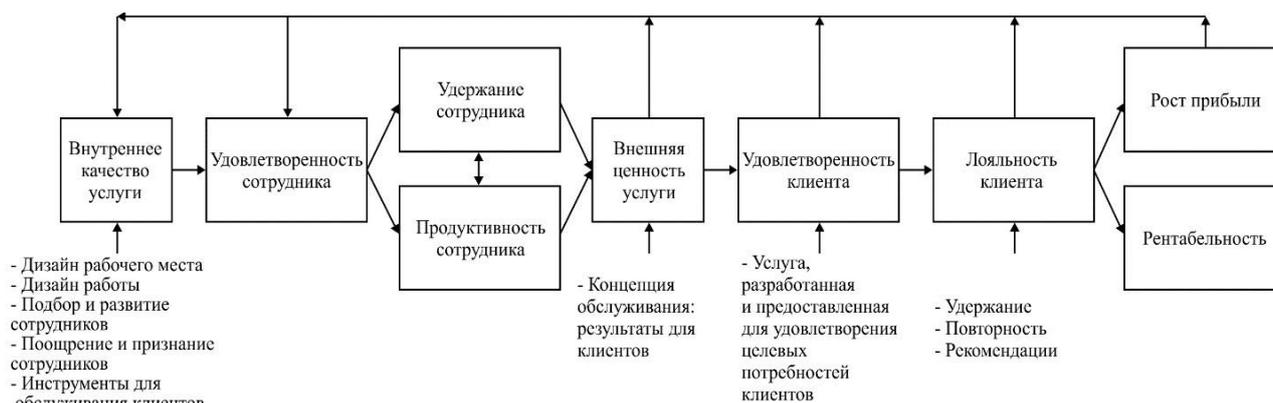

Рисунок 2. – Модель Дж. Хескетта «service-profit chain»

Источник: [7].

Так, модель Дж. Хескетта «service-profit chain», отражает следующие взаимосвязи: «Прибыль и рост стимулируются в первую очередь благодаря лояльности клиентов. Лояльность является прямым результатом удовлетворенности клиентов. Удовлетворенность в значительной степени зависит от ценности услуг, предоставленных клиентам. Ценность создается удовлетворенными, лояльными и продуктивными сотрудниками. Удовлетворенность сотрудников, в свою очередь, преимущественно обусловлена качественными службами поддержки и политикой, позволяющей сотрудникам достигать результатов для клиентов» [8]. Однако стоит отметить, что данная модель первоначально рассматривает влияние «внутреннего» качества услуги, учитывающего в значительной степени техническую сторону обеспечения сотрудников, тогда как на удовлетворенность сотрудников, как показал анализ, влияет гораздо больший спектр факторов, являющихся составляющими внутреннего маркетинга.

С целью определения характеристик, имеющих отношение к составляющим «знание клиента», отражающих не только состояние клиентоориентированности в компании, но и предполагающее возможность выявления особенностей внутреннего маркетинга было проведено полевое исследование. В ходе данного исследования на основе разработанной анкеты, посредством опроса, были собраны сведения от сотрудников компании, работающей на рынке B2B (отдел маркетинга, отдел продаж, экономический отдел и отдел кадров). Анкета содержала 9 закрытых и 4 открытых вопроса, исследование проводилось в городе Минске в феврале 2024 года. Исследуемые вопросы были обращены на изучение составляющих внутреннего маркетинга в компании, оценки уровня клиентоориентированности с позиции сотрудников, выявления критериев оценки клиента, работы с данными о клиентах.

Полученные результаты отражают следующее.

Оценки большинства респондентов (около 70%) касаются наличия внутреннего маркетинга в компании были достаточно низкие и находились в диапазоне баллов от 4 до 6. Что касается мнения респондентов в оценке клиентоориентированности компании, более 60% оценок были сосредоточены на отметках 7–8 баллов. При глубинном рассмотрении оценок была отмечена следующая связь: те респонденты, которые поставили достаточно низкие оценки в вопросе о наличии внутреннего маркетинга в компании (4–5), также, преимущественно, оценили уровень клиентоориентированности компании ниже (баллы в диапазоне 5–7). В случае когда респонденты оценивали наличие внутреннего маркетинга в 6–8 баллов, оценка уровня клиентоориентированности также росла и составляла 7–9 баллов. Однако для подтверждения объективности такой связи необходимо рассмотреть наличие зависимостей с ответами на другие вопросы.

Действительно, при анализе анкет с высокими баллами не всегда можно согласиться с объективностью данных оценок, принимая во внимание ответы на остальные вопросы. Так, один из сотрудников в анкете дал ответ «не обладаю сведениями» на 5 вопросов из общего количества, что исключает возможность высокой оценки наличия внутреннего маркетинга и высокого уровня клиентоориентированности, однако респондент поставил оценку 8 в обоих этих вопросах. Поставленные оценки могли быть связаны с неверно сформированным пониманием у сотрудников, что же из себя на самом деле представляют клиентоориентированность и внутренний маркетинг. Еще одной причиной может являться отсутствие четко выстроенных процессов по работе с клиентами компании.

Из открытых ответов на вопрос анкеты (фрагмент представлен на рисунке 3), следует, что респонденты понимают под внутренним маркетингом маркетинг, направленный на персонал, однако рассматривают его со стороны HR-компоненты. Только два респондента определили внутренний маркетинг в соответствии с ориентацией на достижение рыночных целей компании посредством формирования клиентоориентированного поведения. К сожалению, от них были получены наименьшие оценки как в вопросе про наличие внутреннего маркетинга, так и по уровню клиентоориентированности компании, что на самом деле и отражает фактическое состояние внутреннего маркетинга на исследуемом объекте.

Рисунок 3. – Фрагменты ответов респондентов на вопрос полевого исследования «Что вы понимаете под внутренним маркетингом в компании?»

Свидетельством отсутствия системы обеспечения информацией о клиентах в компании являются отличающиеся ответы в следующих вопросах.

В вопросе, где респондентов просили указать «по каким критериям оценивается клиент компании», в ответах среди основных критериев оценки клиента компании первое место занимало количество закупок, которое отметили 77% сотрудников. Данная составляющая не всегда играет доминирующее значение при рассмотрении вопросов клиентоориентированности компании, а лишь отражает объемные показатели в системе взаимоотношений. Стоит также отметить наличие ответов «не обладаю сведениями» по данному вопросу, что показывает либо нежелание отвечать на поставленный вопрос, либо информирует об отсутствии системы маркетингового информационного обеспечения в компании, а также это может быть показателем отсутствия заинтересованности сотрудника в развитии компании.

На отсутствие выстроенной в компании системы обеспечения информации о клиентах, респонденты своими ответами также указали и в вопросе количества критериев, необходимых для оценки клиентов (рисунок 4). Ответы находятся в диапазоне от 1 до 10 критериев.

Рисунок 4. – Распределение вариантов ответов на вопрос полевого исследования «Сколько критериев необходимо для оценки клиентов?»

Так, 23,1% респондентов указали, что достаточно 1–3 критериев, однако ясно, что при выстраивании клиентоориентированного подхода такого количества критериев не может быть достаточно для эффективной работы. Число 4–6 также не позволит сотрудникам владеть полной информацией о клиентах. Еще 23,1% респондентов ответили, что «не обладают сведениями об оценке клиентов», что отражает наличие проблемы отсутствия доступа части сотрудников к данным и/или заинтересованности в развитии компании.

Из анализа данного вопроса можно сделать вывод об отсутствии понимания у сотрудников процесса оценки клиентов, а также на невыстроенную систему получения информации о них.

В ходе опроса респондентов попросили перечислить «три наиболее важных критерия для оценки удовлетворенности клиентов». Сотрудники компании выделяли как результирующие, так и процессные критерии. Группу результирующих критериев, которые являются маркерами удовлетворенности клиентов, из обработанных ответов, в общем виде можно представить следующим образом: возвращаемость и долгосрочность сотрудничества; увеличение объемов закупок и широты закупаемого ассортимента; отзывы и рекомендации. Группа процессных критериев, которые непосредственно влияют на удовлетворенность, но не демонстрируют полную удовлетворенность клиентов работой компании и взаимодействием с ней, представлена качеством продукции; сроками изготовления заказа; компетентностью сотрудников и вовлеченностью в работу; возможностью диалога касательно ценовой политики.

Еще один вопрос, касающийся непосредственно сбора информации о клиентах, а именно частоты такой процедуры, также не показал преобладающего ответа. Помимо разрозненности ответов, более 20% сотрудников выбрали вариант «данные о клиентах собираются хаотично, по мере необходимости». Такая модель сбора данных как раз характерна для несформированной системы сбора информации. В этом вопросе, еще 30% респондентов указали, что «не обладают сведениями о сборе данных», что также может указывать на отсутствие системы маркетингового информационного обеспечения в компании.

В случае полноценного клиентоориентированного подхода, информация о клиентах собирается сотрудниками всех отделов компании в меру их взаимодействия с клиентами. В анкете же видно, что отсутствие системы обеспечения информацией ведет к сосредоточению этой функции в руках отдела маркетинга (отметили более 76% респондентов) и отдела продаж (69% соответственно). Данный фактор, как и отсутствие выстроенной системы в целом, ведет к тому, что согласно ответам, информация о клиентах преимущественно используется руководителями (69% ответов), и в наименьшей степени – сотрудниками всех отделов компании (38%).

Ответы на вопрос «Какую роль, по вашему мнению, играет сотрудник в повышении клиентоориентированности в вашей компании?», часть из которых представлена на рисунке 5, позволяют отметить, что сотрудники компании воспринимают свою роль в повышении клиентоориентированности как ключевую и полагают, что их действия и поведение непосредственно влияют на восприятие клиентами компании и формирование отношения к ней. Это выражено в следующих формулировках:

- «сотрудник – «лицо» компании»;
- «сотрудник может как и повысить лояльность клиента к компании, так и сыграть негативную роль»;
- «сотрудник формирует восприятие образа компании»;
- «от вовлеченности сотрудника зависит понимание потребностей клиента»;
- «сотрудник влияет на сохранение клиентов (если ..., то клиент уйдет)».

В вопросе о степени необходимости информации о клиентах для работы компании от сотрудников были получены исключительно высокие оценки в диапазоне от 8 до 10 баллов, где оценку 10 поставили более 50% респондентов. Это свидетельствует о том, что сотрудники утверждают о невозможности работы без информации и осознают ее значение для успешной деятельности компании. Однако, рассмотрение ответов на предыдущие вопросы, указывает на отсутствие полного спектра информации у сотрудников на данный момент.

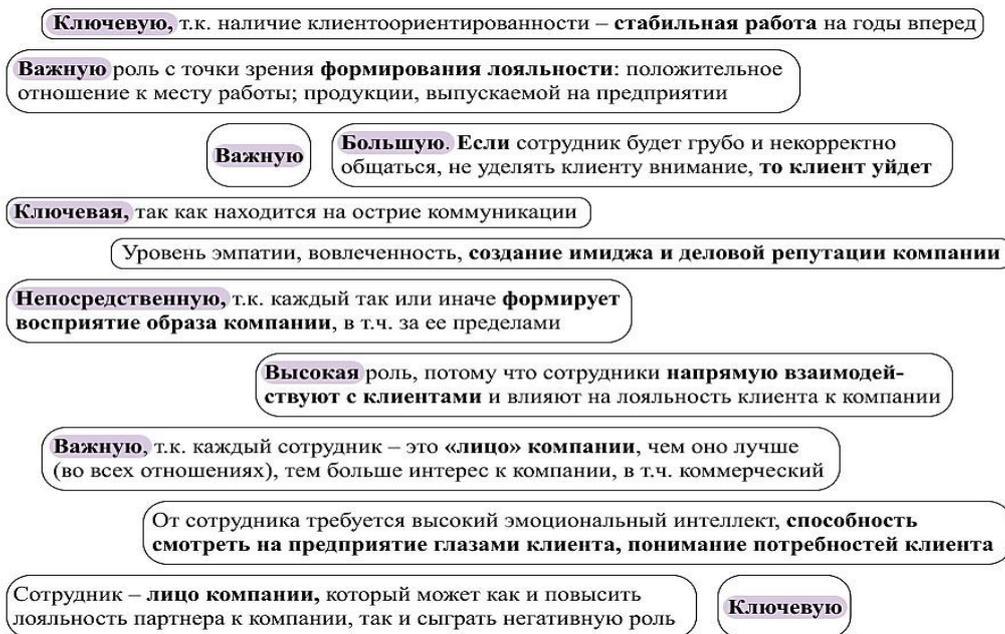

Рисунок 5. – Фрагменты ответов респондентов на вопрос полевого исследования «Какую роль, по вашему мнению, играет сотрудник в повышении клиентоориентированности в вашей компании?»

В другом вопросе также видно, что респонденты в нескольких случаях четко заявили о том, что видят прямую связь между наличием/использованием информации о клиентах и формированием клиентоориентированного подхода, упомянутыми в формулировке вопроса. Они утверждают, что знание клиентов помогает им:

- оперативно и эффективно принимать стратегически важные решения, а также выбирать правильную стратегию работы;
- находить правильный подход к каждому клиенту, наиболее полно решая его запрос, оправдывая его ожидания;
- повышать эффективность маркетинговой службы в целом.

Среди ответов также стоит отметить следующие:

- «Не связано с моей работой» – такой ответ снова указывает на отсутствие полноценного клиентоориентированного подхода, в рамках которого каждый сотрудник понимает свою роль по отношению к клиентам компании.

Рассматривая вопрос «для чего используются полученные данные о клиентах?», все без исключения респонденты ответили, что информация о клиентах используется для разработки планов действий, а планирование, как известно, осуществляется на всех уровнях и отделах в компании. Из этого видно противоречие: возвращаясь к вопросу о том, «кем используются данные» вариант ответа «всеми сотрудниками компании» был отмечен в наименьшем количестве случаев. Также, из предыдущих вопросов понятно, что сотрудники не обладают достаточным количеством информации, чтобы разрабатывать планы действий. При рассмотрении анкет более детально, можно заметить, что 46% респондентов в данном вопросе отметили все 3 базово представленных варианта (для понимания уровня удовлетворенности клиентов, для разработки планов действий, для прогнозирования продаж).

Прогнозирование продаж, отмеченное 85% респондентов, оказывает влияние на деятельность всей компании и может являться основой планирования, что еще раз подчеркивает важность обеспечения всех сотрудников данными. Понимание уровня удовлетворенности клиентов позволяет выстраивать работу с клиентами самым эффективным способом. Как показали ответы на вопросы анкеты, у сотрудников недостаточно данных, чтобы оценивать удовлетворенность – либо отсутствует информация в компании, либо они не получили к ней доступа. Итак, наблюдается дисбаланс, где с одной стороны доступ к информации ограничен (ввиду, в том числе, отсутствия сформированной системы ее обеспечения), а с другой стороны все сотрудники компании нуждаются в ней.

Подводя итог, метрика «знание клиента» фактически не отслеживается в компании в том числе и по причине отсутствия необходимого информационного обеспечения для ее расчета. Это происходит в том числе и из-за невыстроенности системы обеспечения маркетинговой информации в компании, о чем свидетельствуют ответы респондентов на ряд вопросов анкеты. Более того, сотрудники не всегда понимают, что же собой представляют внутренний маркетинг и клиентоориентированность, а, следовательно, не могут ни объективно оценить их наличие в компании, ни полноценно внедрять эти подходы в работу. Тем не менее, сотрудниками отмечена высокая значимость и потребность в наличии информации о клиентах для эффективной работы компании, что говорит о крайней необходимости закрытия существующего разрыва.

Итак, и проведенное исследование, и данные из многочисленных изученных источников, подтверждают высокую роль внутреннего маркетинга в результативности компании. Однако, без понятной формализованной системы, его внедрение в компании затруднено. Более того, многие руководители и специалисты компаний не всегда осознают, что существуют отличия между составляющими и уровнями «внутренний-внешний» и «тактический-стратегический». Для решения данного вопроса целесообразно применение результатов анализа существующих разработок (авторы Дж. Хескетт; О.И. Зеленова, Л.С. Латышова, Е.К. Пантелеева), использование их в качестве основы для формирования собственного обновленного подхода. Необходимо создание понятной модели, отражающей систему взаимосвязей между составляющими внутренней и внешней среды, включающей элементы ВМ.

Обозначенные выше проблемы являются предпосылкой к созданию модели, объясняющей влияние ВМ на компанию. Созданный прототип модели отражен на рисунке 6.

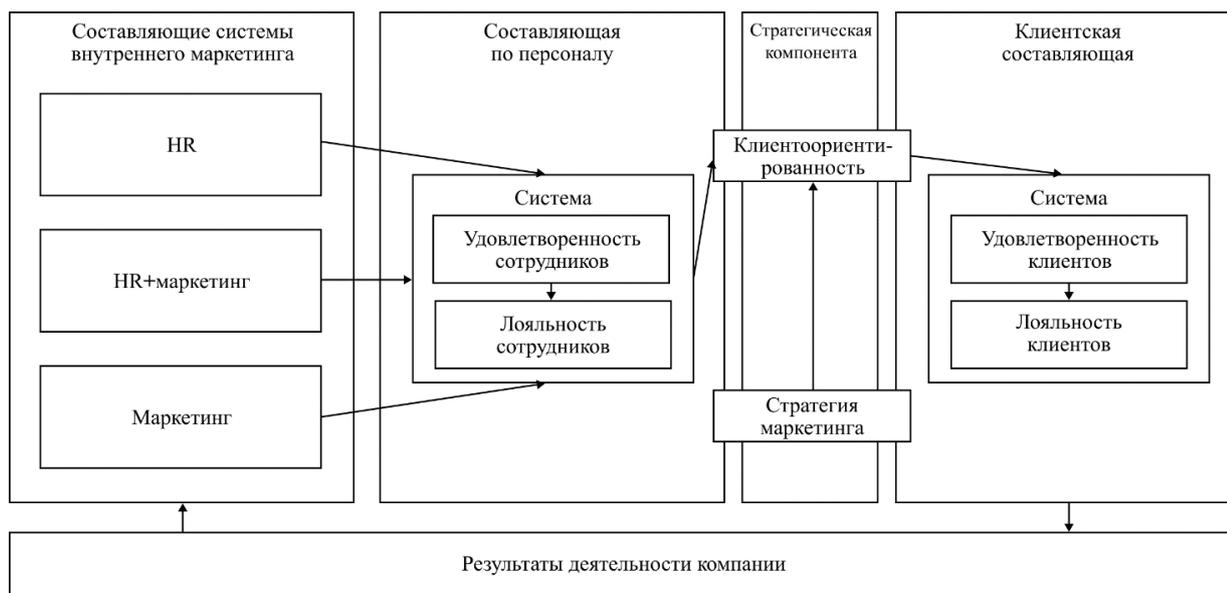

Рисунок 6. – Концептуальный подход системы внутреннего маркетинга

Первой составляющей модели является элемент «внутренний маркетинг». Данный элемент включает в себя три компонента:

- **HR-компонента**, формирующаяся в рамках корпоративной культуры и входит в зону ответственности HR-менеджмента;
- **HR+маркетинг компонента**, составляющие которой являются результатом работы как HR-направления компании, так и реализуемых маркетинговых мероприятий;
- **маркетинговая компонента**, составляющие которой основываются на маркетинговой стратегии компании, включающей все маркетинговые политики.

Элемент «внутренний маркетинг» позволяет охватить все уровни внутренней среды компании и дает возможность внедрять ВМ в рамках общей стратегии, в отличие от существующих подходов.

Внутренний маркетинг напрямую влияет на вторую составляющую модели, «персонал», и в первую очередь отражается на удовлетворенности сотрудников, т.к. позволяет не только создавать благоприятные условия для выполнения ими рабочих обязанностей, но и достигать заинтересованности персонала в общих результатах. В этом случае возможно возникновение лояльности сотрудников и их всецелой приверженности целям и ценностям компании. Именно в таких условиях происходит формирование полноценной клиентоориентированности, являющейся частью стратегической компоненты модели, когда она не только вытекает из стратегии маркетинга, но и осознанно формируется действиями персонала.

Результаты применения клиентоориентированного подхода прослеживаются во взаимоотношениях «клиент – компания», а также могут быть выражены через уровень удовлетворенности и лояльности клиентов – клиентская составляющая модели. В долгосрочной перспективе для компании важна не только результативность, выраженная в прибыли, но и нефинансовые показатели, такие как, например, репутация, сила бренда и прочие. Именно комплексное развитие позволяет адаптироваться к неизбежно меняющейся внешней среде. Результаты деятельности компании, основывающиеся на реализации различных решений, включают компоненты внутреннего маркетинга и, в свою очередь, оказывают влияние на будущее состояние внутреннего маркетинга, т.е. цикличны.

Стоит отметить, что модель фокусируется на изучении связей внутреннего маркетинга с другими описанными составляющими, поэтому ряд связей для упрощения модели детально не были отражены авторами. Так, например, стратегическая компонента не является целью модели, поэтому ее влияние на результаты компании не фиксируется.

Применение данного концептуального подхода не зависит от отраслевой принадлежности, размера и формы собственности компании. В зависимости от уровня развития маркетинга на изучаемом объекте существует возможность изменения последовательности рассмотрения элементов данной модели (см. рисунок 6).

Заключение. Сегодня организации сталкиваются с множеством вызовов на всех уровнях среды. В связи с этим возрастает роль управления внутренней средой, которая служит фундаментом для успешного функционирования компании, а, соответственно, возрастает и необходимость внедрения систем ВМ. Изучение вопроса внутреннего маркетинга позволяет выделить несколько его типов, однако концепция ВМ, направленная на формирование клиентоориентированного поведения может быть определена как наиболее актуальная, так как она позволяет полноценно оценить эффективность ВМ через измерение результатов деятельности компании. Выделение ключевых составляющих внутреннего маркетинга предоставляет возможность осознать, что они включают в себя как маркетинговые, так и HR-компоненты, а также их комбинацию. В свою очередь наибольший интерес представляют составляющие, относящиеся к маркетинговой деятельности, так как они могут быть трансформированы в понятные метрики.

Проведенное полевое исследование показало, что, хотя респонденты и понимают важность обеспеченности информацией о клиентах для эффективной работы компании и выстраивания клиентоориентированного подхода, но из-за отсутствия сформированного понимания что собой представляют внутренний маркетинг и клиентоориентированность, они не способны полноценно внедрять данные подходы в рамках деятельности компании. Подтвержденная результатами исследования, а также большим количеством информации из различных источников роль внутреннего маркетинга в результативности компании, обусловила необходимость разработки авторской модели в виде концептуального подхода, отражающей влияние ВМ на игроков рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berry L.L., Parasuraman A. Marketing Services: Through Quality. – New York: Free Press, 1991. – 299 p.
2. Rafiq M., Ahmed P.K. The scope of internal marketing: defining the boundary between marketing and human resource management // Journal of Marketing Management. – 1993. – Vol. 9, No 3. – P. 219–232 – DOI: <https://doi.org/10.1080/0267257X.1993.9964234>
3. Gronroos C. Internal Marketing – Theory and Practice // T. M. Bloch (Ed) Services Marketing in Changed Environment. Chicago: American Marketing Association, 1985. – P. 41–47.
4. Котлер Ф., Сетиаван А., Картаджайя Х. Маркетинг 5.0. Технологии следующего поколения. – М.: Эксмо, 2022. – 272 с.
5. Чурлей Э.Г. Формирование системы маркетинговых метрик оценки уровней удовлетворенности и лояльности клиентов // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. – 2022. – № 1. – С. 48–64.
6. Прайснер А. Сбалансированная система показателей в маркетинге и сбыте. – М.: Изд. Дом Гребенникова, 2007. – 304 с.
7. Тромпенаарс Ф., Куберг П. 100 ключевых моделей и концепций управления. – М.: МИФ, 2020. – 640 с.
8. Heskett J., Sasser Jr. W.E., Schlesinger L. The Service Profit Chain: How Leading Companies Link Profit and Growth to Loyalty, Satisfaction, and Value. – New York: Free Press, 1997. – 320 p.

Поступила 03.09.2024

FORMATION OF A CONCEPTUAL APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF INTERNAL MARKETING SYSTEM

D. CHARNYSH

(RUE "Belmedpreparaty", Minsk)

E. CHURLEI

(Belarusian State University, Minsk)

The article discusses the necessity of implementing an internal marketing system in a modern enterprise and its impact on achieving the company's market goals. Various approaches to internal marketing are described, along with its key components. The results of a field study are presented, confirming the importance of integrating internal marketing to enhance both the company's customer orientation and overall performance. A model that reflects a conceptual approach to the development of an internal marketing system is proposed.

Keywords: *internal marketing, client orientation, employees, customer information, company performance results, internal marketing conceptual model.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.95

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-54-59

**СТАДИЯ НАЧАЛА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА:
ДЕЙСТВИЯ, РЕШЕНИЯ, СРОКИ**

*канд. юрид. наук, доц. Б.В. АСАЁНОК
(Международный университет «МИТСО», Минск)*

В представленной публикации применительно к учению о стадиях административного процесса раскрыты отдельные вопросы, связанные с такими элементами стадии административного процесса, как процессуальные сроки, решения и действия, имеющие особенности применительно к ней. Предлагается рассмотреть вопрос о возможности проведения предварительной проверки по заявлению и сообщению об административном правонарушении, а также при проведении ускоренного порядка ведения административного процесса с указанием процессуальных сроков проведения такой проверки. Обосновывается принятие процессуального решения о начале административного процесса в форме предварительной проверки. С учетом смешанного характера стадии начала административного процесса рассматривается возможность включения в её содержание не только административно-юрисдикционных (непроцессуальных) действий, но и предусмотренных административно-процессуальным законодательством осмотра и опроса. Даются рекомендации об уточнении названия субъекта, осуществляющего прием заявлений и сообщений об административных правонарушениях.

Ключевые слова: *стадия начала административного процесса, процессуальный срок, процессуальное решение, процессуальное действие.*

Введение. Начало административного процесса регламентируется гл. 9 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП)¹. В ней изложены поводы, основания к началу административного процесса, обстоятельства, исключающие административный процесс. Несмотря на признание в большинстве отечественных изданий за началом административного процесса статуса самостоятельной стадии административного процесса [1–3 и др.], анализ данной главы ПИКоАП вызывает достаточное количество вопросов о соответствии этой стадии ряду критериев. Прежде всего, речь идет о наличии самостоятельных, отличающихся от других стадий процессуальных решений и процессуальных действий, которые бы были свойственны именно ей и направлены на выполнение её задач, а также, что ещё более существенно, - о наличии сроков стадии начала административного процесса, регламентируемых ПИКоАП.

Вопрос о стадии начала административного процесса не имеет однозначной трактовки в отечественной правовой доктрине. Известный белорусский ученый-административист, признавая наличие данной стадии, вместе с тем, считал более корректным выводить её название из процессуального решения – возбуждения дела об административном правонарушении, связывая это решение также и с началом подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению [2, с. 26–29]. Подобный подход не добавил четкости в понимании данной стадии. Авторами учебного издания «Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право» констатируется, что данная стадия является скоротечной и не требует каких-либо самостоятельных процессуальных решений для прохождения, но имеет большое значение для установления поводов и оснований для начала административного процесса. Вместе с тем, непосредственно содержание данной стадии раскрыто не было [4, с. 139–141]. О.М. Кандыбо, указывая на отсутствие процессуальных действий при начале административного процесса, однако, не отказывает началу административного процесса в статусе стадии. Ею предлагается закрепить в ПИКоАП решение о начале административного процесса в форме одноименного постановления, а также позволить проводить на данной стадии проверку информации о правонарушении [5, с. 38]. Более детальные взгляды на проверку информации на стадии начала административного процесса демонстрирует А.В. Лубенков, раскрывая перспективы закрепления проверки на стадии начала административного процесса с перечнем конкретных проверочных действий [3, с. 106]. Есть и иные похожие подходы, требующие трансформации административно-процессуального законодательства. Вместе с тем, как видится, в настоящее время не т необходимости кардинального пересмотра регламентации стадии начала административного процесса, но возможен ряд закономерных преобразований, позволяющих упорядочить эту стадию.

Таким образом в статье будет рассмотрен системный теоретико-прикладной подход к стадии начала административного процесса, позволяющий конкретизировать правовое регулирование её основных элементов (сроки, процессуальные действия, решения и участники).

¹ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 апр. 2024 г. // ЭТАЛОН. Закон-во Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Основная часть. В административном законодательстве государств постсоветского пространства первоначальной стадией административного процесса является стадия возбуждения дела об административном правонарушении. К примеру, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях регламентирует её в гл. 28. В ч. 4 ст. 28.1 данного правового акта указано, что дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления первого процессуального документа (протокола об административном правонарушении, протокола осмотра), а также с момента вынесения постановления о возбуждении дела об административных правонарушениях и в некоторых других случаях. Наряду с порядком возбуждения дела об административном правонарушении гл. 28 КоАП РФ регламентирует также административное расследование, а также сроки, по истечении которых возбужденное дело об административном правонарушении должно быть направлено для рассмотрения. Частью 5 ст. 28.1 также регламентируется вынесение постановления об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. С момента возбуждения дела до составления протокола об административном правонарушении должно пройти не более двух суток и лишь при проведении административного расследования эти сроки значительно увеличиваются. Подобная регламентация возбуждения дела об административном правонарушении позволяет констатировать наличие стадии возбуждения дела об административном правонарушении (детально об этом будет сказано ниже).

Примерно аналогичным образом выглядит стадия возбуждения дела об административном правонарушении в гл. 41 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, гл. 53 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях (где, однако, ст. 506 определяет поводы к началу производства о правонарушении, но есть и постановление о возбуждении дела о правонарушении в ст. 521) и в других схожих по предмету правового регулирования нормативных правовых актах постсоветского пространства. Анализ этих и ряда других правовых актов показывает, что возбуждение дела об административном правонарушении, проведение процессуальных действий и составление протокола об административном правонарушении регулируются одной или соседними главами данных актов. Это, в свою очередь, позволяет вынести суждение о том, что стадия возбуждения дела об административном правонарушении зачастую является первой и последней стадией перед рассмотрением дела об административном правонарушении. Это касается и подготовки доказательной базы по делу об административном правонарушении. Так, по мнению Б.Р. Зуева, «в отличие от уголовного процесса, где собрание, проверка и оценка доказательств осуществляется в рамках предварительного расследования, в административно-юрисдикционном процессе фактическая доказательственная база по большинству дел создается на стадии возбуждения дела и отражается в первую очередь в протоколе об административном правонарушении»².

Несмотря на всю многочисленность исследований в сфере российской административистики, вместе с тем, сложно говорить о наличии единообразных подходов к тому, чем является возбуждение дела об административном правонарушении. Здесь имеет место ряд точек зрения о том, что возбуждение дела об административном правонарушении является:

- 1) самостоятельной стадией производства по делу об административном правонарушении, предшествующей административному расследованию или рассмотрению дела об административном правонарушении³;
- 2) стадией производства по делу об административном правонарушении, включающей в себя административное расследование и составление протокола об административном правонарушении⁴;
- 3) стадией производства по делу об административном правонарушении, включающей в себя составление протокола об административном правонарушении и рассмотрение дела об административном правонарушении⁵.

Вместе с тем, существуют также мнения, что стадии возбуждения дела об административном правонарушении предшествует стадия предварительной проверки, выражающаяся в специальных приемах контроля со стороны таможенных органов, и эту стадию предлагается закрепить законодательно в производстве по делу об административном правонарушении. При этом также констатируется самостоятельный характер и стадии административного расследования⁶. То есть структура производства по делу до его рассмотрения получается еще сложнее, чем в уголовном процессе с его стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

² Зуев Б.Р. Возбуждение дела об административном правонарушении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Моск. ун-т МВД России. – М., 2004. – С. 4.

³ Болотин В.С. Административная ответственность в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / ГУ «Всеросс. науч.-исслед. ин-т МВД России». – М., 2004. – С. 20; Жданова Е.И. Административная ответственность юридических лиц за нарушение законодательства о защите прав потребителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. – М., 2014. – С. 27; Туркин М.М. Административная ответственность за мелкое хищение чужого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Моск. гос. ун-т МВД России. – М., 2011. – С. 20.

⁴ Иванова О.А. Административная ответственность участников дорожного движения за правонарушения, совершенные в состоянии опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Омск. акад. МВД России. – Омск, 2004. – С. 16; Каложный Ю.Н. Административное расследование в механизме производства по делу об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Акад. упр. МВД России. – М., 2005. – С. 33.

⁵ Шилов Ю.В. Административная ответственность юридических лиц (процессуальный аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Омск. высш. школа МВД России. – Омск, 2003. – С. 18.

⁶ Косицина Л.А. Административная ответственность юридических лиц за нарушение таможенных правил: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Омск. акад. МВД России. – Омск, 2006. – С. 11–12.

Следует согласиться с мнением А.С. Бурцева о том, что стадия возбуждения дела об административном правонарушении имеет поисковый характер⁷, что также соответствует и стадии начала административного процесса в Республике Беларусь. Хотя расширение такого поиска на исследование (выяснение) обстоятельств дела и, тем более, на процессуальное оформление результатов исследования не следует считать обоснованным, поскольку это, по сути, выход в сферу следующей стадии – подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению. Также применительно к белорусскому законодательству будет необоснованным утверждение, что преимущественно на стадии возбуждения дела об административном правонарушении (в нашем случае – на стадии начала административного процесса) осуществляется собирание доказательств⁸.

Содержание стадии возбуждения дела об административном правонарушении достаточно полно, на наш взгляд, сформулировал В.В. Головкин: «возбуждение дела об административном правонарушении – это обнаружение, получение и регистрация информации, предварительная проверка и принятие решения о возбуждении или об отказе в возбуждении дела, прекращение производства по делу до передачи его на рассмотрение, процессуальное оформление принятого решения, регистрация и передача дела по подведомственности»⁹.

Возможно, мнение о необходимости предварительной проверки на стадии возбуждения дела об административном правонарушении не лишено некоторого практического значения и для стадии начала административного процесса в белорусской правоприменительной практике и законодательной регламентации административного процесса. Такие предложения уже звучали в доктрине отечественной административистики [3, с. 106].

Здесь представляется уместным сформулировать следующие предложения. Сам факт предварительной проверки как процессуальная деятельность, предусмотренная ПИКоАП, возможен лишь при наличии двух условий: 1) зарегистрированное в установленном порядке заявление физического лица или сообщение юридического лица об административном правонарушении (в том числе, протокол устного заявления); 2) невозможность в день регистрации такого заявления принятия решения о дальнейшей юридической судьбе такого заявления (то есть решения о начале административного процесса, об отказе в начале административного процесса, о передаче заявления, сообщения по подведомственности). В этом случае представляется уместным определить срок проверки – 3 дня со дня получения такого заявления, сообщения (поскольку это процессуальный срок, то он начинает течь на следующий день после получения заявления, сообщения).

В иных случаях, а именно, когда поводом к началу административного процесса является непосредственно обнаружение признаков административного правонарушения органом, ведущим административный процесс, решения, сроки и действия, как видится, должны трактоваться более гибко. Имеется в виду применение сроков наложения административного взыскания, исходя из положений ст. 7.6 Кодекса республики Беларусь об административных правонарушениях¹⁰.

Необходимо оговорить еще одно обстоятельство. По нашему мнению, повод к началу административного процесса, указанный в п. 3 ч. 1 ст. 9.2 ПИКоАП в контексте юридической техники не в полной мере соответствует тому смыслу, который в него вкладывал законодатель и вкладывает правоприменительная практика сейчас. Если речь идет о непосредственном обнаружении признаков административного правонарушения судом, то здесь не возникает вопросов о том, когда именно это обнаружение происходит. Очевидно, речь идет о любой форме деятельности суда, в том числе, при ведении административного, уголовного процессов и т.п. Если же речь идет о непосредственном обнаружении признаков административного правонарушения органом, ведущим административный процесс, то буквальное толкование данной нормы позволяет говорить лишь о выявлении административного правонарушения непосредственно при ведении административного процесса по другому административному правонарушению. Иначе выявляющий его субъект нельзя назвать органом, ведущим административный процесс. В отличие от уголовного процесса, где, к примеру, органы предварительного расследования осуществляют расследование преступлений в качестве своей основной функции, в административном процессе нет субъектов, которые бы выполняли только эту функцию – ведение административного процесса. Вместе с тем, практика показывает, что именно в процессе повседневной управленческой, регулирующей, контрольно-надзорной деятельности государственных органов, учреждений и организаций осуществляется обнаружение абсолютного большинства административных правонарушений. На момент обнаружения, как правило, административный процесс таким субъектом еще не ведется. С учетом этого предлагается уточнить норму п. 3 ч. 1 ст. 9.1 ПИКоАП и изложить его в следующей редакции: «*непосредственное обнаружение признаков административного правонарушения судом, органом, уполномоченным вести административный процесс*». Такой подход позволит охватить в данном поводе и процессуальную, и непроцессуальную деятельность по обнаружению правонарушений.

⁷ Бурцев А.С. Административная ответственность за мелкое хулиганство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Акад. упр. МВД России. – М., 2003. – С. 17.

⁸ Горбунов Д.В. Доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Моск. ун-т МВД России. – М., 2006. – С. 12–13.

⁹ Головкин В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Росс. прав. акад. М-ва юст. Росс. Фед. – М., 2008. – С. 22.

¹⁰ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 92-3: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.; одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.; в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 апр. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

При отсутствии достаточной информации о факте правонарушения компетентный орган может продолжать свою административно-юрисдикционную деятельность в течение сроков давности привлечения к административной ответственности, и, соответственно, обеспечить законность и обоснованность решения о начале административного процесса. При этом, на наш взгляд, нет необходимости начинать какую-либо процессуальную проверку информации об административном правонарушении. Если информация о правонарушении уже есть, и она позволяет принять решение о начале административного процесса, то соответствующий служебный документ (акт, докладная записка, рапорт и др.) регистрируется в установленном законом порядке. Соответственно, минуя какие-либо промежуточные этапы можно сразу перейти к подготовке дела об административном правонарушении к рассмотрению. Это не только позволит сразу же собирать и закреплять доказательства посредством проведения процессуальных действий, но и обеспечит процессуальными гарантиями участников административного процесса.

Если же такая информация еще не получена, то продолжается административно-юрисдикционная деятельность (вплоть до истечения сроков давности по факту нарушения законодательства). Исключение следует сделать только для ускоренного порядка ведения административного процесса. Здесь наличие предварительной проверки информации об административном правонарушении, проводимой в процессуальном порядке, следует признать необходимым условием и при непосредственном обнаружении признаков административного правонарушения, но ограничить проверку сроком в 1 день с момента обнаружения информации об административном правонарушении (в условиях очевидности и бесконфликтности ведения административного процесса такой срок представляется достаточным). Такая предварительная проверка, как нам представляется, является единственным условием правомерности получения доказательств при ведении административного процесса в ускоренном порядке по частям 2 – 4 ч. 1 ст. 10.1 ПИК_оАП. В ином случае есть необходимость констатации того факта, что доказательства при вынесении постановления по делу об административном правонарушении собираются вне временных рамок самого административного процесса. А это в соответствии с ч. 3 ст. 2.2 ПИК_оАП влечет признание таких доказательств недопустимыми и препятствует их использованию при вынесении постановления по делу об административном правонарушении.

В правоприменительной практике, кроме того, существует поэтапное решение вопроса о непосредственном обнаружении признаков административного правонарушения. Это происходит в тех случаях, когда в рамках одного субъекта государственного управления нарушение законодательства выявляет одно должностное лицо (или работник), не имеющее полномочий на ведение административного процесса, а решение принимает либо вышестоящее должностное лицо, либо коллективный орган. Принятие решения в таком случае разделено во времени с обнаружением его признаков, но подвержено установленной законодательством периодичности или согласованности (к примеру, рассмотрение первичных документов о нарушениях не реже 1 раза в неделю). При этом коллективный орган может своим решением поручать подготовку дела к рассмотрению конкретному должностному лицу. Такой порядок начала административного процесса не противоречит законодательству при условии, если не нарушаются сроки давности привлечения к административной ответственности.

Поскольку предварительная проверка в предлагаемых условиях должна являться частью административного процесса, то это позволяет говорить и о возможности проведения в ходе нее процессуальных действий. Представляется, следует ограничить возможность проведения процессуальных действий в рамках предварительной проверки всего двумя: опрос лица, в отношении которого проводится предварительная проверка и осмотр места совершения административного правонарушения. Иной порядок неоправданно переводит предварительную проверку в полное повторение стадии подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению.

При необходимости проведении проверки должно выноситься постановление о начале административного процесса в форме предварительной проверки. Если наличие поводов и оснований к началу административного процесса не требует проведения проверки, то следует выносить постановление о начале административного процесса в форме подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению. При ускоренном порядке предлагается следующая форма решения – постановление о начале административного процесса в ускоренном порядке и вынесении решения по делу (соответственно, таким решениями могут быть: наложение административного взыскания, освобождение от административной ответственности).

Административный процесс в тех случаях, когда невозможно и крайне затруднительно при определенных условиях на местности вынести процессуальное решение о начале проверки, должен считаться начатым с момента начала первого процессуального (или проверочно-процессуального – на стадии начала административного процесса) действия. Только в этом случае обеспечивается в полной мере правомерное сочетание процессуальных гарантий участников административного процесса с логичным и обоснованным порядком собирания доказательств по делу об административном правонарушении.

Представляется весьма специфичным непосредственное обнаружение признаков административного правонарушения в случаях, если орган, уполномоченный вести административный процесс, одновременно имеет полномочия на производство предварительного расследования и осуществление оперативно-розыскной деятельности, поскольку в рамках этих видов правоохранительной деятельности также могут быть выявлены административные правонарушения. Если такое выявление произошло в рамках уголовного процесса, то стадия начала административного процесса будет включать в себя уголовно-процессуальное решение (об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного преследования, о выделении материалов и т.п.), регистрацию факта выявленного административного правонарушения, передачу уголовно-процессуальных документов компетентному субъекту

для ведения административного процесса и формирование материалов дела об административном правонарушении. Для осуществления оперативно-розыскной деятельности характерно то, что она направлена на выявление именно преступлений и не может вестись специально для обнаружения административных правонарушений. Но такое обнаружение может иметь место по ряду правонарушений, где имеет место конкуренция составов или неопределенность в квалификации на начальном этапе обнаружения нарушения законодательства (составы преступлений с административной преюдицией, продолжаемые преступления и некоторые другие). Выявив такое административное правонарушение субъект оперативно-розыскной деятельности может (но не обязан в силу наличия информации ограниченного доступа) зарегистрировать информацию об административном правонарушении, выделить материалы оперативно-розыскной деятельности для формирования дела об административном правонарушении. Эта деятельность и будет особым содержанием стадии начала административного процесса, отличной по своим действиям и решениям от стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении.

Применительно к процессуальным действиям на стадии начала административного процесса следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, непосредственное обнаружение признаков административного правонарушения происходит преимущественно непроцессуальными способами – при проведении административно-юрисдикционной деятельности субъектами государственного управления. Это досмотры, отборы проб и образцов, контрольная закупка и т.п. [подробнее см. 6]. Хотя, как мы уже говорили, возможны и административно-процессуальные способы обнаружения признаков административного правонарушения. Во-вторых, гл. 9 ПИККоАП представляет возможности и процессуального закрепления полученной информации об административном правонарушении – составления протокола устного заявления об административном правонарушении в порядке, предусмотренном ст. 9.2 ПИККоАП.

Обратим внимание, что ПИККоАП не в полной мере проясняет процессуальную сущность этого действия, которое, без сомнения, носит процессуальный характер. Протокол устного заявления не относится к протоколам процессуальных действий в узком смысле данного термина, исходя из положений ст. 6.10 ПИККоАП. Но составление такого протокола, т.е. получение устного заявления, есть действие, осуществляемое в рамках ПИККоАП и при ведении административного процесса, что, на наш взгляд, позволяет говорить о нём, как о процессуальном действии в контексте определения, данного в п. 18 ч. 1 ст. 1.4 ПИККоАП: «процессуальные действия – предусмотренные настоящим Кодексом действия уполномоченных на то должностных лиц, производимые в ходе административного процесса». Порядок получения такого устного заявления по своей процедуре, организации и тактике в достаточной мере схож с порядком опроса в административном процессе. В этой связи возникает вопрос – каким же источником доказательств в контексте гл. 6 ПИККоАП является протокол устного заявления? По общему правилу, относимому к письменному заявлению об административном правонарушении, его следовало бы считать иным документом в порядке ч. 1 ст. 6.11 ПИККоАП. Но такие документы не являются процессуальными, получают вне конкретного дела об административном правонарушении, подписываются или физическим лицом, или компетентным должностным лицом юридического лица (о чем напрямую говорится в ч. 1 ст. 6.11 ПИККоАП). С учетом сказанного, упомянутое выше определение протокола процессуального действия нуждается в уточнении за счет отнесения в его состав и протокола об административном правонарушении.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования можно констатировать следующее:

1) стадия начала административного процесса имеет смешанный характер, включая в себя как процессуальные аспекты, так и административно-юрисдикционные (не носящие процессуального характера и не урегулированные гл. 9 ПИККоАП);

2) общими сроками стадии начала административного процесса следует считать сроки давности наложения административного взыскания (по общему правилу, это два месяца с момента совершения или обнаружения административного правонарушения);

3) проведение предварительной проверки на стадии начала административного процесса можно считать практически значимым аспектом при установлении поводов и оснований к началу административного процесса при поступлении заявления или сообщения об административном правонарушении (в этом случае возможно установить сроки проверки – 3 дня с момента поступления заявления, сообщения), а также при ведении административного процесса в ускоренном порядке (здесь срок проверки следует установить в 1 день);

4) при проведении проверки считаем верным предусмотреть вынесение постановления о начале административного процесса в форме предварительной проверки и предусмотреть возможность проведения только двух процессуальных действий: осмотр и опрос;

5) окончание стадии начала административного процесса или начало стадии подготовки дела об административном правонарушении следует установить не с момента составления протокола (процессуального действия) об административном правонарушении, а с момента фактического начала любого процессуального действия;

Практическая значимость указанных предложений состоит в следующем:

– будет обеспечено упорядочение сроков стадии начала административного процесса, в том числе, с предлагаемой процедурой предварительной проверки (в настоящее время эти сроки не определены);

– будут определены полномочия органа, ведущего административный процесс по собиранию первичных доказательств на данной стадии, что позволит избежать излишнего проведения процессуальных действий на последующих стадиях, позволит развивать доказательный потенциал административно-юрисдикционной деятельности;

– за счет определения сроков этой стадии будут более четко определены временные рамки для реализации процессуальных гарантий участников административного процесса.

Изложенное, в конечном счете, позволит ускорить и упростить процедуру ведения административного процесса без отказа от соблюдения процессуальных гарантий его участников и процессуальной формы его ведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карсюк Д.С. Начало административного процесса как стадия административного процесса (на примере законодательства Республики Беларусь) // Научные труды. Российская академия юридических наук: тр. членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21–24 нояб. 2023 г. – М.: Изд. группа «Юрист», 2024. – С. 257–264.
2. Крамник А.Н. Административный процесс и его стадии: теоретико-правовые проблемы // Юстыця Беларусі. – 2016. – № 4. – С. 25–29.
3. Лубенков А.В. Административный (административно-деликтный) процесс в Республике Беларусь: теория и практика его начала // Вестник Краснодар. ун-та МВД России. – 2022. – № 4(58). – С. 103–108.
4. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право: учебник. В 2 ч. / под общ. ред. С.В. Добряна. – Ч. 2: Процессуально-исполнительное право / И.И. Мах и др. – Минск: Академия МВД, 2020. – 252 с.
5. Канлыбо О.М. Пути реформирования начала административного процесса // Право.by. – 2022. – № 1(75). – С. 35–39.
6. Асаёнок Б.В. Выявление и пресечение административных правонарушений: криминалистические аспекты. – Минск: «Интегралполиграф», 2020. – 168 с.

Поступила 03.09.2024

STAGE OF BEGINNING OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS: ACTIONS, DECISIONS, TIMELINES

B. ASAYONAK

(International University «MITSO», Minsk)

In the presented publication, in relation to the doctrine of the stages of the administrative process, certain issues related to such elements of the stage of the administrative process as procedural deadlines, decisions and actions that have features in relation to it are disclosed. It is proposed to consider the possibility of conducting a preliminary inspection upon an application and report of an administrative offense, as well as when conducting an accelerated procedure for conducting an administrative process, indicating the procedural time frame for such an inspection. The adoption of a procedural decision to initiate an administrative process in the form of a preliminary inspection is justified. Taking into account the mixed nature of the stage at the beginning of the administrative process, the possibility of including in its content not only administrative-jurisdictional (non-procedural) actions, but also inspection and questioning provided for by administrative procedural legislation is being considered. Recommendations are given to clarify the name of the entity that receives applications and reports of administrative offenses.

Keywords: *stage of the beginning of the administrative process, procedural period, procedural decision, procedural action.*

УДК 342.4

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-60-64

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

канд. юрид. наук, доц. Д.С. БЕРЕГОВЦОВА
(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)
e-mail: beregovtsova.diana@yandex.by

В настоящей статье автор рассматривает особенности конституционного контроля в зарубежных странах на примере Республики Польша. С этой целью исследуются правовые основы деятельности Конституционного Трибунала Польши, являющегося органом конституционного правосудия в данной стране, рассматривается его компетенция, состав, порядок формирования, а также акты и судебная практика. Подчеркивается, что Конституционный Трибунал Польши обладает достаточно широким кругом полномочий, что предопределяет широкий перечень субъектов, уполномоченных обращаться в данный орган, а также, что рассматриваемый орган играет важную роль в механизме польского государства.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционное правосудие, Конституционный Трибунал Республики Польша, индивидуальная конституционная жалоба.

Введение. Институт конституционного контроля представляет собой важнейший механизм обеспечения прямого действия конституции и её верховенства в большинстве демократических государств современного мира. Он представлен в различных моделях и видах, имеющих свои плюсы и минусы. Неизменным остается лишь главное предназначение этого института – обеспечение соответствия правовых актов конституции той или иной страны. Не является исключением и Республика Польша, где создан и действует независимый орган конституционного контроля – Конституционный Трибунал. Судебная практика Конституционного Трибунала, полномочия, порядок формирования данного органа представляют интерес для исследования с целью изучения и возможного заимствования в конституционной практике других государств.

Актуальность проведенного исследования обусловлена важностью института конституционного контроля в процессе становления демократического правового государства в зарубежных странах, в частности, в Польше, а также поиском наиболее эффективных форм контроля в рамках европейской (централизованной) модели судебного конституционного контроля.

Основная часть. Конституционный Трибунал был образован на основании закона от 26 марта 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Польши 1952 года»¹. Характерно, что данная конституция являлась типичным примером социалистических конституций, что не могло не повлиять на полномочия вновь созданного Конституционного Трибунала и его место в механизме государства. В литературе отмечается, что первоначально данные полномочия были весьма ограниченными, что прямо оговаривалось в уже упомянутой выше поправке к Конституции Польши и принятом в 1985 году законе о Конституционном Трибунале². Лишь отдельные решения Трибунала могли носить окончательный характер, остальные подлежали рассмотрению Сеймом, который мог бы их отклонить квалифицированным большинством не менее 2/3 голосов. Таким образом, о значительной независимости Конституционного Трибунала в данный исторический период говорить не приходилось, что представляется весьма логичным, учитывая время его создания. Тем не менее, в польской юридической литературе достаточно высоко оценивается деятельность Трибунала в первые годы после создания, несмотря на ограниченность его полномочий. Как отмечает П. Винчорек, Конституционный Трибунал совместно с Высшим Административным Судом пытался упорядочить хаос, царивший в польской правовой системе в пределах полномочий, которые были предоставлены им действующим польским законодательством [1].

Подобное положение фактически сохранялось вплоть до 1997 г., до вступления в силу Конституции 1997 г.³ и принятия нового закона «О Конституционном Трибунале» в этом же году (хотя после 1989 г. положение Трибунала несколько укрепилось, например, он получил право толкования законов). Отметим, что в настоящее время действует закон «Об организации и порядке деятельности Конституционного Трибунала» от 30 ноября 2016 г. (был принят вместо закона «О Конституционном Трибунале» от 22 июля 2016 г., сменившего одноименный закон от 30 августа 2015 г.), что является свидетельством постепенной и довольно динамичной эволюции законодательства о конституционном судопроизводстве, а также изменения места и роли Конституционного Трибунала в системе органов государственной власти Польши.

В Конституции Польши 1997 г. непосредственно Конституционному Трибуналу посвящено 10 статей VIII раздела «Суды и Трибуналы». В стст. 188–189 очерчен круг его полномочий, включая вынесение решений в соответствии со ст. 188 Конституции: о соответствии законов и международных соглашений Конституции

¹ URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19820110083/O/D19820083.pdf>.

² URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19850220098/U/D19850098Lj.pdf>.

³ URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19970780483>.

Польша; законов – ратифицированным международным соглашениям; о соответствии правовых норм, изданных центральными государственными органами Конституции, ратифицированным международным договорам и законам; о соответствии Конституции целей и основных направлений деятельности политических партий, а также вынесение решений по конституционным жалобам. В соответствии с положениями названных статей Конституционный Трибунал осуществляет последующий конституционный контроль, т.е. проверку на соответствие конституции уже вступивших в силу нормативных актов. Кроме того, Конституционный Трибунал на основании ст. 189 Конституции Польши разрешает споры о компетенции между центральными государственными органами.

Также в некоторых случаях Трибунал осуществляет предварительный конституционный контроль. Так, в соответствии со ст. 122 Конституции Польши Президент может до подписания закона, рассмотренного парламентом, обратиться в Конституционный Трибунал с предложением о проверке данного закона на предмет соответствия Конституции. В случае, если закон будет признан не соответствующим Конституции, Президент не вправе подписывать его. Если же неконституционными будут признаны отдельные положения закона, не связанные неразрывно с текстом всего закона, то глава государства, после консультации с Маршалом Сейма, вправе подписать закон без учета неконституционных положений либо возвратить в Сейм для приведения в соответствие с Конституцией. На основании ст. 133 Конституции Польши Президент также может обратиться в Конституционный Трибунал перед ратификацией международного договора с предложением рассмотреть его на предмет соответствия польской Конституции.

В соответствии со ст. 190 Конституции решения Конституционного Трибунала действуют на всей территории Польши и являются окончательными. Как правило, вступают в силу со дня оглашения, если в самих решениях не указан иной срок.

Правом обращения с запросом (*wnioskiem*) в Конституционный Трибунал в рамках полномочий, установленных ст. 188 Конституции Польши, обладает предельно широкий круг субъектов, включая главу государства, представителей органов законодательной, исполнительной и судебной власти, контрольно-надзорных органов, а именно: председатели обеих палат парламента, Председатель Совета Министров, 50 депутатов Сейма, 30 представителей Сената, Председатель Верховного Суда, председатель Высшего Административного Суда, Генеральный Прокурор, Председатель Контрольной Палаты, а также Уполномоченный по правам человека, органы местного самоуправления, профсоюзы, религиозные объединения. По вопросу спора о компетенции между центральными государственными органами с запросом вправе обратиться Президент Республики, Маршалы Сейма и Сената, Председатель Совета Министров, Председатель Верховного Суда, Председатель Высшего Административного Суда и Председатель Контрольной Палаты.

Также, как уже было отмечено выше, Трибунал вправе рассматривать индивидуальные конституционные жалобы, которые в соответствии со ст. 79 Конституции вправе подать каждый индивид, считающий, что его конституционные права или свободы были нарушены несоответствующим Конституции законом или иным нормативным актом, на основании которого суд или административный орган вынес решение о его правах, свободах либо обязанностях (исключение составляет закрепленное в ст. 56 право иностранцев на политическое убежище, которое не может быть предметом рассмотрения в Трибунале). Следовательно, когда речь идет об индивидуальной конституционной жалобе, мы имеем дело с такой разновидностью конституционного контроля, как конкретный, поскольку по смыслу конституционных положений её подача всегда связана с предварительно вынесенным решением судебного или административного органа, затрагивающего права и свободы индивида.

В Конституционный Трибунал также может обратиться абсолютно любой суд с вопросом (*pytaniem prawnym*) о соответствии нормативного акта Конституции, ратифицированному международному договору либо закону, если от ответа на данный вопрос зависит решение дела, рассматриваемого судом.

Наконец, Конституционный Трибунал вправе на основании ст. 131 Конституции в связи с рассмотрением соответствующего запроса Маршала Сейма принять решение о временной невозможности исполнения Президентом возложенных на него полномочий (исключительно в том случае, если сам Президент будет не в состоянии уведомить об этом Маршала Сейма, как это предусмотрено Конституцией).

Таким образом, Конституционный Трибунал Польши обладает достаточно широким кругом полномочий, что предопределяет широкий перечень субъектов, уполномоченных обращаться в данный орган.

В состав органа конституционного правосудия в Польше входят 15 судей, избираемых Сеймом (нижняя палата польского парламента) на 9 лет из числа лиц, которые обладают особыми познаниями в праве. Переизбрание судей не допускается. Председатель и Вице-председатель Трибунала назначаются Президентом из числа лиц, выдвинутых общим собранием судей Трибунала. Судьи Трибунала при осуществлении своих полномочий независимы и подчиняются только закону. Они не могут быть членами политических партий, профсоюзов либо заниматься любой общественной деятельностью, несовместимой с принципами независимости судов и судей.

Кроме конституции, как уже было отмечено выше, в настоящее время деятельность Конституционного Трибунала регламентируется законом «Об организации и порядке деятельности Конституционного Трибунала»⁴ от 30 ноября 2016 г., законом «О статусе судей Конституционного Трибунала»⁵, принятого в тот же день, а также

⁴ URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160002072>.

⁵ URL: <https://trybunal.gov.pl/o-trybunale/akty-normatywne/ustawy-o-trybunale-konstytucyjnym>.

регламентом Конституционного Трибунала, уставом юридического бюро Конституционного Трибунала, уставом канцелярии Конституционного Трибунала, принятыми 27 июля 2017 г.

Закон «Об организации и порядке деятельности Конституционного Трибунала» от 30 ноября 2016 г. конкретизирует и детализирует конституционные нормы об организации конституционного контроля в Польше и состоит из трех разделов, разделенных на 10 глав. Раздел I «Организация Конституционного Трибунала» регламентирует вопросы внутренней организации Трибунала, постановляя, что его органами являются общее собрание судей, а также Председатель Трибунала. Организационными единицами, обеспечивающими деятельность Конституционного Трибунала, являются канцелярия и юридическое бюро. Раздел II «Судебное разбирательство» закрепляет, в частности, перечень случаев, когда Трибунал собирается в полном составе, в составе пяти судей, в составе трех судей, либо в составе одного судьи, а также случаи, когда судья не вправе участвовать в рассмотрении дела. Глава 4 данного раздела посвящена участникам разбирательства в Конституционном Трибунале, глава 5 – процессуальным документам (юридическим запросам, вопросам, конституционным жалобам и др.). Также в данном разделе освещаются вопросы начала и прекращения разбирательства по делу, особенности производства по рассмотрению конституционной жалобы, производства по вопросам соответствия Конституции целей и основных направлений деятельности политических партий, иных видов производств. Третий раздел закона посвящен вопросам вступления данного нормативного правового акта в силу.

В соответствии с законом решения (*orzeczenia*) Конституционного Трибунала могут быть представлены в форме приговоров (*wyroków*) или постановлений (*postanowień*). Приговоры выносятся, в частности, по вопросам соответствия нормативных правовых актов либо международных договоров Конституции, по конституционным жалобам и т.д. Постановления принимаются по спорам о компетенции между центральными государственными органами, при принятии решения о временной невозможности исполнения Президентом возложенных на него полномочий, в иных случаях, когда законодательством не предусмотрено принятие приговора (ст. 103).

Закон «О статусе судей Конституционного Трибунала» также был принят 30 ноября 2016 г. Закон определяет порядок возникновения и прекращения трудовых отношений с судьей Конституционного Трибунала, права и обязанности судей, вопросы их личной неприкосновенности и дисциплинарной ответственности, а также права и обязанности судьи суда в отставке.

Судебная практика Конституционного Трибунала. Особый интерес представляет судебная практика Конституционного Трибунала, поскольку наглядно демонстрирует место и роль данного органа в системе государственных органов Польши и его влияние на общественное сознание. Так, по данным электронного издания *Oko.press* в период с 2011 по 2016 год количество приговоров Трибунала колебалось от 71 приговора (2013, 2014 гг.) до 39 (2016 г.)⁶. При этом, как отмечалось нами ранее, в 2016 г. было проведено реформирование законодательства о Конституционном Трибунале, что не могло не сказаться на эффективности данного органа (суд около двух месяцев не рассматривал дела в связи с изменением законодательства). В целом, наибольшее количество приговоров (104) Трибуналом было принято в 2006 г. Характерно, что в 2022 г. приговоров было всего 14, а в 2023 г. – 16⁷. Отметим, что уменьшение количества приговоров Конституционного Трибунала в польской литературе оценивается негативно. Кроме того, отдельные юристы говорят даже о конституционном кризисе в Трибунале, начавшемся еще в 2015 году и необходимости реформирования данного органа [напр., 2].

Остановимся подробнее на некоторых наиболее резонансных делах Конституционного Трибунала.

Так, одним из наиболее обсуждаемых польской и зарубежной общественностью, политическими и религиозными деятелями стал приговор Конституционного Трибунала *sygn. akt K 1/20* на предмет соответствия закона «О планировании семьи, защите человеческого плода и условиях допустимости прерывания беременности» Конституции Польши. С соответствующим запросом обратилась группа из 118 депутатов Сейма от партии «Право и справедливость». Заявители предлагали исключить из перечня допустимых оснований прерывания беременности пороки развития плода, носящие тяжелый и необратимый характер либо неизлечимую болезнь, которая угрожает его жизни. В обоснование заявители ссылались на то, что данное основание прерывания беременности фактически является евгенической практикой, ставит защиту права на жизнь будущего ребенка в зависимость от состояния его здоровья, а также что конституционное понятие «человек» охватывает каждое существо с человеческим геномом вне зависимости от стадии развития⁸. Характерно, что Генеральная прокуратура Польши не согласилась с доводами заявителей и ходатайствовала о прекращении производства по делу, ссылаясь на закон «Об организации и порядке работы Конституционного Трибунала». Кроме того, по мнению Генерального прокурора, абсолютная защита жизни человека на дородовом этапе может помешать реализации различных благ, охраняемых Конституцией. Уполномоченный по правам ребенка поддержал позицию заявителей и высказанные ими аргументы, отметив, что наиболее частой причиной абортов по причине пороков развития плода, является синдром Дауна. Тем не менее, главным препятствием для нормального функционирования данных людей в социуме является дискриминационное отношение, а не особенности состояния здоровья.

⁶ URL: <https://www.rp.pl/sady-i-trybunaly/art36633731-sad-w-liczbach-czyli-jak-pracuje-trybunal-konstytucyjny>.

⁷ URL: <https://demagog.org.pl/wypowiedzi/wyroki-trybunalu-konstytucyjnego-ile-ich-wydano-w-2023/>.

⁸ URL: [https://reproductiverights.org/sites/default/files/2021-01/Constitutional%20Tribunal%20Decision%20on%202022%20October%202020%20\(in%20Polish\).pdf](https://reproductiverights.org/sites/default/files/2021-01/Constitutional%20Tribunal%20Decision%20on%202022%20October%202020%20(in%20Polish).pdf).

В результате рассмотрения дела Трибунал постановил, что прерывание беременности вследствие пороков развития плода, которые носят тяжелый и необратимый характер, либо неизлечимой болезни, которая угрожает его жизни, фактически является евгенической практикой, противоречащей конституционным гарантиям права на жизнь и реализации права ребенка на уважение и защиту человеческого достоинства. В обоснование принятого Трибуналом решения один из судей заявил, что *человеческая жизнь является ценностью на каждом этапе развития, и как ценность, вытекающая из конституционных норм, она должна быть защищена законодателем*⁹. Таким образом, количество оснований для прерывания беременности в соответствии с польским законодательством сократилось до двух, т.е. аборт стал возможен лишь в случае, если беременность представляет угрозу для жизни и здоровья беременной женщины либо если беременность наступила в результате противоправных действий в отношении женщины. Характерно, что, например, в особом мнении судьи Леона Киреса было весьма резонно отмечено, что депутаты Сейма могли и сами инициировать изменение закона, в то время как Трибунал, в соответствии с конституционными положениями, имеет строго определенные функции и не является органом законодательной власти.

Как уже было отмечено ранее, решение вызвало резкий общественный резонанс. Например, Европейский парламент отметил, что подобное решение фактически угрожает жизни женщин и ведет лишь к увеличению количества небезопасных аборт¹⁰. Кроме того, во многих городах Польши периодически проходят достаточно массовые протесты против уменьшения перечня допустимых показаний прерывания беременности¹¹.

Отметим, что решение Конституционного Трибунала является частью последовательной политики данного органа, направленной на обеспечение всесторонней защиты права на жизнь. Так, ещё в 1997 г. совсем другим составом Трибунала было принято решение К 26/96, в рамках которого была признана неконституционной поправка к рассматриваемому выше закону «О планировании семьи, защите человеческого плода и условиях допустимости прерывания беременности», в соответствии с которой был расширен перечень допустимых условий легального аборта (к нему были добавлены тяжелые жилищные условия или тяжелое личное положение беременной женщины). В решении отмечалось, что обязательство уважать человеческую жизнь на дородовом этапе вытекает из принципа правового демократического государства¹².

Таким образом, благодаря решению Конституционного Трибунала польское законодательство о планировании семьи является примером практически полного ограничения права женщины на личную неприкосновенность в аспекте распоряжения своим телом. В Европарламенте в связи с этим отмечали обеспокоенность по поводу деградации прав человека в Польше, снижения независимости судебной системы, подчеркивая отсутствие реальных правовых инструментов влияния на польское законодательство.

Также Конституционный Трибунал принял ряд решений (приговоров), в которых признавалось верховенство польской Конституции по отношению к иным источникам права. Еще в 2005 г. польский орган конституционного контроля постановил, что «Конституция является высшим законом Республики Польша в отношении всех международных соглашений». В октябре 2021 г. был принят приговор о соответствии Конституции Польши отдельных положений договора о Европейском Союзе. В результате Трибунал пришел к выводу, что система источников права Польши имеет иерархическую структуру, а международные соглашения, такие как Договор о Европейском Союзе, находятся в иерархии ниже конституции, которая является высшим законом в польской системе источников права. Вынесение приговора было связано с проводимой с 2017 г. в Польше судебной реформой, которая по решению суда ЕС была признана противоречащей европейскому праву. В свою очередь, в приговоре от 7 октября 2021 г. Конституционный Трибунал постановил, что некоторые положения договора о Европейском Союзе и постановления суда ЕС противоречат польской Конституции. В Еврокомиссии выразили «серьезную озабоченность в связи с решением Конституционного Трибунала, так как верховенство права ЕС не может вызывать сомнений»¹³. Приговор Трибунала достаточно неоднозначно восприняли и в самой Польше, где прошли многотысячные акции протестов.

Заключение. Таким образом, в законодательстве Польши реализована европейская (централизованная) модель конституционного контроля, главной отличительной особенностью которой является создание специализированного судебного органа конституционного контроля. Органом конституционного контроля является Конституционный Трибунал, обладающий первоначально довольно ограниченными полномочиями. В настоящее время правовой основой деятельности Конституционного Трибунала является Конституция Польши 1997 г., законы «Об организации и порядке деятельности Конституционного Трибунала», «О статусе судей Конституционного Трибунала», а также регламент Конституционного Трибунала, устав юридического бюро Конституционного Трибунала, устав канцелярии Конституционного Трибунала.

⁹ URL: <https://Dziennik.pl.wiadomosci.dziennik.pl/wydarzenia/artykuly/7986262.aborcja-polska-trybunal-konstytucyjny-ustawa-decyzja.html>.

¹⁰ URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/pl/press-room/20201120IPR92132/faktyczny-zakaz-aborcji-w-polsce-zagraza-zyciu-kobiet-mowi-parlament>.

¹¹ URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2022/jan/27/protests-flare-across-poland-after-death-of-young-mother-denied-an-abortion>.

¹² URL: <https://demagog.org.pl/wypowiedzi/jakie-bylo-orzeczenie-trybunalu-konstytucyjnego-z-1997-r-ws-aborcji/>.

¹³ URL: <https://apnews.com/article/european-union-poland-europe-courts-1175aa5efa731c9cac6189443eeec3f9c>.

Конституционный Трибунал осуществляет преимущественно последующий конституционный контроль, однако в ряде случаев реализует функцию предварительного конституционного контроля. К иным полномочиям Конституционного Трибунала относится рассмотрение индивидуальных конституционных жалоб, дача ответов на вопросы судов о соответствии нормативного акта конституции ратифицированному международному договору либо закону, если от ответа на данный вопрос зависит решение дела, рассматриваемого судом, а также принятие в случаях, прямо оговоренных Конституцией Польши, решения о временной невозможности исполнения Президентом возложенных на него полномочий. Конституционный Трибунал, выполняя возложенные на него задачи и функции, играет важную роль в механизме польского государства. Вместе с тем, в последнее время, как в самой Польше, так и за ее пределами высказывается точка зрения об утрате независимости Конституционного Трибунала из-за слишком сильного влияния на формирование и состав данного органа представителей партии большинства в нижней палате польского парламента.

Исследование особенностей института конституционного контроля в Польше представляет теоретическую и практическую значимость в контексте выявления достоинств и недостатков польской модели конституционного правосудия, так как дальнейшее конституционное реформирование Беларуси должно учитывать как позитивный, так и негативный опыт зарубежных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Winczorek P. Subiektywne spojrzenie na przemiany ustrojowe lat 1989-2009 // Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny. – 2009. – Nr 2. – S. 30.
2. Anna Wójcik. Jak naprawić Trybunał Konstytucyjny? Sadurski: Usunięcie dublerów nie wystarczy, trzeba iść dalej // Archiwum Wiktora Osiatyńskiego. – 2024. – URL: <https://archiwumosiatynskiego.pl/wpis-w-debacie/jak-naprawic-trybunal-konstytucyjny-sadurski-usuniecie-dublerow-nie-wystarczy-trzeba-isc-dalej/>. (дата обращения: 27.01.2024).

Поступила 15.06.2024

FEATURES AND SIGNIFICANCE OF CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE REPUBLIC OF POLAND

D. BEREGOVTSOVA
(*Brest State A.S. Pushkin University*)

In this article the author examines the features of constitutional control in foreign countries on the example of the Republic of Poland. To this end, the legal foundations of the activities of the Constitutional Tribunal of Poland, which is the body of constitutional justice in this country, are examined, the competence of this body, the composition, the procedure for formation, as well as the acts and judicial practice of the Constitutional Tribunal are considered. The author emphasizes that the Constitutional Tribunal of Poland has a fairly wide range of powers, which implies a wide list of subjects authorized to apply to this body, and also that this body plays an important role in the mechanism of the Polish state.

Keywords: *constitutional control, constitutional justice, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland, individual constitutional complaint.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-65-72

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ****А.А. БЕРЕЗКО***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*

Конституционно-правовое регулирование государственной гражданской службы основывается на Конституции Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-3 «О государственной службе» (в ред. от 03.01.2024) и иных нормативных правовых актах. В рамках данной статьи на основе анализа конституционных норм, которые являются основой для развития законодательства Республики Беларусь, будут представлены нормативные правовые акты, регулирующие особенности института государственной гражданской службы. Анализ национального законодательства о государственной гражданской службе, а также международных положений и практики зарубежных государств позволил выделить ряд спорных моментов и в этой связи нами предложены пути совершенствования законодательства о гражданской службе, в частности, обосновывается положение о допустимости осуществления права на забастовку, а также получение дополнительного отпуска за ненормированный рабочий день.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, гражданская служба, конституционно-правовое регулирование, Конституция Республики Беларусь, международное регулирование, национальное законодательство.

Введение. Государственная гражданская служба (далее – гражданская служба) является важным «конституционно-правовым институтом» [1, с. 55], посредством которого реализуется государственная власть. Сложность и особый характер рассматриваемых отношений позволяет заключить, что гражданская служба также регулируется актами смежных отраслей права – трудового и административного. Под конституционно-правовым регулированием гражданской службы следует понимать целенаправленное воздействие государства на отношения гражданской службы при помощи системы правовых средств. Как отмечает А.Л. Миронов, целью такого регулирования является «упорядочение, охрана и развитие» [2, с. 87] общественных отношений. В свою очередь, Р.Г. Нурмагамбетов отмечает «циклическую и политико-правовую природу воздействия» [3, с. 25] конституционно-правового регулирования.

Институт гражданской службы имеет достаточно развитое конституционно-правовое регулирование. Исходя из правовой основы гражданской службы, закрепленной в Законе Республики Беларусь от 01.06.2022 № 175-3 «О государственной службе» (далее – Закон о госслужбе), помимо Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) и Закона о госслужбе, на анализируемые отношения также распространяется законодательство о труде, о пенсионном обеспечении и иное законодательство. Более того, в рамках данной статьи нами будет рассмотрено международное регулирование гражданской службы, в том числе конвенции, ратифицированные Республикой Беларусь. Исходя из основополагающего характера конституционных норм, предлагаем рассмотреть конституционно-правовое регулирование гражданской службы посредством соотнесения норм Конституции с положениями законодательства Республики Беларусь, затрагивающего сферу гражданской службы, тем самым показывая развитие конституционных норм в законодательстве и особенности реализации данных норм в отношениях гражданской службы. Такой анализ позволит выделить проблемные аспекты и внести соответствующие предложения по улучшению законодательства.

Основная часть. Конституционное законодательство Республики Беларусь о гражданской службе представлено различными видами нормативных правовых актов, среди которых основополагающая роль принадлежит Конституции Республики Беларусь, которая, как отмечает Президент Республики Беларусь, «служит надежным ориентиром государственной политики, направленной на создание эффективной экономики, обеспечение социальной защиты и благополучия населения, бережное отношение к традициям и ценностям белорусского народа»¹. Безусловно, невозможно описать все особенности осуществления гражданской службы в Конституции, поэтому более детально она регламентируется в Законе о госслужбе.

Ранее в работе «Доктринальные подходы к пониманию государственной гражданской службы» мы говорили «о сложности и особом характере рассматриваемых служебных отношений», из-за чего «гражданская служба рассматривается учеными как институт трудового, административного, служебного и конституционного права» [4, с. 326]. В этой связи, правовое регулирование данного института будет затрагивать различные отрасли права.

Согласно ст. 8 Конституции, «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства»². Как отмечает Г.А. Василевич, закрепление данной нормы «свидетельствует о стремлении законодателя строить независимое государство на правовых демократических принципах» [5, с. 104]. Полагаем, что действующая редакция Конституции от 04.03.2022 г. наиболее

¹ URL: <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-s-dnem-konstitutsii-respubliki-belarus-1063>.

² Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принят. на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 64 с.

правильно закрепила соотношение принципов верховенства Конституции и международного права. Так, в статье 7 Конституции закрепляется принцип верховенства права, а также провозглашается высшая юридическая сила Конституции. В свою очередь, в ч. 1 ст. 8 Конституции признается приоритет общепризнанных принципов международного права. В редакции Конституции от 12.10.2021 г. ст. 7 устанавливала принцип верховенства права, ст. 8 закрепляла приоритет общепризнанных принципов международного права, и только в 137-й статье закреплялась высшая юридическая сила Конституции. Как отмечал А.Н. Пугачев, логика построения Конституции строится по принципу «более важное всегда предшествует менее важному» [6, с. 99]. В таком изложении, на первый взгляд, может показаться, что принципы международного права приоритетны и к Конституции, так как она в том числе составляет законодательство Республики Беларусь. Российский ученый К.Л. Томашевский указывает на неопределенность данных норм и отсутствие конкретизации «по отношению к каким источникам права установлено верховенство Конституции» [7, с. 24]. Однако, анализ стст. 7-8 Конституции позволяет сделать вывод, что общепризнанные принципы международного права носят подконституционный, но надзаконный характер, то есть при верховенстве Конституции они обладают по отношению к иному законодательству более высокой юридической силой. В этой связи анализ правового регулирования гражданской службы следует начать с её международного закрепления.

На международном уровне гражданская служба регулируется Всеобщей декларацией прав человека. Так, право равного доступа к государственной службе закреплено в ст. 21 декларации³. Эта же статья закрепляет право участия в управлении страной и выражение воли народа посредством выборов. Как отмечает А.Б. Аксенов, «принятие Всеобщей декларации прав человека послужило отправной точкой и базисом для выработки и заключения весьма обширного числа международных конвенций в области защиты прав человека» [8, с. 59]. Так, например, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах развили часть прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. Декларация также является «важным ориентиром для национального законодательства» [9, с. 14], как отмечает Б.А. Сафаров, и многие её положения были положены в основу современных Конституций. Так, в Конституции Республики Беларусь также содержатся основные положения Декларации: например, ст. 22, 24, 25, 26 и др.

Гражданская служба регламентируется в ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляя право и возможность участвовать в ведении государственных дел, голосовать и быть избранным, право равного доступа к государственной службе⁴. Данная статья «закладывает фундамент демократического правления»⁵. Интересным является субъект прав, закрепленных статьей. В отличие от других положений пакта, субъектом по данной статье является «каждый гражданин». В свою очередь, государства устанавливают свои особенности осуществления этого права. Например, в Республике Беларусь установлена следующая особенность: ст. 80 Конституции гласит, что Президентом может быть только гражданин по рождению, соответственно, лицо, получившее гражданство в результате натурализации, не может им быть. В дополнение можно привести пример, касающийся права голосовать и быть избранным. Согласно ст. 64 Конституции, право избирать имеют граждане Республики Беларусь. Однако ст. 58 Избирательного кодекса Республики Беларусь (далее – Избирательный кодекс) устанавливает право граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Республике Беларусь, участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов⁶. Часть 1 ст. 25 Пакта гласит, что при осуществлении гражданами вышеназванных прав, не допускаются какие-либо «различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». Таким образом, субъектами вышеназванного права являются граждане государства, вне зависимости от пола, расы и т.д. Однако, национальным законодательством могут устанавливаться определенные ограничения данного права, например, под понятием «каждый гражданин» может пониматься только гражданин по рождению.

Еще одним актом, регулирующим гражданскую службу на международном уровне, является Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Как отмечает В.Е. Чиркин, «Пакт...отражает новый подход к правам человека» [10, с. 32]. Положений, напрямую регулирующих гражданскую службу, там нет, однако, если рассматривать гражданскую службу как особый вид трудовой деятельности, то данный пакт устанавливает такие права, как право на труд, на справедливые и благоприятные условия труда, на вознаграждение, возможность продвижения в работе, отдых, социальное обеспечение и др.⁷

Интересным международным документом, на наш взгляд, является «Конвенция о защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе». Под государственным служащим в данной Конвенции понимают «лицо, нанятое органами государственной власти»⁸. Данной Конвенцией

³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.

⁴ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.

⁵ Замечания общего порядка 25 [Электронный ресурс]. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom25.html>. (дата обращения: 26.08.2024).

⁶ Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 февр. 2000 г., № 370-З: принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г.; одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.02.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/2541317/>.

также вводится понятие «организация государственных служащих», целью которой является «поддержка и защита интересов государственных служащих», а также закрепляются гражданские и политические права государственных служащих. Более того, Конвенцией установлены определенные категории государственных служащих: «служащие, занимающие посты на высоком уровне; служащие, чьи функции обычно рассматриваются как относящиеся к определению политики или к управлению; и служащие, обязанности которых носят строго конфиденциальный характер». Данная конвенция была ратифицирована Республикой Беларусь 08.09.1997 г.

Согласно ст. 13 Закона о госслужбе, правовую основу гражданской службы составляет Конституция Республики Беларусь, Закон «О государственной службе»⁹, а также иные законодательные акты. Также на отношения, связанные с гражданской службой распространяется законодательство о труде, пенсионном обеспечении и др.

Основополагающим источником правового регулирования гражданской службы является Конституция Республики Беларусь. Конституция, как отмечает Н.А. Карпович, «является генеральной политической директивой народа Республики Беларусь» [11]. В Конституции заложены основополагающие идеи развития общества, в том числе и в области осуществления гражданской службы. Так, Конституция закрепляет основные положения порядка функционирования и осуществления гражданской службы, что находит отражение в ряде статей.

Так, ст. 3 Конституции провозглашает народ Республики Беларусь «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь», а также закрепляет формы осуществления государственной власти – непосредственная или через представительные и иные органы. Гражданская служба, по своей сути, выступает механизмом реализации вышеназванного положения Конституции, соответственно, посредством осуществления гражданскими служащими своих служебных обязанностей, народ осуществляет государственную власть. Интересным, на наш взгляд, является использование термина «народ» в данной статье. Обычно под народом понимается все население государства, жители страны. Однако, к населению государства также относятся и иностранные граждане, которые, согласно ст. 64 Конституции, а также ст. 4 Избирательного кодекса, не имеют избирательных прав. Стоит отметить, что из этого положения установлено исключение, закрепленное в ст. 58 Избирательного кодекса, устанавливающей избирательное право для участия в выборах депутатов местных Советов депутатов для граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Республике Беларусь.

Как отмечает Ю.А. Боков, зачастую понятия «народ», «граждане», «электорат» и «толпа» отождествляют [12, с. 14]. Однако, исходя из формально-юридического значения исследуемого понятия, под ним понимают «граждан государства, наделённых активным избирательным правом» [12, с. 16]. Соответственно, в данном случае понятие «народ» сужается. Отметим, что не все граждане, имеющие право участвовать в выборах или референдуме, участвуют в них. В этой связи понятие «народа» ещё больше сужается и приравнивается к понятию «граждан, наделённых активным избирательным правом и участвующих в выборах, референдуме».

Таким образом, с учетом вышеупомянутого исключения, под термином «народ» в 3 ст. Конституции понимаются граждане Республики Беларусь, наделённые активным избирательным правом и участвующие в выборах, референдуме, а также граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеющие право участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов.

Шестая статья Конституции закрепляет разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также устанавливает систему сдержек и противовесов. В рамках исследования гражданской службы данная статья имеет ключевое значение, т.к. она определяет не только основы конституционного строя, но также и организацию государственной власти на местах. Более того, О.И. Цыбулевская отмечает практическую ценность данного положения, которая заключается в «установлении мощных конституционных гарантий против тенденции к полновластию одной из ветвей» [13, с. 61].

Часть ученых считают, что подобная система разделения власти устарела и предлагают выделять и другие ветви власти. Применительно к Республике Беларусь в отдельные ветви власти можно выделить президентскую власть, власть Всебелорусского народного собрания, прокурорскую, контрольную, финансово-банковскую. Выделение президентской ветви власти обусловлено тем, что Президент не входит ни в одну из установленных Конституцией ветвей власти, а также осуществляет специфическую функцию, свойственную только ему, – он является Главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Более того, исходя из структуры Конституции, можно сделать вывод, что ведущая роль все же принадлежит Президенту, т.к. именно положения о Президенте открывают раздел, посвященный государственным органам.

Власть Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС) также может быть выделена в отдельную ветвь – представительная власть. Как отмечает А.Т. Карасев, «представительная власть – это совокупность полномочий, делегированных народом... своим выборным представителям, объединенным в специальном коллегиальном учреждении на строго определенный срок» [14, с. 136]. Представительная функция такого органа, подчеркивает автор, состоит в «представлении всех основных слоев и групп населения» [14, с. 137]. В этой связи, ВНС можно назвать классическим органом представительной власти, т.к. согласно ст. 6 Закона о ВНС, делегаты ВНС действительно представляют все слои и группы общества.

Вопрос об отнесении прокуратуры к отдельной ветви власти также является актуальным. Согласно ст. 125 Конституции, прокуратура осуществляет надзор за исполнением законодательства. Однако анализ данной статьи

⁹ О государственной службе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 1 июня 2022 г., № 175-З: принят Палатой представителей 12 мая 2022 г.: одобрен Советом Респ. 13 мая 2022 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

позволяет сделать вывод, что из числа субъектов надзора исключены Президент, Парламент Республики Беларусь и часть других государственных органов. Более того, деятельность прокуратуры независима, существует единая и централизованная система органов прокуратуры, что делает её такой же, как и другие ветви власти. Существуют различные подходы по поводу принадлежности прокуратуры к ветвям власти, в результате их анализа полагаем, что к классической системе разделения властей прокуратуру отнести сложно, в этой связи будет верным рассматривать её как отдельный орган в рамках контрольно-надзорной ветви власти, куда будет входить Прокуратура и Комитет государственного контроля.

Интересным является мнение ученых по поводу выделения финансово-банковской или денежной ветви власти. Выделение такой ветви власти, на наш взгляд, имеет место и в Республике Беларусь, т.к. даже на конституционном уровне законодателем отдельно выделяется раздел финансово-кредитная система Республики Беларусь, тем самым показывается её значимость.

Части 1 и 2 ст. 7 Конституции закрепляют принцип верховенства права и высшую юридическую силу Конституции. Данное положение, в свою очередь, нашло отражение в ст. 3 Закона о госслужбе – в принципе «верховенства Конституции Республики Беларусь». Статьи 21, 22 Конституции также отражают сущность гражданской службы и выражаются в принципах служения народу Республики Беларусь и приоритете прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации. Стоит отметить, что положения раздела II Конституции также относятся к отношениям гражданской службы, т.к. в данном разделе закреплены основные права и обязанности граждан, что, в том числе, относится и к гражданским служащим. Однако гражданские служащие претерпевают ряд ограничений в рамках данного раздела. Так, ст. 30 Конституции устанавливается право граждан на свободу передвижения в пределах Республики Беларусь, а также возможность покинуть страну и возвращаться. В то же время, ст. 41 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах» (далее – Закон о госсекретах) устанавливается временное ограничение в праве на выезд для лиц, осведомленных о государственной тайне¹⁰. Ограничения, предусмотренные вышеназванной статьей, также затрагивают и ст. 28 Конституции, закрепляющую право на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь. Законом о госсекретах устанавливается «ограничение в праве на неприкосновенность частной жизни в период проведения в отношении их проверочных мероприятий в связи с предоставлением им допуска к государственным секретам».

Непосредственное отношение к гражданской службе имеет ст. 34 Конституции, закрепляющая право на информацию о деятельности государственных органов. Данное право нашло свое отражение в одном из важнейших принципов осуществления гражданской службы – открытость и прозрачность. При этом, данная информация должна быть полной, достоверной и своевременной. Следует отметить, что на официальных сайтах государственных органов действительно освещается актуальная информация, поиск которой достаточно прост и доступен. Однако, как отмечает Т.С. Масловская, «на данных ресурсах практически нет интерактивных элементов, позволяющих гражданам вести коммуникацию с органом или его должностными лицами» [15, с. 30]. Она отмечает «информационную функцию» официальных сайтов и предлагает усилить её коммуникационную функцию [15, с. 33].

Статья 36 Конституции закрепляет право на свободу объединений. Частью 4 названной статьи устанавливается запрет на членство в политических партиях для определенного круга лиц: судей, прокурорских работников, сотрудников Комитета государственного контроля, военизированных организаций, военнослужащих. Также членство в политической партии приостанавливается для Президента на срок осуществления полномочий (ч. 2 ст. 86 Конституции). Статьей 17 Закона «О борьбе с коррупцией»¹¹ предусмотрено, что для государственных должностных лиц, а также лиц, приравненных к ним, также устанавливается запрет на выполнение каких-либо указаний и поручений политической партии, если они имеют отношение к служебной деятельности, а также на использование служебного положения в интересах политической партии. Т.е. фактически данная статья не запрещает членство в политической партии, однако запрещает совершать определенные действия в интересах партии. Исключением из вышеназванной статьи является деятельность депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатов местных Советов депутатов. Согласно норме, данные лица не обязаны приостанавливать членство в политической партии, а также вправе выполнять поручения политической партии, членом которой они являются. Однако на них распространяется второй запрет, установленный данной нормой, – использование служебного положения в интересах политической партии. Запрет, закрепленный ст. 17 Закона «О борьбе с коррупцией» устанавливает, что выполнение поручений политической партии невозможно и несовместимо со служебной деятельностью, если «это расходится с интересами государственной службы». Однако, полагаем, что интересы политической партии могут совпадать с интересами служебной деятельности. Более того, на наш взгляд, они должны совпадать, т.к. согласно ст. 5 Конституции, политические партии осуществляют свою деятельность в рамках Конституции и других законов Республики Беларусь, если же это не так, то согласно ч. 3 ст. 5 Конституции, деятельность таких политических партий запрещается.

¹⁰ О государственных секретах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г., № 170-3: принят Палатой представителей 23 июня 2010 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 2010 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

¹¹ О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3: принят Палатой представителей 26 июня 2015 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.05.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Согласно ст. 5 Конституции деятельность политических партий осуществляется в том числе в рамках Закона о госслужбе, что проявляется в соотношении принципов, закрепленных в Законе о госслужбе, и целей и задач политических партий, закрепленных в Законе о политических партиях. Так, например, одной из целей политических партий является «содействие реализации и защите прав, свобод и интересов граждан»¹², что соотносится с такими принципами гражданской службы, как «служение народу Республики Беларусь» и «приоритет прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации». В дополнение к этому, к принципам деятельности политических партий относятся принципы демократизма, законности, гласности, что в свою очередь коррелирует со следующими принципами гражданской службы: открытости и прозрачности, равного доступа граждан к любым государственным должностям в соответствии с их способностями, профессиональной подготовкой. Соответственно, можно сделать вывод, что членство в политической партии не может противоречить интересам службы. И как верно отмечает В.С. Михайловский, «членство в политической партии сущностно не противоречит непосредственной реализации государственно-властных полномочий..., однако в полной мере не отражает необходимости и целесообразности такого членства для государственной гражданской службы» [16].

Законом «О борьбе с коррупцией» установлено, что «государственное должностное лицо обязано приостановить свое членство в политической партии, если... выполнение государственных функций является несовместимым с принадлежностью к политической партии». Исходя из этого можно сделать вывод, что не все государственные должностные лица обязаны приостанавливать членство в политической партии, это необходимо лишь в том случае, когда их членство в партии несовместимо с выполняемыми должностными функциями. Статья 32 Избирательного кодекса Республики Беларусь также устанавливает обязанность членов Центральной комиссии приостановить членство в политической партии в период работы комиссии. Что касается других гражданских служащих, такой запрет прямо не установлен. Более того, ч. 2 ст. 28 Закона о госслужбе устанавливает запрет на какие-либо ограничения в связи с принадлежностью кандидата на должность к той или иной партии. Исходя из этого можно констатировать, что запрет на членство в политической партии для гражданских служащих не установлен (за исключением случаев, обозначенных выше) и гражданские служащие могут являться членами политических партий.

Вопрос необходимости членства в политической партии для гражданского служащего был рассмотрен В.С. Михайловским, который пришел к выводу об отсутствии такой необходимости, однако это может быть «целесообразно по причине... творческой реализации государственно-служебной деятельности исходя из максимального учета интересов граждан» [16]. Полагаем, данный тезис интересен, однако спорен, т.к. членство гражданских служащих в политической партии будет способствовать лоббированию интересов непосредственно политической партии и её идеологии, что для политической партии, в свою очередь, является выгодным. В таком случае, интересы других граждан могут быть поставлены на второй план.

К гражданской службе также относятся положения стст. 37 – 40 Конституции, закрепляющие право на участие в решении государственных дел, активное и пассивное избирательное право, равный доступ к должностям в государственных органах, а также право на обращение. По нашему мнению, право на участие в решении государственных дел является достаточно широким по объему и включает в себя и другие политические права, перечисленные выше. Как отмечает Т.С. Масловская, «право граждан на участие в управлении делами государства выступает фундаментом, системообразующим началом в отношении иных политических прав граждан» [15, с. 25]. Однако, снова возникает вопрос о субъекте данных прав. В отличие от субъекта, предусмотренного ст. 3 Конституции, в данных статьях субъектом являются граждане Республики Беларусь. В свою очередь, необходимо снова отметить исключение, связанное с избирательным правом для граждан Российской Федерации, предусмотренное ст. 58 Избирательного кодекса. Что касается субъекта, предусмотренного ст. 40 Конституции, на наш взгляд, он отмечен верно, т.к. включает себя как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, что не противоречит положениям ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц»¹³. Статья 39 Конституции закрепляет право граждан на равный доступ к любым должностям в государственных органах. Мы отмечаем, что данное положение закрепляет безусловное право доступа, т.к. кандидат на должность должен соответствовать требованиям, закрепленным в Законе, а также принимать ограничения, связанные с его должностью. Так, к требованиям относится гражданство Республики Беларусь, достижение восемнадцатилетнего возраста, владение государственным языками, а также соответствие квалификационным требованиям, таким, как образование и стаж работы (за исключением случаев, когда наличие определенного образования не требуется, а стаж не установлен), знание Конституции Республики Беларусь и др. В свою очередь, для отдельных видов должностей могут устанавливаться дополнительные требования к моральным качествам претендента на должность.

Конституция также закрепляет и трудовые права гражданских служащих. Так, статьями 41 – 43 гарантируется право на труд, на справедливое вознаграждение, право на отдых. Законодательство о труде также распространяется на гражданскую службу, поэтому важно отметить положения ст. 261¹ Трудового кодекса Республики

¹² О политических партиях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.02.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

¹³ Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-3: принят Палатой представителей 24 июня 2011 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 2011 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Беларусь (далее – Трудовой кодекс)¹⁴, согласно которым в случаях, предусмотренных законодательством, заключение контрактов является обязательным. В рамках гражданской службы трудовым договором является контракт, который заключается от 1 года до 5 лет. Частью 3 ст. 35 Закона о госслужбе предусмотрены категории служащих, с которыми не заключается контракт: с депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики, Национального собрания Республики Беларусь, осуществляющими свои полномочия на профессиональной основе, председателями местных Советов депутатов, а также с судьями. Прекращение контракта предусмотрено ст. 46 Закона о Госслужбе, а также положениями Трудового кодекса.

В рамках трудовых прав гражданские служащие ограничены в праве на забастовку, которое предусматривается ч. 3 ст. 41 Конституции и, в свою очередь, является ограничением, связанным с гражданской службой (ч. 1 ст. 26 Закона о госслужбе). Данное ограничение связано с положением, установленным ч. 4 ст. 388 Трудового кодекса, согласно которому ограничения устанавливаются «в той мере, в какой это необходимо в интересах национальной безопасности, общественного порядка, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Возникает вопрос о необходимости разграничения права на забастовку для определенных категорий гражданских служащих.

Интересным, на наш взгляд, является пример Венгрии. Согласно ст. 3 Закона 1989 г. «О праве на забастовку», «забастовки не могут проводить служащие органов власти, военнослужащие и полицейские. Право на забастовку осуществляется в органах государственного управления в соответствии с особыми правилами, предусмотренными в соглашении, заключенном между Советом Министров и соответствующими профсоюзами»¹⁵. В литературе встречается позиция, согласно которой право на забастовку должно быть ограничено для лиц, осуществляющих «властные функции от лица государства», т.е., например, для судей. В свою очередь, «государственные служащие, работающие на коммерческих и промышленных предприятиях, находящихся в государственной собственности»¹⁶, не должны быть ограничены в этом праве. Авторы обосновываются на том, что, если прекращение работы данных служащих не будет иметь серьезных последствий для общества в целом, то ограничивать эту категорию служащих в праве на забастовку является нецелесообразным. Так, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 06.06.2022 № 195 «О государственных гражданских должностях»¹⁷, главный специалист, ведущий специалист и специалист относятся к гражданским служащим местного исполнительного комитета 6, 7 и 8 класса, соответственно. Так как они являются гражданскими служащими, то они ограничены в праве на забастовку, однако, полагаем, что в случае забастовки данных служащих остановки работы всего органа не произойдет. Более того, на наш взгляд, приостановление их деятельности не будет наносить ущерб интересам национальной безопасности, общественного порядка и т.д. Исходя из этого предлагаем разграничить гражданских служащих в праве на забастовку по следующим критериям: 1) в зависимости от выполняемых служащим задач, а также 2) от возможных негативных последствий приостановления его деятельности. Если в результате забастовки определенной категории гражданских служащих не нарушаются интересы, установленные ч. 4 ст. 388, то предлагается разрешить им пользоваться данным правом.

Согласно ст. 118¹ Трудового кодекса, к разновидности рабочего времени относится ненормированный рабочий день. К особенностям данного вида рабочего времени относится выполнение трудовых обязанностей сверх установленной нормы рабочего времени, которое компенсируется предоставлением дополнительного отпуска. В свою очередь, Законом о госслужбе предусмотрено установление для гражданских служащих ненормированного рабочего дня без предоставления дополнительного отпуска за ненормированный рабочий день. На наш взгляд, следует перенять опыт Российской Федерации, где, согласно Федеральному закону от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 22.04.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁸, за ненормированный служебный день предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью в 3 календарных дня (пп.6.1. ст. 46). Данная норма будет уравнивать в трудовых правах гражданских служащих с другими категориями служащих и работников.

Особенность деятельности гражданских служащих также состоит в привлечении к службе в государственные праздники и праздничные дни, в которые согласно ст. 147 Трудового кодекса работа не производится. В этом случае гражданским служащим производится оплата за отработанное время и предоставляется другой неоплачиваемый день отдыха. Реализация права гражданского служащего на отдых предусмотрена ст. 63 Закона о госслужбе, согласно которой основной трудовой отпуск гражданских служащих составляет 28 календарных дней, что больше нормы, установленной ст. 155 Трудового кодекса (не менее 24 календарных дней).

Социальные гарантии, предусмотренные статьей 47 Конституции, получили свое развитие в главе 9 Закона о госслужбе. К особенностям материальной и социальной защищенности гражданских служащих можно отнести постановку на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту работы в г. Минске и Минской районе без учета срока работы в государственных организациях. Более того, гражданским служащим, внесенным

¹⁴ Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-3: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.06.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

¹⁵ URL: <https://webapps.ilo.org/static/russian/dialogue/ifpdial/llg/ch5/ex5-3.htm>.

¹⁶ URL: <https://webapps.ilo.org/static/russian/dialogue/ifpdial/llg/ch5/ex5-3.htm>.

¹⁷ О государственных гражданских должностях [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2022 г., № 195: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 07.06.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

¹⁸ О государственной гражданской службе в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон, 27 июля 2004 г., № 79-ФЗ: в ред. Фед. закона от 08.08.2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

в перечень государственных должностей, дающих право на получение арендного жилья, предоставляется первоочередное право на получение арендного жилья. Законом о госслужбе отмечается, что перечень гарантий устанавливается «в целях компенсации ограничений, установленных Законом и иными законодательными актами». Закрепление гарантий материального и социального обеспечения гражданских служащих имеет существенное значение, потому как они могут служить мотивацией для гражданских служащих. Как отмечает Н.Л. Иванова, «гарантии представляют собой определенный уровень социальной и правовой защищенности гражданских служащих со стороны государства» [17, с. 176]. Законом о госслужбе закреплен открытый перечень гарантий материального и социального обеспечения гражданских служащих, что указано в ч. 4 ст. 60 Закона. В свою очередь, в самом Законе обозначен ряд гарантий, которые можно условно разделить на следующие категории: (на основании классификации Ивановой [17, с. 176–177]):

1) гарантии служебно-правовой защиты: при невозможности трудоустройства гарантируются профессиональная подготовка, переподготовка или повышение квалификации с выплатой за весь период обучения стипендии (пп. 1.3 п. 1 ст. 60); возможность поощрения за успешное и добросовестное исполнение служебных обязанностей (ст. 62); соблюдение условий и порядка высвобождения в связи с ликвидацией государственного органа, сокращением численности или штата работников государственного органа (пп. 1.6 п. 1 ст. 60);

2) гарантии социально-экономической защиты: условия труда, заработная плата, трудовые и социальные отпуска, гарантии и компенсации, право на медицинское обслуживание, выплата пособий (пп. 1.1-1.4, 1.7, 1.8 п.1 ст. 60);

3) гарантии социально-бытового характера: возмещение расходов, связанных с переездом гражданского служащего (пп. 1.5 п.1 ст. 60); постановка на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий (п. 2 ст. 60); право на получение арендного жилья (п.3 ст. 60; ст. 65).

Закрепление Законом вышеназванных гарантий способствует не только социальной и материальной защищенности гражданских служащих, а также может являться фактором «привлекательности гражданской службы» [17, с. 179].

Статья 59 Конституции также имеет непосредственное отношение к гражданской службе. Так, данной статьей закрепляется обязанность государственных органов и должностных лиц принимать «необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности». Как верно отмечает Г.А. Василевич, «создание надлежащего правового порядка позволяет гражданам, народу в целом осуществлять свою волю» [18, с. 20]. Также, как отмечено в Указе Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь», «обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации является основной задачей деятельности белорусского государства»¹⁹.

Положения разделов 4 – 6 Конституции закрепляют правовое положение отдельных государственных органов. В рамках Закона о госслужбе, под государственными органами также понимаются «государственные учреждения и иные государственные организации, обеспечивающие деятельность Президента Республики Беларусь или государственных органов, работники которых в соответствии с законодательными актами, закрепляющими их правовой статус, являются государственными гражданскими служащими».

Согласно ст. 14 Закона о госслужбе, под государственной гражданской должностью (далее – гражданская должность) понимается «должность, предусмотренная Конституцией Республики Беларусь, Законом о госслужбе и иными законодательными актами, либо учрежденная в установленном законодательством порядке штатная единица государственного органа с определенным для занимающего её лица кругом обязанностей по выполнению и (или) обеспечению выполнения функций этого государственного органа». Соответственно, дальнейшие положения Конституции (разделы 4 – 6) подробнее раскрываются в правовых актах, определяющих особенности правового положения той или иной гражданской должности государственного органа.

Заключение. Таким образом, конституционно-правовое регулирование гражданской службы в Республике Беларусь осуществляется конституционными нормами, которые находят конкретизацию в законодательстве о гражданской службе. Важность конституционно-правового регулирования заключается в определении дальнейшего отраслевого регулирования гражданской службы. основополагающими статьями Конституции в рамках регулирования гражданской службы являются положения о провозглашении народа Республики Беларусь единственным источником власти (ст. 3), о разделении государственной власти (ст. 6), о праве на информацию о деятельности государственных органов (ст. 34), а также положения ст. 37 – 40, закрепляющих право на участие в решении государственных дел, активное и пассивное избирательное право, равный доступ к должностям в государственных органах, а также право на обращения. Одним из ключевых положений конституционно-правового регулирования гражданской службы является ст. 39, закрепляющая право граждан на равный доступ к любым должностям в государственных органах, а также ст. 59, закрепляющая обязанность государственных органов и должностных лиц принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. На гражданских служащих также распространяются нормы, закрепляющие основные трудовые права (ст. 41 – 43) и социальные гарантии (ст. 47). Однако, ввиду особенностей института гражданской службы, гражданские служащие ограничены в некоторых правах. Так, например, ограничены в праве на забастовку.

¹⁹ О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 14.03.2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Исходя из анализа литературы и зарубежного опыта предлагаем разграничить гражданских служащих в праве на забастовку по выполняемым задачам и возможным негативным последствиям. Полагаем, если в результате забастовки определенной категории гражданских служащих не нарушаются интересы, установленные ч. 4 ст. 388, то предлагается разрешить им пользоваться данным правом. Также, на основе опыта Российской Федерации, предлагаем предоставлять гражданским служащим дополнительный отпуск за ненормированный рабочий день, что позволит уравнивать гражданских служащих в данном праве с другими служащими и работниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березко А.А. Доктринальные и легальные подходы к пониманию государственной гражданской службы // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Эконом. и юрид. науки. – 2024. – № 2(67). – С. 54–58.
2. Миронов А.Л. Методы конституционно-правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 5. – С. 87–88.
3. Нурмагамбетов Р.Г. Конституционное регулирование общественных отношений в Российской Федерации (понятие, элементы, механизм, проблемы и пути совершенствования). – Костанай: Костанайский филиал «ЧелГУ», 2019. – 186 с.
4. Березко А.А. Доктринальные подходы к пониманию государственной гражданской службы // Форум молодых ученых: мир без границ: сб. материалов X Междунар. науч. конф.: в 4 ч. – Донецк: «ДОНМАН», 2024. – Ч. 2. – С. 326–328.
5. Василевич Г.А. Конституция и международные договоры белорусского государства как основа деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2001. – № 2. – С. 103–110.
6. Пугачев А.Н. Структура Конституции и критерии её эффективности как логически цельного документа // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Эконом. и юрид. науки. – 2012. – № 6. – С. 97–106.
7. Томашевский К.Л. Общеизвестные принципы международного права в сфере труда: перечень и юридическая сила // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 4. – С. 21–25.
8. Аксенов А.Б. Всеобщая декларация прав человека и проблема универсализации прав человека // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 59–62.
9. Сафаров Б.А. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ международной стандартизации прав человека // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2013. – № 2(54). – С. 9–15.
10. Чиркин В.Е. Влияние международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. на конституционное право // Образование и право. – 2016. – № 11. – С. 30–33.
11. Карпович Н.А. Конституция Республики Беларусь как правовая основа экологической политики государства [Электронный ресурс]. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/106669/1/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf>. (дата обращения: 26.08.2024).
12. Боков Ю.А. Об определении конституционно-правового термина «народ» // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 14–18.
13. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Конституционный принцип разделения властей: теория и практика реализации // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – № 5. – С. 56–62.
14. Карасев А.Т., Савоськин А.В., Морозова А.С. Представительная власть как вид публичной власти // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 6. – С. 135–140.
15. Масловская Т.С., Киселёва Т.М. Право на участие в управлении делами государства в условиях цифровизации: теория и практика // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. – № 3. – С. 23–34.
16. Михайловский В.С. Государственная служба и членство в политических партия [Электронный ресурс]. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/312435/1/48-55.pdf>. (дата обращения: 26.08.2024).
17. Иванова Н.Л., Подольский Д.А. Гарантии государственных гражданских служащих как элемент современной кадровой политики // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1. – С. 173–190.
18. Василевич Г.А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов (теория и практика) // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 19–27.

Поступила 03.09.2024

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE STATE CIVIL SERVICE

A. BERESKO

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

The constitutional and legal regulation of the civil service is based on the Constitution of the Republic of Belarus, the Law of the Republic of Belarus of June 1, 2022 No. 175-Z "On Civil Service" (as amended on January 3, 2024) and other regulatory legal acts. Within the framework of this article, based on the analysis of constitutional norms, which are the basis for the development of the legislation of the Republic of Belarus, regulatory legal acts regulating the features of the institution of state civil service will be presented. The analysis of the national legislation on the civil service, as well as international provisions and practices of foreign states, made it possible to identify a number of controversial issues and, in this regard, we proposed ways to improve the legislation on the civil service, in particular, the provision on the admissibility of the exercise of the right to strike, as well as receiving additional leave for an irregular day, is substantiated.

Keywords: *state civil service, civil service, constitutional and legal regulation, Constitution of the Republic of Belarus, international regulation, national legislation.*

УДК 336.226.322

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-73-75

**ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ
В НАЛОГОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А.В. ДЕРЮЖКОВ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье рассмотрены предпосылки и необходимость интеграции в налоговую систему Республики Беларусь налога на добавленную стоимость. Выделены основные этапы развития норм прав, регулирующих налог на добавленную стоимость. Проанализировано изменение налогового права, вызванное необходимостью перехода национальной экономики от социальной модели к рыночным отношениям. Определены основные характерные моменты, соответствующие каждому из этапов развития правового регулирования налога на добавленную стоимость. На основании проведенного исследования дана положительная оценка развитию налогового права при регулировании отношений, возникающих при взимании налога на добавленную стоимость, а также определена необходимость в дальнейшем развитии форм и методов правового регулирования с целью оптимизации расходов на администрирование налога на добавленную стоимость и минимизации случаев уклонения от его уплаты.

Ключевые слова: налоговое право, налог на добавленную стоимость, государственный бюджет, этапы развития.

Введение. Гармоничное функционирование любого независимого государства обусловлено наличием достаточных финансовых средств для обеспечения суверенитета, выполнения социальных обязательств перед населением, поддержания дипломатических связей с другими государствами и проведения независимой внешней политики. Необходимые расходы при этом осуществляются через государственный бюджет. Основным источником доходов государственного бюджета Республики Беларусь во времена Союза ССР являлись налоговые поступления. Так доходы Государственного бюджета на 1991 г. были запланированы в размере 6 900 838 тыс. руб. При этом основным бюджетообразующим источником являлся налог с оборота, размер поступлений которого составлял 2 440 774 тыс. руб. или 35,37% от валового дохода¹. Таким образом, бремя пополнения доходной части бюджета, ложилось на налоговую систему государства, которая была сформирована под влиянием централизованно управляемой социалистической экономики. В результате геополитических событий, имевших место в конце XX века, произошло прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности. В результате образовались новые суверенные государства, национальные экономики которых перестраивались с учетом требований рыночной экономики, разрывая исторически сложившиеся экономические связи между субъектами бывшего союза в условиях децентрализации управления. Как итог, налоговая система новой суверенной Республики Беларусь была не в состоянии обеспечить пополнение государственного бюджета малоэффективными «советскими» налогами, что, в свою очередь, могло негативно сказаться на независимости молодого государства. Кроме того, распад СССР открывал рынки новообразованных государств для иностранных предприятий, которые имели опыт существования в конкурентной среде рыночной экономики, обладали сформированными технологиями производства, налаженными сбытовыми процессами и развитыми ресурсно-сырьевыми базами, что ставило под угрозу развитие национальной белорусской экономики.

Реформирование системы налогообложения в Республике Беларусь решало одновременно две масштабные внутригосударственные задачи – диверсификация источников пополнения государственного бюджета и защита национальной экономики. Помимо внутригосударственных задач, Н. Баглаенко отмечает немаловажное условие: «сближение налоговых систем является важным звеном процесса международной интеграции» [1]. Учитывая уровень развития экономик европейских стран, применяемые ими системы налогообложения, а также необходимость оперативного реформирования отечественной налоговой системы, было принято решение об отказе от налога с оборота и замена его налогом на добавленную стоимость, который большинством европейских стран использовался как эффективный инструмент пополнения бюджета. Изучение и анализ эволюции норм налогового права, регулирующих налог на добавленную стоимость в Республике Беларусь, являются актуальными вопросами, позволяющими оценить практику применения налога и выявить тенденции его дальнейшего развития и совершенствования.

Основная часть. Налог на добавленную стоимость продолжительное время применялся в странах с рыночной экономикой. Идея налогообложения добавленной стоимостью впервые была обоснована в 1919 г. Вильгельмом фон Сименсом [2]. Впервые в своей национальной налоговой системе налог на добавленную стоимость применил Морис Лоре – директор Дирекции по налогам и сборам Министерства экономики, финансов и промышленности Франции. При этом тестирование взимания налога проходило на протяжении 4 лет с 1954 по 1958 год. С 1972 г. налога на добавленную стоимость на обязательной основе применялся уже всеми странами европейского сообщества². От идеи до фактического применения налог на добавленную стоимость проделал путь в 54

¹ О Государственном бюджете Белорусской ССР на 1991 год [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 1990 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

² First Council Directive 67/227/EEC of 11 April 1967 on the harmonization of legislation of the Member States concerning turnover taxes // Official Journal of the European Union. – 1967. – L 71. – P. 14.

года, из которых 14 лет понадобилось для внедрения уже проверенного налога в налоговые системы европейских стран. Налоговая система суверенной Республики Беларусь прошла этот путь за 23 дня. Такое оперативное реформирование было достигнуто благодаря схожести применяемого налога с оборота и налога на добавленную стоимость. Однако, несмотря на мировую практику применения, нужны были правовые алгоритмы регулирования налоговых отношений, которые должны были учитывать экономический менталитет субъектов хозяйствования, сформированный в условиях социалистической экономики.

Проанализировав историю развития налогового законодательства, регулирующего налог на добавленную стоимость, можно выделить следующие этапы его развития в Республике Беларусь:

Этап становления (1991–1995 гг.) – происходит реформирование национальной налоговой системы путем отказа от малоэффективных «советских» налогов. С целью защиты национальной экономики и её интеграции в рыночную экономику с 1992 г. введен налог на добавленную стоимость Законом Республики Беларусь № 1319-ХІІ от 19.12.1991 г. «О налоге на добавленную стоимость»³. Изучив нормы, регулирующие налог на добавленную стоимость, следует согласиться с мнением Бачурина Д.Г. [3], что новый налог являлся результатом эволюции промыслового налога и налога с оборота. По своей сути это была усовершенствованная версия налога с оборота, которая имела только некоторое сходство с налогом на добавленную стоимость стран с рыночной экономикой. Такое юридическое положение объяснялось неготовностью субъектов хозяйствования к резкой перестройке на рыночные отношения и наличием пробелов в бухгалтерском и налоговом законодательстве.

Первоначальная версия закона «О налоге на добавленную стоимость» № 1319-ХІІ от 19.12.1991 г. состояла из 6 статей, которые определяли плательщиков налога, объект налогообложения, ставку налога, льготы при исчислении налога, порядок исчисления и сроки уплаты налога. У плательщиков налога на добавленную стоимость возникла острая необходимость в уточнениях и комментариях о применении налога на добавленную стоимость на этапе его исчисления и уплаты. Период с 1992 по 1995 год характеризуется наличием огромного количества нормативных актов, регулирующих установление, взимание и льготирование налога на добавленную стоимость (73 нормативных акта по данным информационно правовой системы ЭТОЛОН online). Кроме того, Министерством финансов Республики Беларусь и Государственным налоговым комитетом на регулярной основе издаются письма с разъяснениями тех или иных моментов, касающихся исчисления налога на добавленную стоимость.

Этап адаптации (1996–2000 гг.) – происходит адаптация налога на добавленную стоимость к национальной налоговой системе. Данный этап характеризуется огромным количеством нормативно-правовых актов (по данным информационно правовой системы ЭТОЛОН online более 350 нормативных документов), регулирующих налог на добавленную стоимость. По причине наличия пробелов компетентными органами было издано более 80 писем с разъяснениями налогового законодательства. За данный временной промежуток основной нормативный документ – Закон «О налоге на добавленную стоимость» № 1319-ХІІ от 19.12.1991 г. претерпел 9 изменений и, по сравнению с первоначальной редакцией, расширился до 18 статей. Благодаря урегулированию на законодательном уровне вопроса о применении налоговых вычетов происходит доведение конструкции отечественного налога на добавленную стоимость до соответствия международным налоговым стандартам. В качестве плательщиков налога на добавленную стоимость, при наступлении ряда условий признаются индивидуальные предприниматели. Кроме вышперечисленного, немаловажным показателем, характеризующим данный этап, является подписание межправительственных соглашений с рядом зарубежных стран для исключения двойного налогообложения налогом на добавленную стоимость.

Этап систематизации (2001–2009 гг.) – данный период можно считать итогом внедрения налога на добавленную стоимость в национальную налоговую систему. За период применения налога на добавленную стоимость с 1992 по 2009 год законодателем с целью регулирования величины налога на добавленную стоимость было издано огромное количество нормативно-правовых актов, только основной нормативный акт (Закон «О налоге на добавленную стоимость») пережил 27 редакций. Такое «разнообразие» создавало трудности в понимании налога плательщиками, проблемы в его уплате, а также контроле уплаты со стороны государственных органов. Итогом данного этапа стала систематизация всех нормативно-правовых актов с учетом требований развития экономики в единый правовой акт – Налоговый Кодекс Республики Беларусь (особенная часть)⁴, который вступил в силу с 01.01.2010 г. Кодификация налогового законодательства позволила исключить множественность нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, возникающие при установлении, исчислении налогов, в том числе и налога на добавленную стоимость. Кроме того, при принятии Налогового Кодекса были учтены все юридические нюансы, которые позволили исключить неоднозначность трактовки и пробелы в налоговом праве, а также обеспечить комплексность правового регулирования.

Этап администрирования (с 2010 г по настоящее время) – происходит совершенствование налогового законодательства с целью приведения его в соответствие с общепринятой мировой практикой. Законодателем урегулированы вопросы применения налоговых льгот при налогообложении резидентов парка высоких технологий и свободных экономических зон, юридических лиц, применяющих особые режимы налогообложения. Основные

³ О налоге на добавленную стоимость [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 19 дек. 1991 г., № 1319-ХІІ: в ред. от 13.11.2008 г. // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁴ Налоговый Кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс]: 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

изменения коснулись определения момента получения выручки «по отгрузке». Отменено исчисление налога на добавленную стоимость методом «по оплате», которое предусматривало дополнительные контрольные мероприятия по отслеживанию оплаты НДС до истечения 60 дней со дня отгрузки. Начинает применяться основная налоговая ставка в размере 20% взамен 18%. С целью повышения эффективности контроля за исчислением налога на добавленную стоимость внедряется система электронных счетов-фактур.

Данный этап является заключительным в процессе внедрения налога на добавленную стоимость в национальную налоговую систему Республики Беларусь. Именно на этом этапе происходит оттачивание юридических приемов и методов регулирования налоговых отношений, выработка правовых механизмов оперативного внесения изменений в действующее налоговое законодательство. В своих исследованиях В.А. Арсеньева определяет, что на этапе администрирования обеспечиваются налоговые поступления в бюджет в рамках прогнозных показателей, при условии оптимального сочетания методов налогового регулирования и налогового контроля, а также выполняются условия для эффективного функционирования налогового механизма и системы налогового регулирования с точки зрения дальнейшего развития национальной экономики [4].

Заключение. Экскурс в историю внедрения и применения налога на добавленную стоимость показывает насколько быстро и оперативно он внедрялся в налоговую систему Республики Беларусь. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что процесс внедрения налога на добавленную стоимость в национальную налоговую систему Республики Беларусь завершился в 2009 г. На протяжении всего исследуемого периода осуществлялось правовое регулирование налога на добавленную стоимость. Благодаря оперативности издания нормативных актов, законодателю удалось сформировать правовые алгоритмы взаимодействия субъектов хозяйствования с иностранными организациями, не допустить развала национальной экономики, поддержать отечественных производителей, привлечь в экономику иностранных инвесторов и при этом сохранить потенциал налога на добавленную стоимость как основного фискального инструмента пополнения государственного бюджета. При этом налоговое законодательство прошло путь от закона, содержащего 6 статей, до главы в Налоговом Кодексе, которая включает в себя 33 статьи. Именно кодификация налогового законодательства позволила исключить множественность нормативных актов, устранила пробелы и неоднозначные трактовки. С 2010 г. в Республике Беларусь посредством действующего Налогового Кодекса осуществляется администрирование налоговых отношений. Однако, как показывает практика, и сегодня существует научно-практическая необходимость и потребность в развитии форм и методов правового регулирования налога на добавленную стоимость с целью пресечения нарушений налогового законодательства, оптимизации расходов бюджета при финансировании принятых обязательств, уменьшения расходов на администрирование налога на добавленную стоимость, а также выработки механизмов оперативного правового регулирования налогообложения налогом на добавленную стоимость отношений, возникающих в результате развития национальной экономики и межгосударственных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баглаенко Н.О. Методы и принципы гармонизации налоговых систем: роль в развитии процесса международной экономической интеграции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 1(56). – С. 18–23.
2. James, K. The Rise of the Value-Added Tax. Cambridge University Press, 2015. – 496 p. – URL: https://assets.cambridge.org/9781107044128/excerpt/9781107044128_excerpt.pdf.
3. Бачурин Д.Г. Эволюция правового регулирования методологии налогообложения добавленной стоимости в Советской России и СССР // Законодательство и экономика. – 2015. – № 12. – С. 84–91.
4. Арсеньева В.А., Янпольская Е.А. Налоговая политика в системе государственного регулирования экономики: анализ подходов, оценок и методов экономического управления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 4(47). – С. 7–16.

Поступила 07.10.2024

LEGAL EVOLUTION OF THE INCLUSION OF VALUE ADDED TAX IN THE TAX SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. DZERUZHKO
(Belarusian State University, Minsk)

The article discusses the prerequisites and the need for integration of value added tax into the tax system of the Republic of Belarus. The main stages in the development of the rules of law governing value added tax are highlighted. The change in tax law caused by the need to transition the national economy from a social model to market relations is analyzed. The main characteristic points corresponding to each of the stages of development of legal regulation of value added tax are identified. Based on the conducted research, a positive assessment was given to the development of tax law in regulating relations arising when collecting value added tax, and also identified the need for further development of forms and methods of legal regulation in order to optimize the costs of administering value added tax and minimize cases of evasion from it payment.

Keywords: tax law, value added tax, state budget, stages of development.

УДК 347.77

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-76-80

**СОДЕРЖАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ЧАСТЬ 1)****Е.С. ЗАНЬКО***(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

В статье проанализированы подходы отечественных и зарубежных исследователей к определению содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, а также законодательство Республики Беларусь. Определены современные концепции по вопросу содержания исключительного права. Особое внимание обращается на недопустимость определения содержания исключительного права по аналогии с содержанием права собственности, а также на то, что правомочие распоряжения объектом интеллектуальной собственности не может входить в содержание исключительного права. Сделан вывод, что в Республике Беларусь нет единого подхода к содержанию исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Результаты исследования имеют важное научное и практическое значение, могут быть использованы в правотворческой деятельности, правоприменительной практике, в научно-исследовательской деятельности и учебном процессе.

Ключевые слова: *объекты интеллектуальной собственности, исключительное право, право собственности, содержание исключительного права, правомочие использования, правомочие запрета, правомочие распоряжения.*

Введение. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности имеет важнейшее теоретическое и практическое значение, обозначенный вопрос непосредственно связан с определением объема прав владельца объекта интеллектуальной собственности в отношении этого объекта, а также с дальнейшим развитием правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе использования объектов интеллектуальной собственности.

Проблема определения содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности не является новой и активно обсуждается учеными и практиками с дореволюционных времен, однако единой позиции по этому вопросу нет до сих пор. Более того, с каждым годом появляются новые (зачастую спорные) взгляды по обозначенной проблеме, что только отдалает её решение. Отметим и то, что в настоящее время на международном уровне не выработаны единые подходы к определению содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, в зависимости от той или иной страны различия и правовое регулирование общественных отношений, связанных с рассматриваемой проблемой. В связи с этим уместно проанализировать эволюцию подходов к определению содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, позиции отечественных и зарубежных исследователей, законодательство Республики Беларусь и сформулировать авторскую позицию по обозначенному вопросу.

Основная часть. Попытки определить содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности предпринимались ещё учеными дореволюционного времени. Так, профессор Г.Ф. Шершеневич в отношении товарных знаков отмечал: «С положительной стороны содержание права на товарный знак сводится к исключительной возможности пользования им для своих товаров, с отрицательной – к запрещению всем другим употреблять тот же знак для того же рода товаров» [1, с. 19], Я.А. Канторович включал в содержание исключительного права на объекты авторского права позитивные и негативные правомочия: «Автору принадлежит исключительное право пользования и распоряжения своим произведением, и этому праву соответствует возложенная на прочих лиц обязанность воздержания от нарушения права автора» [2, с. 356], А.А. Пиленко в отношении объектов патентного права отмечал, что исключительное право есть право запрещения, обращенное ко всем третьим лицам [3, с. 345] и, следовательно, определял содержание исключительного права через правомочие запрета.

Неоднократно вопрос о содержании исключительного права на объекты интеллектуальной собственности поднимался в научных трудах западных исследователей конца XIX – начала XX века. Французский исследователь Э. Роген определял содержание монопольных (исключительных) прав через правомочие запрета, обращенное ко всем третьим лицам, использовать объект интеллектуальной собственности и распоряжаться правами, принадлежащими владельцу соответствующего объекта интеллектуальной собственности [4, с. 63], немецкий юрист И. Колер определял содержание исключительного права через позитивное правомочие: исключительное право на объект интеллектуальной собственности есть право использования объекта интеллектуальной собственности [3, с. 342], в свою очередь профессор О. Гирке включал в содержание исключительного права как позитивные, так и негативные правомочия [3, с. 347].

В советский период вопрос о содержании исключительного права на объекты интеллектуальной собственности не представлял большого научного интереса, исключительные права практически не привлекали внимания советского законодателя, а «советская» теория исключительных прав имела мало общего с теорией исключительных прав, сформулированной на рубеже XIX – XX веков [5, с. 63]. Возвращение к обсуждению обозначенного вопроса произошло лишь в конце XX века, а дискуссии и споры продолжают по сей день.

К настоящему времени выработаны три основные концепции по вопросу содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности: позитивная, негативная и смешанная.

Сторонники *позитивной концепции* считают, что основу исключительного права составляют позитивные правомочия (права на собственные действия обладателя исключительного права). Стоит отметить, что ряд исследователей включает в позитивные правомочия и право на распоряжение исключительным правом. Так, по мнению профессора В.А. Дозорцева в содержание исключительного права входят правомочия по использованию объекта интеллектуальной собственности и распоряжению исключительным правом на этот объект [6, с. 221], схожие мнения можно найти в работах Н.М. Коршунова [7, с. 43], Е.А. Павловой [8, с. 127] и др. Опираясь на содержание права собственности, С.Н. Кондратовская и А.В. Миронов выделяют три позитивных правомочия, составляющих основу исключительного права: правомочие обладания исключительным правом, правомочие использования объекта интеллектуальной собственности и правомочие распоряжения исключительным правом [9, с. 21]. Заслуживает внимания мнение В.А. Белова, который определяет содержание исключительного права через позитивное правомочие воспроизведения объекта интеллектуальной собственности [10, с. 33].

Адепты *негативной концепции* утверждают, что основой содержания исключительного права являются негативные правомочия (право запрещать использовать объект интеллектуальной собственности). Критикуя позитивную концепцию, А.Л. Маковский отмечает, что «... возможность автора, исполнителя или иного лица свободно использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации сама по себе исключительным правом не является» [11, с. 12], а М.В. Лабзин делает вывод о том, что «... возложение на всех третьих лиц обязанности не использовать объект интеллектуальной собственности обеспечивает ценность исключительного права» и отмечает, что именно запрет использовать объект интеллектуальной собственности составляет основу содержания исключительного права [12, с. 19], схожего мнения придерживаются также Э.П. Гаврилов [13, с. 7], Е.А. Дедков [14, с. 90] и др.

В содержание исключительного права, по мнению сторонников *смешанной концепции*, входят как позитивные, так и негативные правомочия. Так, В.И. Еременко утверждает, что содержание исключительного права характеризуется как позитивной функцией (правомочие использования), так и негативной функцией (правомочие запрета), при этом ученым отмечается, что не уместно выделять главную из этих функций [15, с. 26], подобное мнение разделяют и другие ученые, например, В.А. Хохлов [16, с. 160]. И.А. Зенин делает вывод о том, что содержание исключительного права образуют правомочия на собственные действия с охраняемым объектом, на распоряжение исключительным правом и на запрет третьим лицам использовать охраняемый объект [17, с. 36]. И.А. Тихонов утверждает, что в содержание исключительного права входят два правомочия: использовать объект интеллектуальной собственности, в которое включается распоряжение исключительным правом, и запрещать использовать третьим лицам соответствующий объект; при этом ученый отмечает, что исключительное право характеризуется, прежде всего, наличием в его содержании правомочия запрета, поскольку это правомочие дает возможность восстановить положение, существовавшее до нарушения исключительного права, и пресечь те действия, которые его нарушают [18, с. 9]. Заслуживает внимания мнение Р.Ф. Галеевой, которая отмечает, что исключительное право состоит из трех правомочий: правомочия на собственные действия, правомочия требования и правомочия на защиту [19, с. 105], при этом преобладающее значение в содержании исключительного права, по мнению исследователя, приобретает правомочие на собственные действия субъекта права, выражающееся в полноте власти по поводу и в отношении его объекта [19, с. 108].

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время именно смешанная концепция по вопросу определения содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности является преобладающей на постсоветском пространстве.

Современные зарубежные исследователи также неоднозначно подходят к вопросу содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Так, американский исследователь У. Кентон считает, что основу содержания исключительного права составляет негативное правомочие запрещать другим лицам воссоздавать, имитировать и использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности [20], нидерландский исследователь К. ван Зил называет право интеллектуальной собственности «негативным правом» и определяет его содержание через негативные правомочия [21], китайский профессор Ц. Саньцян считает право запрета основой исключительного права на объекты интеллектуальной собственности [22, с. 8]. В свою очередь Д. Чжу считает, что в содержание исключительного права входят как позитивные, так и негативные правомочия, тем не менее именно последним ученый отводит главную роль [23]. Британский исследователь М. Спенс отмечает, что основу исключительного права составляет право использовать объект интеллектуальной собственности [24, с. 59].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в зарубежной правовой доктрине нет единого подхода по вопросу содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, тем не менее, отметим, что именно негативная концепция является преобладающей.

Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности раскрывается в ст. 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь (в редакции от 19.11.2024) (далее – ГК): лицо, обладающее исключительным правом, вправе использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым не противоречащим закону способом, а также разрешать или запрещать его использование другим лицам. Отдельно в ст. 983 ГК отмечается, что обладателю исключительного права предоставлена возможность (право) распоряжаться исключительным правом, если иное не предусмотрено ГК или иными законодательными актами. Согласно п. 1 ст. 985 ГК лицо может распорядиться принадлежащим ему

исключительным правом на объект интеллектуальной собственности любым, не противоречащим закону и существу такого исключительного права, способом, в том числе путем его отчуждения по договору другому лицу или предоставления другому лицу права использования объекта интеллектуальной собственности в определенных договором пределах, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Таким образом, законодатель включил в содержание исключительного права две составляющие: позитивную, определяющую возможные действия обладателя исключительного права в отношении объектов интеллектуальной собственности, и негативную, определяющую возможные действия обладателя исключительного права в отношении третьих лиц по использованию ими объектов интеллектуальной собственности, в свою очередь, распоряжение исключительным правом не входит в содержание исключительного права.

В ч. 3 п. 1 ст. 983 ГК белорусским законодателем сформулирован так называемый «общий запрет»: использование другими лицами объекта интеллектуальной собственности, в отношении которого лицу принадлежит исключительное право, допускается только с согласия (разрешения) такого лица, за исключением случаев, предусмотренных ГК или иным законом. Таким образом, осуществление позитивного правомочия, входящего в состав исключительного права, запрещено всем третьим лицам; исключение из «общего запрета» допускается только с согласия (разрешения) обладателя исключительного права и в случаях, прямо предусмотренных законодательством Республики Беларусь (например, принудительные лицензии).

Законодатель Республики Беларусь конкретизирует содержание исключительного права в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности в специальных законах. Согласно ч. 1 п. 1. ст. 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» владелец товарного знака имеет исключительное право использовать товарный знак, может распоряжаться этим исключительным правом, вправе запрещать использование товарного знака другими лицами. Из этого следует, что в содержание исключительного права на товарный знак входят две составляющие: позитивная, которая включает в себя и право распоряжения исключительным правом, и негативная. В п. 2 ст. 3 того же Закона закреплена и «общий запрет»: никто не может использовать охраняемый на территории Республики Беларусь товарный знак без разрешения его владельца. Из этого следует, что использование товарного знака запрещено всем третьим лицам, за исключением разрешения владельца товарного знака использовать товарный знак (например, использование по лицензионному договору).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что белорусский законодатель определяет содержание исключительного права с позиции смешанной концепции. Вместе с тем отметим, что в Республике Беларусь все еще не выработан единый подход по вопросу определения содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности: набор прав, входящий в состав исключительного права, разнится в зависимости от объекта интеллектуальной собственности.

Некоторые современные исследователи определяют содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности по аналогии с содержанием права собственности на материальные объекты (как известно содержание права собственности составляют правомочия владения, пользования и распоряжения). Так, в диссертационном исследовании Ю.Т. Гульбин делает вывод о том, что содержание исключительного права на товарный знак составляют правомочия обладания, использования и распоряжения [25, с. 59], схожий вывод можно найти и в работе М.С. Можяева, который отмечает, что в содержание исключительного права входят правомочия обладания исключительным правом, использования результата интеллектуальной деятельности и распоряжения исключительным правом [26, с. 72].

Несмотря на некоторые сходства исключительного права и права собственности (абсолютный, монополярный, имущественный характер) рассматриваемые права имеют значительные различия (объект права, основания приобретения права, срок существования и территория действия права, способы защиты права и др.), которые не позволяют поставить знак равенства в их содержании [27, с. 89]. Таким образом, считаем, что определение содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности по аналогии с содержанием права собственности на материальные объекты является неверным ввиду того, что данный подход не учитывает различия исключительного права и права собственности.

Спорным подходом является и включение в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности права распоряжения объектом интеллектуальной собственности. Так, О.Ф. Оноприенко отмечает, что в содержание исключительного права включены два правомочия: использование и распоряжение результатом интеллектуальной деятельности [28, с. 12], К.К. Рамазанова утверждает, что содержание исключительного права образуют правомочия по использованию объекта интеллектуальной собственности, по запрещению использования их третьим лицам, по распоряжению объектом интеллектуальной собственности, по запрещению распоряжения ими третьим лицам [29, с. 68], подобные мнения можно найти и в работах Т.А. Кондур, Л.В. Щербачевой, М.И. Эриашвили и др. В отношении товарных знаков Н.В. Куркина делает вывод о том, что исключительное право предоставляет возможность использовать товарный знак, распоряжаться им и запрещать другим лицам использовать товарный знак, распоряжаться им [30, с. 198], а О.А. Рузакова отмечает, что содержание исключительного права на товарный знак составляют права на его использование и распоряжение им [31, с. 146].

Относительно вышерассмотренного подхода отметим следующее.

Под правом распоряжения понимается возможность лица определить юридическую судьбу объекта путем совершения в отношении него юридически значимых действий, в том числе действий по отчуждению этого объекта другим лицам. Рассматриваемое право тесно связано со свойством оборотоспособности объекта – его

способности отчуждаться и переходить от одного лица к другому. Ввиду нематериального характера объекты интеллектуальной собственности не способны к обороту, не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Тем не менее, свойством оборотоспособности обладают имущественные права на объекты интеллектуальной собственности (исключительное право и иные имущественные права), а также материальные носители, в которых выражены эти объекты. Из этого следует, что владелец объекта интеллектуальной собственности не может распорядиться объектом интеллектуальной собственности, однако может распорядиться имущественными правами на этот объект, а также материальными носителями, в которых он выражен.

Таким образом, в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности не может входить право распоряжения объектом интеллектуальной собственности. Считаем, что использование в научной литературе словосочетаний типа «право распоряжения объектом интеллектуальной собственности», «распоряжение объектом интеллектуальной собственности» является нарушением правил формальной логики, неуместно и неверно с точки зрения сущности объектов интеллектуальной собственности.

Заключение. Проведенное исследование содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в настоящей статье позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в правовой доктрине выработаны три основные концепции по вопросу определения содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности: позитивная, негативная и смешанная, – однако ни одна из них не является общепринятой. Вместе с тем, смешанная концепция преобладает в странах постсоветского пространства, а негативная концепция – в большинстве стран Западной Европы, США, Китае.

2. В Республике Беларусь содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности по общему правилу определяется с позиции смешанной концепции, однако единого подхода по обозначенному вопросу все ещё нет: набор прав, входящий в состав исключительного права, разнится в зависимости от объекта интеллектуальной собственности.

3. Определение содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности по аналогии с содержанием права собственности на материальные объекты является неверным ввиду того, что данный подход не учитывает различия исключительного права и права собственности.

4. Владелец объекта интеллектуальной собственности, ввиду нематериального характера такого объекта, физически не может распорядиться своим объектом интеллектуальной собственности, в связи с чем право распоряжения объектом интеллектуальной собственности не может входить в содержание исключительного права. Использование в научной литературе словосочетаний типа «право распоряжения объектом интеллектуальной собственности», «распоряжение объектом интеллектуальной собственности» является нарушением правил формальной логики, неуместно и неверно с точки зрения сущности объектов интеллектуальной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 4 т. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – Т. 2: Товар. Торговые сделки. – 540 с.
2. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. – 2-е изд., значит. доп. – Петроград: Общ. «Брокгауз-Ефронь», 1916. – 791 с.
3. Пилленко А.А. Право изобретателя: в 2 т. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1902–1903. – Т. 2. – 392 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1891. – 313 с.
5. Занько Е.С. История правовой охраны исключительного права на товарный знак // Принеманские научные чтения: сб. науч. тр. XIV Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 12 апр. 2024 г. / БИП – Университет права и социально-информационных технологий; редкол.: Т.В. Филипчик (отв. ред.). – Гродно: БИП, 2024. – С. 60–65.
6. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. / В.А. Дозорцев. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
7. Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации): учеб. пособие / под общ. ред. Н.М. Коршунова. – М.: Норма, 2009. – 400 с.
8. Право интеллектуальной собственности: в 4 т. / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – Т. 1: Общие положения / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др. – 512 с.
9. Кондратовская С.Н. Миронов А.В. Понятие и содержание права интеллектуальной собственности // Интеллектуальное право: учеб. пособие. – Вологда: Волог. ин-т права и экономики Фед. службы исполнения наказаний, 2020. – С. 7–26.
10. Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – Т. 3: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. – Кн. 2: Права исключительные, личные и наследственные: учеб. для академ. бакалавриата и магистратуры. – 443 с.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Параллельные русский и английский тексты / пер. и науч. ред. А.Н. Жильцов, П.Б. Мэггс. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 608 с.
12. Лабзин М.В. Право запрещать как юридическое содержание исключительного права // Патенты и лицензии. – 2009. – № 7. – С. 14–19.
13. Гаврилов Э.П. 10 недостатков четвертой части ГК РФ, которые необходимо исправить // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2015. – № 10. – С. 2–7.
14. Дедков Е.А. Пресечение и запрещение нарушения исключительного права // Хозяйство и право. – 2011. – № 2. – С. 88–96.
15. Еременко В.И. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. – 2011. – № 5. – С. 15–26.
16. Хохлов В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика. – М.: Городец, 2008. – 286 с.
17. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учеб. для академ. бакалавриата: в 2 ч. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – Ч. 1. – 318 с.

18. Тихонов И.А. Осуществление Российской Федерацией прав на результаты интеллектуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Моск. акад. экономики и права. – М., 2008. – 26 с.
19. Галева Р.Ф. Сущность исключительного права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 4. – С. 104–110.
20. Kenton W. What Is Intellectual Property, and What Are Some Types? [Electronic resource] // Investopedia. – URL: <https://www.investopedia.com/terms/i/intellectualproperty.asp>. (date of access: 21.05.2024).
21. Van Zyl, C. What is Intellectual Property 'theft' and how to avoid it? [Electronic resource] // Official website «Dennemeyer Group». – URL: <https://www.dennemeyer.com/ip-blog/news/what-is-intellectual-property-theft-and-how-to-avoid-it/>. (date of access: 21.05.2024).
22. Qu S. Modern Intellectual Property Law. – Beijing: Peking University Press, 2009. – 667 p.
23. Zhu D. The Nature of the Sale Behavior in Trademark Infringement under Chinese Trademark Law [Electronic resource] // Official website «Berkeley law». – URL: https://www.law.berkeley.edu/files/Zhu_Dong_IPSC_paper_2014.pdf. (date of access: 21.05.2024).
24. Spence M.J. Intellectual Property. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 384 p.
25. Гульбин Ю.Т. Гражданско-правовая охрана средств индивидуализации товаров в рыночных условиях: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2014. – 348 л.
26. Можаяев М.С. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и особенности исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации // Общество и право. – 2010. – № 5(32). – С. 70–72.
27. Занько Е.С. Исключительное право и право собственности: сходства и различия // Шестые цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сб. ст. / Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь; под ред. М.Н. Шимкович, Т.М. Халецкой. – Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2024. – С. 86–90.
28. Оноприенко О.Ф. Интеллектуальные права на селекционные достижения в России // Патенты и лицензии. – 2010. – № 3. – С. 10–18.
29. Рамазанова К.К. Особенности функционирования авторского права в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2018. – № 3. – С. 67–70.
30. Куркина Н.В. Содержание исключительного права на товарный знак в контексте других прав на результаты интеллектуальной деятельности [Электронный ресурс] // Электрон. жур. «Вестник Московского государственного областного университета». – 2012. – № 1. – URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/632/629>. (Дата обращения: 21.05.2024).
31. Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности. – М.: МФПА, 2004. – 308 с.

Поступила 30.09.2024

CONTENT OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS (PART 1)

Ya. ZANKO
(Belarusian State Economic University, Minsk)

The article analyzes the approaches of both domestic and foreign researchers of different periods of world history to the definition of the content of the exclusive right to intellectual property objects and the legislation of the Republic of Belarus. Modern concepts on the issue of the content of the exclusive right are defined. Special attention is paid to the inadmissibility of determining the content of the exclusive right by analogy with the content of the property right, as well as to the fact that the right to dispose of the intellectual property object cannot be included in the content of the exclusive right. It is concluded that in the Republic of Belarus there is no unified approach to the content of the exclusive right to intellectual property objects. The results of the study have important scientific and practical significance, can be used in law-making activity, law enforcement practice, as well as in research and educational process.

Keywords: *intellectual property objects, exclusive right, ownership right, content of exclusive right, the right of use, the right of prohibition, the right of disposal.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-81-87

**ТЕРМИН «КОРРУПЦИОННОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ»:
ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****А.А. КОТОВА***(Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9244-528X>

Статья посвящена совершенствованию правового регулирования такого ключевого понятия в сфере антикоррупционного законодательства, как «коррупционное правонарушение», которое содержится в ст. 37 Закона «О борьбе с коррупцией». Обращается внимание на необходимость нормативного установления перечня правонарушений коррупционного характера, влекущих административную ответственность. В данной статье делается попытка детально рассмотреть именно термин «коррупционное правонарушение», сопоставив его с «коррупционным преступлением», приводится исторический аспект данного института, сравнительный анализ с законодательством ряда стран СНГ, а также предлагается определить его легальную дефиницию, которая отсутствует в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное правонарушение, коррупционное преступление, должностное лицо, властные полномочия, имущественная выгода.

Введение. Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 была утверждена «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь», в соответствии с п. 12 которой минимизация уровня коррупции признана одним из основных национальных интересов в социальной сфере.

Исторически антикоррупционное национальное законодательство начало формироваться после приобретения государством независимости, прошло достаточно долгий путь развития и становления до того, как достигло уровня системного и комплексного регулирования правоотношений, возникающих в сфере борьбы с коррупционными проявлениями (правонарушениями). Следует справедливо отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь сформирована довольно прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, устранение последствий коррупционных правонарушений, а также предусматривающая различные виды юридической ответственности за коррупционные правонарушения.

Однако, несмотря на это в отечественном законодательстве имеется ряд пробелов в правовой регламентации предмета исследования, что, в свою очередь, закономерно вызывает определенные дискуссионные вопросы как в научном сообществе, так и среди правоприменителей. На сегодняшний день краеугольным камнем выступает вопрос правового регулирования такого основополагающего института законодательства в сфере борьбы с коррупцией, как «коррупционное правонарушение», легальная дефиниция которого в белорусском законодательстве до сих пор отсутствует. Кроме того, не сформированы и четкие перечни административных коррупционных правонарушений, коррупционных дисциплинарных и гражданско-правовых деликтов. Ввиду чего перманентное совершенствование национального законодательства по борьбе с коррупцией в условиях динамично развивающихся реалий современных общественных отношений, а также комплексное изучение данного негативного феномена наукой играет особую роль в процессе создания условий для нормального функционирования в государстве всех институтов власти, правового порядка, укрепления доверия граждан к государственному аппарату, формированию у граждан нетерпимости к коррупционным проявлениям.

В этой связи сегодня нам видится актуальным провести анализ некоторых нормативных положений национального законодательства в сфере борьбы с коррупцией с целью выработки предложений по их совершенствованию, предложения легального закрепления понятия основополагающего института «коррупционное правонарушение», четкого определения перечней коррупционных деликтов.

Основная часть. Правовым базисом борьбы с коррупцией стал Закон Республики Беларусь, принятый 15.06.1993 г. № 2399-ХІІ «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией», который состоял лишь из трех статей, предусматривающих меры предупреждения коррупции, а также устанавливал ряд запретов для руководителей, других должностных лиц (например, заниматься предпринимательской деятельностью, заключать сделки с негосударственными предпринимательскими структурами и др.). Кроме этого, данным законом был введен запрет должностным лицам получать вознаграждения (пользоваться услугами в любом виде) за выполнение или невыполнение своих служебных обязанностей и установлена обязанность должностных лиц государственных предприятий, учреждений и организаций представлять декларации о доходах, а также вкладах в банках и ценных бумагах, обязательствах финансового характера.

Закон 1993 г. действовал на протяжении четырех лет после чего был отменен Законом Республики Беларусь от 26.06.1997 г. № 47-З «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией», состоящим уже из 15 статей, который был в большей степени направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных

и государственных интересов от таких особо опасных явлений, как организованная преступность и коррупция, а также определял политику государства, касающуюся борьбы с данными правонарушениями. Немаловажным, на наш взгляд, стало закрепление на законодательном уровне понятия «коррупция», а также установление перечня предупредительных антикоррупционных мер (ст. 8). Но несмотря на этот шаг вперед в развитии антикоррупционного законодательства, сохранялась актуальность его дальнейшего совершенствования, поиска новых средств и механизмов в борьбе с коррупцией, необходимость приведения отечественного антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами и нормативными правовыми актами в этой области. Так, в Республике Беларусь был принят специальный закон от 20.07.2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией». В первую очередь существенной корректировке подвергся термин «коррупция», изменился круг субъектов коррупционных правонарушений; впервые были обозначены перечни коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции, при этом закон содержал только название или описание данных правонарушений без конкретизации вида юридической ответственности за каждое (стст. 20, 21).

Следствием дальнейшего поиска новых средств и механизмов, направленных на повышение эффективности борьбы с коррупционными правонарушениями, стало принятие ныне действующего Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон). Многие ключевые понятия были в данном Законе сохранены, что свидетельствует о стабильности и преемственности законодательства, направленного на противодействие коррупции. Но при этом многие нормативные положения были подвергнуты корректировке, также был введен ряд новых нормативных установлений.

Тем не менее, ни один из перечисленных законов не давал легального толкования термина «коррупционное правонарушение» и не имел прямых отсылок к действовавшим нормативно-правовым актам, устанавливающим ответственность за конкретное описанное в законе коррупционное проявление, что, на наш взгляд, нельзя признать положительным аспектом отечественного антикоррупционного правового регулирования.

На доктринальном уровне глубокие исследования в данной области отечественными учеными также не проводились, несмотря на очевидную актуальность и дискуссионность рассматриваемого вопроса. В процессе исследования эволюции законодательства о противодействии коррупции отечественным ученым А.В. Барковым было предложено общее определение термина «коррупционное правонарушение» [1]. А.М. Хлус заострял внимание на важности нормативного определения понятия «административное коррупционное правонарушение» [2]. С.Н. Шабуневич в своем исследовании также акцентировал внимание на отсутствии в отечественном законодательстве легальных понятий «коррупционное преступление» и «коррупционное правонарушение», их квалифицирующих признаков и необходимости их закрепления в отраслевых кодексах [3]. Многие научные труды российских ученых-правоведов посвящены проблемам правовой регламентации ответственности за коррупционные правонарушения. К примеру, Н.А. Кукин в одной из своих работ поднимает проблему правовой неопределенности и отсутствия законодательного соотношения (разграничения) «коррупционного преступления», «коррупционного правонарушения» и «коррупционного проступка» [4]. Кроме того, ряд научных работ, принадлежащих российским авторам, были посвящены исследуемой тематике, изучению понятия коррупционного правонарушения, состава, признаков, видов и его правовой природы (Т.Л. Козлов [5], В.В. Коробченко и Т.В. Иванкина [6], М.Б. Добробаба, С.Е. Чаннов [7], С.К. Илий [8], К.А. Буянова [9] и др.).

Безусловно, Закон 2015 г. сегодня выступает прочным фундаментом в области антикоррупционного законодательства в Республике Беларусь, он содержит детальное определение основополагающего термина «коррупция», которое раскрыто в ст. 1. Указанный Закон апеллирует также такими терминами, как «коррупционные правонарушения», «правонарушения, создающие условия для коррупции», однако дефиниции двух этих терминов в законе отсутствуют, а их суть раскрывается посредством перечисления определенных деяний: в ст. 25 Закона перечислены деяния, которые относятся к правонарушениям, создающим условия для коррупции; а в ст. 37 – деяния, которые являются непосредственно коррупционными правонарушениями.

Несмотря на имеющиеся в научном сообществе дискуссии, касающиеся предмета исследования, доктринальное толкование термина «коррупционное правонарушение» в отечественной науке на сегодняшний день не выработано. Авторским коллективом сотрудников Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь с участием практических работников Генеральной прокуратуры Республики Беларусь под общей редакцией В.М. Хомича был подготовлен комплексно-систематизированный научно-практический постатейный комментарий к Закону. Однако в нем также не была дана общая дефиниция рассматриваемому термину [10].

Следует отметить, что антикоррупционное законодательство стран СНГ также не характеризуется единством подхода к регулированию данного вопроса, в каждом государстве имеются свои особенности его правовой регламентации, выражающиеся в наличии или отсутствии понятия или перечня коррупционных правонарушений, их содержании, классификации и дифференциации ответственности. Сравнительный анализ действующих антикоррупционных законов в ряде стран постсоветского пространства показывает, что определение термина «коррупционное правонарушение» содержат законы Казахстана, Узбекистана, Украины. В подобного рода законах Таджикистана, Туркменистана раскрывается понятие «правонарушения, связанного с коррупцией», а в Законе Молдовы «О неподкупности» перечисляется, что относится к коррупционным проявлениям. В законах Российской Федерации, Азербайджана, Кыргызстана понятие «коррупционное правонарушение» не раскрывается, как и в отечественном Законе. Также следует отметить, что если в Законе Республики Беларусь отдельно закреплены перечни правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, то в ряде других стран СНГ (например,

Российской Федерации, Казахстане, Узбекистане, Украине) такие перечни непосредственно в антикоррупционных законах отсутствуют. При этом из системного анализа закона Республики Казахстан следует, что правонарушения, создающие условия для коррупции, входят в понятие коррупционных правонарушений.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, устанавливая ответственность за коррупционные преступления, административные коррупционные правонарушения, коррупционные проступки, коррупционные гражданско-правовые деликты, отечественное антикоррупционное законодательство не содержит определение понятий «коррупционное преступление», «административное коррупционное правонарушение». По нашему мнению, такой подход законодателя может стать результатом неточного определения уровня коррупционных правонарушений и привести к неверной оценке эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупционными деликтами.

По смыслу Закона к коррупционным правонарушениям в обобщенном виде следует относить несоблюдение должностным лицом (специальным субъектом) ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством в целях противодействия коррупции. Как отмечалось ранее, негативным фактором следует признать тот факт, что действующее отечественное законодательство не содержит четкого перечня конкретных составов коррупционных правонарушений (за исключением коррупционных преступлений). По нашему мнению, использование подобной правовой конструкции порождает в какой-то степени неопределенность или неоднозначность понимания Закона и толкования его норм, вследствие чего предполагает свободу усмотрения правоприменителей при решении вопроса об отнесении того или иного деяния к коррупционному правонарушению.

Как следует из содержания ст. 37 Закона, перечень установленных законодателем коррупционных правонарушений является исчерпывающим, что на наш взгляд, является не совсем правильным с учетом динамично развивающихся общественных отношений и скорости трансформации форм коррупции в современном обществе. Так, ч. 1 ст. 37 Закона сегодня описывает 11 видов коррупционных деликтов, включающих в себя различные варианты коррупционного поведения. При этом законодатель не определяет вид ответственности, которая наступает за каждое из таких правонарушений (уголовная, административная, дисциплинарная или гражданско-правовая).

Определение отраслевой принадлежности с отнесением правонарушений к уголовным, административным, гражданско-правовым, дисциплинарным возможно лишь путем сопоставления норм антикоррупционного законодательства с законодательством в этих сферах. Системный анализ соотношений коррупционных правонарушений, предусмотренных ст. 37 Закона, с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), Трудовым кодексом Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь свидетельствует о том, что в перечень коррупционных правонарушений, входят 10 составов преступлений, 1 состав административного правонарушения, 3 дисциплинарных деликта и 1 гражданско-правовой. Указанное подтверждает, что понятия «коррупционное правонарушение» и «коррупционное преступление» не совпадают, первое, очевидно, гораздо шире, поскольку включает в себя не только уголовно наказуемые деяния, но и административные, дисциплинарные и гражданско-правовые деликты.

Понятие института «коррупционного правонарушения» было разработано на межгосударственном уровне и нашло отражение в Соглашении о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией (заключено в г. Астане 25.04.2007 г.; далее – Соглашение). В ст. 2 Соглашения под коррупционным правонарушением понимается «не влекущее уголовной ответственности нарушение существующего порядка несения службы и исполнения своих профессиональных обязанностей, допущенное лицами, которые национальным законодательством государств Сторон отнесены к категории должностных лиц или приравненных к ним, если такое нарушение содержит признаки коррупции, а равно невыполнение ими запретов, правил, установленных национальными нормативными правовыми актами». Далее в ч. 1 ст. 4 Соглашения устанавливается перечень коррупционных преступлений: получение взятки; дача взятки; злоупотребление властью или служебными полномочиями; служебный (должностной) подлог; хищение путем злоупотребления должностными полномочиями, а равно присвоение или растрата чужого имущества, совершенные с использованием служебного положения. Соглашением также предусмотрена возможность отнесения иных деяний к числу коррупционных преступлений.

Во многих государствах определен отдельно перечень уголовно наказуемых деяний, которые относятся к коррупционным. Указанные перечни могут содержаться в нормативно-правовых актах различной правовой легитимности. Например, в Республике Казахстан и Украине такой перечень содержится в Уголовном кодексе, а в Российской Федерации он определен ведомственным нормативным актом.

В Республике Беларусь перечень уголовно наказуемых деяний, которые относятся к числу коррупционных, установлен совместным постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета Государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета Государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 (далее – Перечень). К числу указанной категории преступлений относятся 10 преступлений (ст. 210, ч. 2 и 3 ст. 235, ч. 2 и 3 ст. 424, ч. 2 и 3 ст. 425, ч. 2 и 3 ст. 426, стст. 429 – 432, ч. 1 ст. 455 УК). При этом в разные периоды становления отечественного антикоррупционного законодательства указанный перечень менялся. В первой редакции Инструкции МВД о порядке заполнения регистрационных карточек единой государственной системы регистрации и учета правонарушений

(утверждена постановлением МВД Республики Беларусь от 18.08.2006 г., № 231), он включал в себя 14 видов коррупционных преступлений. Кроме того, практически идентичный перечень содержится в примечании к ст. 90 УК, который в силу положений уголовного закона распространяется на стст. 90 и 91 УК.

Как видно, в настоящее время отечественный законодатель пошел по пути сужения количества коррупционных составов преступлений, что является не совсем оправданным и логичным. К примеру, в данный перечень не включен состав такого преступления, как контрабанда, совершенная с использованием служебных полномочий (ч. 3 ст. 228 УК), и напротив, не понятно, чем руководствовался законодатель, исключая из перечня такое очевидно коррупционное преступление, как «Незаконное вознаграждение» (ст. 433 УК). Кроме того, очевиден тот факт, что не все составы коррупционных преступлений, установленные Перечнем, находят свое отражение в перечисленных в ст. 37 Закона. В этой связи видится целесообразным на законодательном уровне более тщательно и взвешенно подойти к установлению перечня коррупционных преступлений, расширить данный перечень с учетом составов УК, имеющих признаки коррупционных преступлений, а также привести его в логическое соответствие с перечнем коррупционных правонарушений, влекущих уголовную ответственность, содержащимся в Законе. На наш взгляд, перечень коррупционных преступлений должен быть расположен в общей части УК и распространять свое действие на весь уголовный закон.

Выше обозначенное Соглашение также устанавливает, что критериями, в соответствии с которыми преступление может быть отнесено к коррупционным, является следующая их совокупность:

- 1) совершение деяния, отнесенного национальным законодательством государств Сторон к преступлениям;
- 2) совершение преступления лицом, которое в соответствии с национальным законодательством государства Стороны определено как должностное, или иным лицом в форме подкупа;
- 3) наличие у должностного лица корыстных побуждений или иной личной заинтересованности;
- 4) преступное использование своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей (ст. 3).

На наш взгляд, указанные правовые нормы Соглашения могут быть приняты во внимание в процессе совершенствования отечественного антикоррупционного законодательства, однако с учетом положений ст. 37 Закона.

То обстоятельство, что действующее национальное законодательство не содержит официального толкования того, какие из коррупционных правонарушений следует относить к иным (не уголовному) отраслям, безусловно, существенно затрудняет применение законодательства и вызывает много спорных вопросов. В этой связи видится необходимым на законодательном уровне определить, кроме перечня коррупционных преступлений, также и перечни административных, гражданско-правовых и дисциплинарных коррупционных правонарушений. В отдаленной перспективе, по нашему мнению, законодателю следует рассмотреть вопрос о выделении в КоАП отдельной главы, посвященной административной ответственности за правонарушения коррупционного характера. Подобный опыт уже имеется в практике других государств постсоветского пространства, например, в кодексе об административных правонарушениях Украины¹ имеется отдельная глава 13-А «Административные правонарушения, связанные с коррупцией», в которую включены 9 административных коррупционных деликтов, в кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях² – глава 34 «Административные коррупционные правонарушения», состоящая из 6 составов административных коррупционных правонарушений.

В Республике Беларусь также предпринималась попытка систематизировать административные коррупционные правонарушения в отдельную главу в период действия кодекса об административных правонарушениях 2003 года. Сотрудниками НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь был подготовлен проект Закона о внесении дополнений и изменений в указанный выше кодекс, предусматривающий включение в него главы 22-1 «Коррупционные административные правонарушения» с семью составами административных коррупционных правонарушений [11, с. 499–502], однако он не был поддержан законодателем.

В научной среде до настоящего времени не имеется единого мнения относительно необходимости концентрации коррупционных правонарушений в одной главе отраслевого кодекса.

Так, Н.М. Юрашевич, ещё в период действия Закона «О борьбе с коррупцией» 2006 г., высказывался о необходимости выделить коррупционные деликты в отдельную главу КоАП, четко дифференцировав квалифицирующие обстоятельства и санкции, скоррелировать наименования глав и статей, содержание объективной стороны конкретных административных коррупционных деликтов с аналогичными составами преступлений, помещенными в УК, разнообразить санкции по административным коррупционным деликтам, обеспечить альтернативность взыскания [12]. Диаметрально противоположной позиции в этом вопросе придерживается Н.А. Кукин, который полагает, что «выделение самостоятельных составов коррупционных правонарушений (преступлений) для каждой сферы деятельности и объединение имеющихся составов правонарушений (преступлений) в самостоятельные «коррупционные» перечни или главы отраслевых кодексов невозможны ввиду разнородности родового объекта коррупционных правонарушений (собственность, экономическая деятельность, государственная власть, военная служба и т.п.) и, соответственно, их рассредоточения в разных нормативных правовых актах, так и в главах отраслевых кодексов даже при наличии общих коррупционных критериев и признаков. В связи с попытками упорядочивания рассматриваемых отношений может возникнуть опасность необоснованного расширения понятия коррупционного правонарушения» [4].

¹ URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418317#pos=6;-142.

² URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31577399#pos=5;-140.

Наши взгляд и позиция в этом вопросе совпадают с мнением ученых-правоведов, которые находят необходимым и оправданным объединение административных составов правонарушений коррупционной направленности в одну главу. Полагаем, что указанная корректировка закона позволит унифицировать и систематизировать административные коррупционные деликты, четко очертить их границы, а также устранить имеющуюся правовую неопределенность и ограничить усмотрение правоприменителей при идентификации административных правонарушений как коррупционных.

Для правильного понимания сути коррупционного правонарушения в первую очередь необходимо установить его легальное толкование в Законе (ст. 37), а также определить критерии, по которым правонарушение следует относить к коррупционному. В самом общем виде дефиниция коррупционного правонарушения была сформулирована в Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 22-15, Санкт-Петербург, 15.11.2003 г.), согласно ст. 2 которого «под коррупционным правонарушением понимается деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность». При таком подходе единственным критерием дифференциации коррупционных правонарушений определен вид ответственности, установленной за их совершение. К тому же, наряду с такой конструкцией должны быть также четко определены и признаки коррупции.

В 2022 г. в Астане было заключено Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых государств о противодействии коррупции (заключено в г. Астане (Нур-Султане) 14.10.2022 г.), которое закрепило следующее понятие коррупционного правонарушения: «это деяние (действие или бездействие), обладающее признаками коррупции, за которое законодательством Сторон установлена административная, гражданско-правовая или дисциплинарная ответственность». Далее предлагаем рассмотреть некоторые научные воззрения по вопросу определения содержания термина «коррупционное правонарушение».

К примеру, Т.Л. Козлов предлагает понимать под коррупционным правонарушением «употребление публичным лицом своего публичного положения в частных целях вопреки законным интересам общества и государства для получения преимуществ, а также нарушение нормативно установленных правил, предназначенных для предупреждения коррупции, влекущие юридическую ответственность, установленную законом» [5]. С такой же позиции определения через призму конфликта между публичным и частным интересом коррупционное правонарушение рассматривает и А.Д. Ильяков, утверждая, что «в основе любого коррупционного правонарушения лежит конфликт интересов лиц, занимающих публичные должности в системе государственного управления и обладающих в связи с предоставленными им государством полномочиями соответствующим влиянием, которое может быть использовано ими в личных интересах, в том числе вопреки интересам государства» [13]. А.В. Башан определяет коррупционное правонарушение как «виновное действие (бездействие) государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица, за которое нормативными правовыми актами в сфере борьбы с коррупцией предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая либо дисциплинарная ответственность» [14, с. 46]. С.К. Илий трактует правонарушение коррупционной направленности как «действие (бездействие) физического или юридического лица, совершаемое умышленно либо по неосторожности как с использованием своего служебного полномочия, так и с отступлением от своих прямых прав и обязанностей» [8, с. 465]. О.В. Ванновская дает определение коррупционного правонарушения с позиции социального статуса личности: «коррупционное поведение является разновидностью социального поведения, представляет собой поступки и действия должностного лица, затрагивающего интересы отдельных лиц, групп, общества» [15, с. 102].

Рассмотренные дефиниции в достаточной степени коррелируют с действующим отечественным антикоррупционным законодательством. Кроме того, анализируя разные научные воззрения по вопросу дефиниции «коррупционное правонарушение», можно с большой долей уверенности констатировать наличие общей юридической основы в применяемых учеными-правоведами подходах, которые базируются на имеющемся в теории государства и права определении понятия «правонарушение».

Заключение. Оставаясь одним из самых пагубных явлений в современном мире, коррупция препятствует нормальной реализации гражданами своих прав в различных сферах: здравоохранения, образования, социального обеспечения, имущественных отношений и др. Борьба с этим негативным явлением – одна из важнейших задач государства и общества, а для достижения эффективных и положительных результатов в таком противодействии уполномоченные государственные органы и общество должны иметь четкие и понятные правовые механизмы, установленные законодательством. Любая правовая неопределенность в сфере законодательства по борьбе с коррупцией должна быть исключена. На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Точкой отсчета в формировании национального антикоррупционного законодательства следует считать 15 июня 1993 г., когда был принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией», разработка которого была продиктована необходимостью в период становления государственности и с учетом перехода к рыночной экономике обуздать нарастающие коррупционные проявления как существенное препятствие для развития нормальных экономических отношений. Однако нормативное закрепление термина «коррупционное правонарушение» произошло гораздо позже, когда 20 июля 2006 г. была принята новая (третья по счету) редакция Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Законодатель счел целесообразным его изложить не в виде обобщенной формулировки, а как описание десяти противоправных деяний, влекущих ответственность в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. Четвертая редакция

Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 г. не внесла существенных изменений в рассматриваемое понятие, и на сегодняшний день оно представляет описание одиннадцати исчерпывающих противоправных деяний, которые отнесены к категории коррупционных и в соответствии с законодательными актами за совершение которых предусмотрена уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность.

2. Сравнительный анализ антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ свидетельствует о том, что отдельные государства (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина) восприняли рекомендации новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции» (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств № 31-20 от 25.11.2008), где понятие «коррупционное правонарушение» сформулировано в обобщенном виде. Другие государства используют понятие коррупционного правонарушения, но не раскрывают его содержание (Российская Федерация, Азербайджан, Кыргызстан). Первый подход, по мнению большинства исследователей, является более целесообразным, поскольку уходит от закрытого перечня коррупционных правонарушений, который не позволяет учитывать возникающие со временем новые проявления коррупции, в том числе влекущие дисциплинарную ответственность, а совершенствование антикоррупционного законодательства в этой связи всегда запаздывает.

3. Предлагается следующая авторская дефиниция понятия «коррупционное правонарушение», которую целесообразно включить в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 г. № 305-3 (в ред. от 24.05.2024) «Основные термины и их определения, применяемые в настоящем Законе»:

Коррупционное правонарушение – это противоправное, виновное, общественно опасное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, как с использованием своего служебного положения, так и с отступлением от своих прямых прав и обязанностей, а также содержащее признаки коррупции, определенное национальным законодательством, за совершение которого нормативными правовыми актами предусмотрена уголовная, административная, дисциплинарная либо гражданско-правовая ответственность.

Наряду с вышеуказанным термином необходимо ввести также понятие «коррупционная преступность» как составную часть коррупционного правонарушения, а также нормативно закрепить не только перечень коррупционных преступлений, но и составы коррупционных правонарушений, влекущих административную ответственность. Это позволит не только более точно оценивать пораженность коррупцией различных сфер общественных отношений, но и проиллюстрирует эффективность принимаемых правоохранительными органами профилактических мер по противодействию коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барков А.В. Эволюция законодательства о противодействии коррупции // Право.by. – 2014. – № 6. – С. 5–8.
2. Хлус А.М. Административные коррупционные правонарушения: теоретические и прикладные проблемы [Электронный ресурс] // Верховенство права: человек в государстве: сб. науч. ст., докл. преподавателей, ученых, практиков-участников Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф., Ижевск, 20 апр. 2017 г.: в 2 ч. / Всерос. гос. ун-т юстиции, Ижев. ин-т (фил.); науч. ред. Е. В. Федорова. – Ижевск, 2017. – Ч. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Шабуневич С.Н. О некоторых направлениях совершенствования законодательства о юридической ответственности должностных лиц за совершение коррупционных правонарушений // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия: сб. материалов круглого стола, 4 марта 2017 г., Минск / БГУ; редкол.: Г.А. Василевич и др. – Минск: БГУ, 2017. – С. 155–163.
4. Кукин Н.А. Коррупционное правонарушение научно-практические проблемы определения понятия, состава, субъекта // Молодой ученый. – 2020. – № 16(306). – С. 93–101.
5. Козлов Т.Л. О правовой природе и содержании коррупционного правонарушения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 268–273.
6. Коробченко В.В., Иванкина Т.В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7. – С. 31–41.
7. Добрабаба М.Б., Чаннов С.Е. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. – 2021. – № 11. – С. 88–101.
8. Илий С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 460–468.
9. Буянова К.А. Коррупционное деяние в XXI в.: международные стандарты и национальные подходы // Административное право и процесс. – 2023. – № 2. – С. 64–68.
10. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / А.В. Барков и др.; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Амалфея, 2017. – 603 с.
11. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова и др.; под общ. ред. В.М. Хомича – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.
12. Юрашевич Н.М. Состояние и тенденции развития антикоррупционного законодательства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Ильяков А.Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления // Современное право. – 2016. – № 4. – С. 32–36.

14. Противодействие коррупции: учеб. пособие / А.В. Башан и др.; под общ. ред. А.В. Башана; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Академия МВД, 2022. – 164 с.
15. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323–328.

Поступила 09.09.2024

THE TERM "CORRUPTION OFFENSE": CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

A. KOTOVA

(National center of legislation and legal information of the Republic of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the improvement of legal regulation of such a key concept in the field of anti-corruption legislation as "corruption offense", which is contained in Art. 37 of the Law "On the Fight against Corruption". Attention is drawn to the need for a normative establishment of a list of corruption offenses that entail administrative liability. This article attempts to examine in detail the term "corruption offense", comparing it with "corruption crime", provides a historical aspect of this institution, a comparative analysis with the legislation of a number of CIS countries, and also proposes to determine its legal definition, which is absent in the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: *corruption, corruption offense, corruption crime, official, power, property gain.*

УДК 366.546

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-88-92

КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ТРЕХМЕРНОЙ БИОПЕЧАТИ (БИОПРИНТИНГА) С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕХАНИЗМОВ ПАТТЕРНОВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

канд. юрид. наук **Е.Н. КУДРЯШОВА, Я.А. КУРТО**
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
Яна Курто ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0968-3921>

В данном исследовании процедура биопринтинга рассматривается как медицинская услуга с целью анализа существующих методов защиты нарушенных прав потребителей и разработки концепции юридической ответственности на основе механизмов паттернов, установленных законодательством о защите прав потребителей. Рассматривается современное положение трехмерной печати в законодательстве Республики Беларусь. Исследуются особенности защиты прав потребителей в контексте применения технологии биопринтинга, а именно судебная защита на базе договорных и деликтных правоотношений и установление лиц, которые должны нести ответственность при совершении действий, имеющих признаки правонарушения или преступления. Предлагается применение концепции «product liability» в целях защиты прав потребителей при реализации технологии трехмерной печати. Имплементация названной теории в законодательство Республики Беларусь позволит повысить эффективность защиты интересов потребителей.

Ключевые слова: биопринтинг, биопечать, медицинская услуга, защита прав потребителей, юридическая ответственность.

Введение. Биопринтинг является инновационной технологией, которая потенциально может помочь решить ряд современных проблем в сфере медицины, а также увеличить эффективность медицинских процедур, снизить зависимость от донорских органов и тканей и способствовать развитию персонализированной медицины. Эффективность использования технологии в медицинской сфере подтверждается успешным проведением операций во всем мире. Разработка сканирования и печати органов и тканей с использованием живых клеток повышает возможности биопринтинга и, соответственно, делает возможным достижение цели биопечати – сохранение здоровья и жизни отдельного человека. Регулирование биопринтинга становится неотъемлемой потребностью в связи с созданием органных и тканевых конструктов, требующих определенного качества и безопасности. Несмотря на очевидное преимущество использования технологии в медицинской сфере, достижение целей биопринтинга, а именно поддержание и улучшение состояния здоровья конкретного человека, возможно лишь при установлении требований к безопасности, качеству и эффективности процесса биопечати и конечного продукта.

Среди научных работ, посвященных теме исследования, стоит отметить диссертации Л.Т. Гибадуллиной, в которой внимание уделяется вопросам гражданско-правовой охраны прав потребителей медицинских услуг, и К.В. Егорова, в которой был проведен анализ проблемы пределов причинения правомерного вреда, вызванного медицинским вмешательством. Отдельные концепции защиты прав и интересов потребителей медицинских услуг рассмотрены в трудах таких авторов, как Л.В. Высоцкая, В.П. Мороз, В.В. Шилко и др. Вопрос юридической ответственности при реализации технологии трехмерной биопечати в контексте защиты прав потребителей в отечественной юридической литературе ранее не рассматривался.

Нормативную основу исследования составляют как законодательство Республики Беларусь, так и нормы международного права. В рамках работы были проанализированы Гражданский кодекс Республики Беларусь, Законы Республики Беларусь «О здравоохранении», «О защите прав потребителей», постановление Пленума Верховного Суда от 24.06.2010 №4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей» и др.

Данное исследование направлено на разработку правовой концепции юридической ответственности при применении технологии трехмерной печати с использованием механизмов паттернов, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. Изучение настоящего состояния правового регулирования защиты прав потребителей при осуществлении биопринтинга.
2. Определение сущности правовых отношений, возникающих в связи с трехмерной печатью искусственных органов на основе биологического материала человека.
3. Выявление механизмов паттернов, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, в контексте биопринтинга.
4. Установление круга лиц, привлекаемых к ответственности при нарушении прав потребителя.
5. Предложение концепции юридической ответственности при реализации технологии трехмерной печати.

Основная часть. Биопринтингом признается современная медико-цифровая технология, представляющая собой метод печати тканевых конструктов (кожа, кровеносные сосуды, органы) путем послойного нанесения биологического материала (клеток, биологических молекул и биоматериалов (к примеру, гидрогелей) для создания трехмерных (3D) твердых биомедицинских структур согласно заданным характеристикам (цифрового файла

(цифрового шаблона). Технология биопринтинга предполагает синтез клеток человека и иных искусственных материалов с проведением хирургических процедур по имплантации напечатанного «искусственного» органа [1]. На данный момент международно-правовые акты не содержат в себе правовых норм, которые бы позволили полноценно регулировать печать тканей и органов и их последующую трансплантацию без формирования правовых коллизий и пробелов. Нормативные базы Канады, Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза содержат правовые акты по производству технологий 3D-печати, но ни один из них не содержит каких-либо положений, касающихся трехмерной биопечати [2].

В марте 2024 г. Европейский парламент проголосовал за принятие новой Директивы об ответственности за качество продукции (Product Liability Directive) (далее – Директива), которая в случае её одобрения Советом Европейского союза распространит своё действие на территорию Европейского союза и заменит собой устаревшую Директиву от 25 июля 1985 г. № 85/374/ЕЭС «Относительно сближения законодательств государств-членов, касающихся ответственности за выпуск неисправной продукции»¹. Принятие директивы имеет ключевое значение в сфере регулирования защиты прав потребителей услуги биопринтинга, так как документ устанавливает институт ответственности производителя через концепцию «product liability». Если истец хочет получить компенсацию за причиненный ему вред, он должен доказать, что рассматриваемый продукт был дефектным. Устанавливаются условия, которые должны учитываться при принятии решения о дефектности продукта, в том числе о его соответствии требованиям безопасности продукта, а также о решении вопроса о возникновении ранее проблемы безопасности продукта. В Директиве содержится предложение о том, чтобы суды предписывали любому ответчику раскрывать имеющиеся в их распоряжении доказательства, не ограниченные коммерческой тайной. Определяются требования, при которых презюмируются наличие дефекта и причинно-следственной связи между дефектом продукта и ущербом. Следует, что новая Директива перекладывает бремя доказывания на производителя или исполнителя услуги, предоставляя истцу большую возможность компенсации ущерба, на основании того, что производители более осведомлены о применяемых технологиях, чем потребители [3].

Для определения верного направления защиты прав потребителей и формирования единого вывода исследования представляется необходимым провести анализ современного правового положения технологии биопечати.

К продуктам биопринтинга может быть применим различный режим – от лекарственного средства до медицинского изделия. Законодатель определяет медицинскую помощь как комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включающий медицинскую профилактику, диагностику, лечение, медицинскую абилитацию, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемый медицинскими работниками². Понятие «медицинская помощь» включает в себя и медицинскую услугу, являясь по отношению к последней родовым понятием. Под медицинской услугой следует понимать медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, а также иные действия, выполняемые при оказании медицинской помощи. Во время процесса биопринтинга осуществляется целый ряд медицинских вмешательств, например, взятие биоматериала. На основании вышеизложенного предлагается определить процесс биопринтинга как медицинской услуги. Из этого следует, что биопринтинг стоит относить к медицинской услуге, а не к медицинской помощи, т.к. помощь осуществляется при имплантации биопринтного органа или ткани.

Предложенный вариант отнесения биопринтинга к разновидности медицинской помощи, а именно к медицинской услуге, с точки зрения современного белорусского законодательства порождает вопрос о необходимости получения лицензии на осуществление такого рода деятельности по признаку представления повышенной опасности для жизни и здоровья граждан. Представляется, что дополнение ст. 206 Закона Республики Беларусь «О лицензировании» позволит гарантировать качество и безопасность процедуры³.

Специфика медицинских услуг состоит в том, что они в меньшей степени, чем другие услуги, поддаются регламентации нормативно закрепленными правилами [4]. Применение технологии биопринтинга не дает гарантии того, что медицинская услуга будет исполнена качественным и безопасным способом, и, следовательно, не приведет к нарушению прав лица, в отношении которого услуга реализуется. Для осуществления полной и основанной на законе защиты прав граждан стоит обратиться к иным отраслям права и нормативным правовым актам, регулирующим спорные правоотношения. Процесс биопринтинга представляет интерес с точки зрения действующего законодательства о защите прав потребителей.

Законодательство о защите прав потребителей распространяется на отношения по договору между физическим лицом – потребителем, приобретающим товар (работу, услугу) или использующим товар (результат работы, услуги) исключительно для нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, – с одной стороны, и организацией, индивидуальным предпринимателем, иным физическим лицом, реализующим товары, выполняющим работы или оказывающим услуги, – с другой стороны⁴. Из этого следует, что исполнителем

¹ URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/1985/374/oj>.

² О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г., № 2435-XII. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435>.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435>.

⁴ О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24.06.2010, №4 / Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции. – URL: https://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/prop/42451de5fbaf48dc.html.

услуги признается учреждение здравоохранения, оказывающее медицинскую услугу по биопечати искусственно созданного органа на основе клеток человека, а потребителем – лицо, предоставившее свой биологический материал для исполнения услуги. В случае, если услуга оказывается на платной основе в государственных учреждениях здравоохранения, она предоставляется на основании письменного договора⁵. Платная медицинская помощь, предоставляемая вне государственных учреждений здравоохранения, также будет иметь договорной характер. Следовательно, правоотношения, складывающиеся в связи с созданием биопринтных органов и тканей человека, относятся к договорным правоотношениям.

Договорные отношения оказания медицинских услуг по применению технологии биопечати осложнены вопросом привлечения к ответственности за ненадлежащее оказание медицинских, в том числе дифференциации договорной и деликтной ответственности при наступлении неблагоприятных последствий. По общему правилу право выбора иска из договора или из деликта принадлежит гражданину-потребителю, которому был причинен вред вследствие недостатков товара, работы или услуги. При ненадлежащем выполнении исполнителем медицинской услуги своих обязанностей под угрозу ставятся объекты правоотношения – здоровье и жизнь потребителя. Так как в силу своей специфики названные неимущественные блага не подлежат восстановлению, то основными общими способами защиты прав потребителя такой медицинской услуги, как биопринтинг, будут являться возмещение убытков, взыскание неустойки и компенсация морального вреда [5].

При нарушении законных прав граждан при исполнении медицинской услуги, исполнитель может понести ответственность за нарушение договорных обязательств. Способ защиты определяется потребителем, права которого были нарушены, исходя из специфики права и характера правонарушения [6]. Пункт 3 ст. 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь указывает, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законодательством. Таким образом, различается правомерный вред, то есть вред, причиненный правомерными действиями, и неправомерный.

Противоправное действие исполнителя в отношении по применению методов биопечати может представлять собой оказание услуги по выполнению определенного медицинского вмешательства с нарушением установленного порядка. Следовательно, необходимо определить пределы правомерного причинения вреда. Доктринально выделены следующие требования: цель медицинского вмешательства, добровольное информированное согласие пациента, качественно и безопасно проведенное медицинское вмешательство, обоснованность риска причинения вреда [7]. Для признания медицинского вмешательства противоправным достаточно, чтобы воздействие или манипуляция, выполняемые медицинским работником при оказании медицинской помощи, не соответствовали хотя бы одному из правил и методов, существующих в медицине, знание и применение которого является в данном конкретном случае обязательным [4]. Нарушение описанных требований влечет признание медицинской услуги неправомерной и является основанием для восстановления нарушенных прав.

Любое нарушение договорного обязательства со стороны медицинской организации может повлечь физические и нравственные страдания, что дает право обращаться к мерам деликтной ответственности в виде требования о компенсации морального вреда. Для этого необходима совокупность следующих условий: совершение действий, нарушающих личные неимущественные права либо посягающих на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага; наличие вследствие этого физических либо нравственных страданий.

Кроме гражданско-правовой ответственности, отрицательные юридические последствия для исполнителя медицинской услуги могут наступить и на основании Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Так, административная ответственность наступает при обмане потребителей работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, осуществляющих реализацию товаров, выполнение работ или оказание услуг, либо обман потребителей индивидуальным предпринимателем, осуществляющим такую же деятельность⁶. Применение данной нормы относительно технологии биопринтинга возможно, к примеру, при получении исполнителем большей суммы денег в качестве оплаты за медицинскую услугу, чем её стоимость в действительности, включая забор материалов, их стоимость и создание искусственного органа. Использование материалов, не соответствующих установленным договором, заключенным между исполнителем и потребителем, на стадии производства также обладает признаками обмана потребителей. Важным является условие наличия умысла в действиях, содержащих признаки обмана.

Уголовная ответственность затрагивает необходимость защиты жизни и здоровья граждан. Уголовным кодексом Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за выполнение работ либо оказание услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни или здоровья потребителей, повлекшие по неосторожности причинение менее тяжкого телесного повреждения. Квалифицирующим признаком является наступление смерти человека либо причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности. Таким образом, уголовная ответственность предусмотрена при наличии умысла к оказанию услуги, заведомо не отвечающей безопасности для жизни или здоровья потребителей, и неосторожности в отношении наступивших последствий.

⁵ См. сноску № 2.

⁶ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 03.04.2024 г. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091&p1=1>.

Изготовление продукта биопринтинга, не обладающего надлежащим качеством, то есть органа, имплантация которого в тело человека повлекла неблагоприятные для его жизни и здоровья последствия, соответствует критериям, описанным в ст. 338 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Кроме того, важно определение круга лиц, привлекаемых к ответственности при наступлении последствий для жизни и здоровья потребителя. Поскольку процесс трехмерной печати состоит из нескольких стадий, повреждение создаваемых тканевых конструктов может возникнуть на любом из этапов. На стадии построения модели органа стоит учитывать как человеческий фактор, создающий риск неверно разработанной модели, так и вероятность программного сбоя. На стадиях процессинга и пост-процессинга возможно привлечение к ответственности производителей биоприонера и лиц, ответственных за процессинг. При трансплантации готового органа в организм человека ответственность за жизнь и здоровье потребителя несет медицинский работник, проводящий операцию.

Существенную сложность представляет установление причинной связи между противоправным деянием и причиненным в результате исполнения медицинской услуги вредом. При возникновении спора между потребителем и исполнителем по поводу недостатков выполненной работы (оказанной услуги) или их причин исполнитель должен провести экспертизу результата выполненной работы (оказанной услуги, если это возможно по характеру услуги) за свой счет⁷. По делам о возмещении вреда здоровью или жизни гражданина вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между вредом и деянием исполнителя ставится на разрешение эксперта [8]. Так, тяжесть телесных повреждений определяется медицинской экспертизой, проведение которой после попадания искусственного органа в тело человека становится практически невозможным без создания дополнительных рисков для его жизни и здоровья, что вызывает трудности для определения причинно-следственной связи между наступившими последствиями и действиями исполнителя услуг, а также его вины. Виды и порядок проведения медицинских экспертиз установлены главой 6 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении».

По общему правилу, лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законодательством или договором предусмотрены другие основания ответственности. Лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение обязательства невозможно вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Вина за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора может лежать и на лице, обратившемся за выполнением медицинского вмешательства, например, при нарушении сроков посещения врача для выполнения вмешательства, несообщении врачу об имеющихся заболеваниях, делающих невозможным выполнение такого вмешательства, либо невыполнение предписаний врача. В таком случае организация здравоохранения не несет ответственности за ненадлежащее оказание услуг [9]. Названные препятствия свидетельствуют о сложности определения причинно-следственных связей при рассмотрении дел о защите прав потребителей при реализации технологии трехмерной печати.

Предлагается применение концепции «product liability» (ответственности за качество продукции) при использовании технологии трехмерной печати. Названная концепция включает в себя принцип, при котором все лица, задействованные при создании продукта, например, производитель, исполнитель или иные субъекты, несут ответственность за вред жизни и здоровью, причиненный в результате потребления товара потребителем [10].

В Республике Беларусь аналог концепции «product liability» закреплен ст. 964 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре, работе или услуге, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, исполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет». Названные правила применяются лишь в случаях приобретения товара, выполнения работы или оказания услуги в потребительских целях, а не для использования в предпринимательской деятельности.

Сложность доказывания причинно-следственной связи между предоставленной услугой и наступившим вредом при использовании трехмерной печати затрудняет защиту прав пациентов через суд. Трудность состоит в необходимости доказывания истцом наступления вреда, причиненного здоровью, и установлении вины организации, предоставляющей услуги биопринтинга. Это приводит к высоким рискам для пациентов и невозможности их судебной защиты. Для справедливого рассмотрения подобных дел необходима разработка специальных критериев оценки причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившим вредом для принятия судом законного и обоснованного решения.

Заключение. В результате исследования получены следующие выводы:

1. Технология биопринтинга требует четкого правового регулирования и продолжения правовых исследований для её успешной интеграции в медицинскую практику.
2. Процесс биопечати следует рассматривать с точки зрения медицинской услуги в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Названная услуга будет иметь договорной характер.

⁷ О защите прав потребителей: Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г., № 90-3. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10200090>.

3. В случае, если исполнитель совершил деяние, которое привело к негативным последствиям в отношении пациента, право выбора иска из договора или из деликта принадлежит потребителю.

4. По общему правилу ответственность организации здравоохранения, оказывающей такую медицинскую услугу, как биопринтинг, возникает независимо от вины исполнителя.

5. Внедрение принципов «product liability» в законодательство Республики Беларусь позволит облегчить бремя доказывания истцов, обеспечить баланс между интересами производителей, пострадавших лиц и потребителей услуги биопринтинга в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шутова А. Юридикологический анализ понятия «3D биопринтинг» // Юрислингвистика. Legal linguistics. – 2022. – № 26. – С. 40–47.
2. An Overview of Clinical Applications of 3-D Printing and Bioprinting [Electronic resource] / PubMed. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31211545/> (date of access: 20.07.2024).
3. All change to the EU's strict product liability regime [Electronic resource] / Taylor Wessing. – URL: <https://www.taylorwessing.com/en/insights-and-events/insights/2022/10/all-change-to-the-eus-strict-product-liability-regime> (date of access: 10.08.2024).
4. Мороз В.П. Условия возмещения вреда пациенту, причиненного в результате медицинского вмешательства // Здравоохранение. – 2019. – № 4. – С. 53–60.
5. Гибадуллина Л.Т. Понятие, классификация и характеристика способов защиты прав потребителей медицинских услуг // Современное российское право: пробелы, пути совершенствования: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 15–16 янв. 2015 г. / Казан. (Приволж.) федер. ун-т; редкол.: Г.В. Синцова, В.В. Гошуляка. – Вып. 8. – С. 22–32.
6. Митрофанов А.В. Способы защиты прав и интересов потребителей // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2019. – Т. 2. № 6(15). – С. 49–51.
7. Егоров К.В. Правомерное и неправомерное причинение вреда в сфере медицинской деятельности: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – 190 л.
8. Высоцкая Л.В. Основание и условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере оказания платных медуслуг // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 149–156.
9. Шилко В.В. К вопросу об ответственности за нарушение обязательств из договоров оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий // Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов: сб. ст. Междунар. круглого стола, посвящ. 70-летию со дня рождения заслуж. работника образования Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. В.Н. Годунова, Минск. – 7 февр. 2024 г. – С. 446–455.
10. Reimann M. Liability for Defective Products at the Beginning of the Twenty-First Century: Emergence of a Worldwide Standard? // The American Journal of Comparative Law. – Sept. 2003. – 51(4):751. – P. 755.

Поступила 03.09.2024

THE CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY IN IMPLEMENTATION OF THREE-DIMENSIONAL BIOPRINTING TECHNOLOGY USING PATTERNS OF MECHANISMS PROVIDED BY CONSUMER PROTECTION LAW

K. KUDRASHOVA, Ya. KURTO
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

In this study, the procedure of bioprinting is considered as a medical service in order to analyze existing methods of protecting violated consumer rights and develop a concept of legal liability based on the mechanisms of patterns established by consumer protection legislation. The current state of three-dimensional printing in the law system of the Republic of Belarus is being examined. The specifics of consumer protection are studied in the context of the application of bioprinting technology, specifically, judicial protection based on contractual and tort legal relations and the identification of the subjects who should be held responsible for actions containing signs of an offense or a crime. The use of the concept of «product liability» is offered for in order to protect consumer rights during the use of 3D-printing technology. The implementation of this theory in the law system of the Republic of Belarus will increase the effectiveness of the protection of consumer interests.

Keywords: *bioprinting, medical service, consumer protection, legal responsibility.*

УДК 346.62

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-93-97

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНЫХ ФИНАНСОВ:
ПОНЯТИЕ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, РЕЖИМЫ**

канд. юрид. наук., доц. С.П. ПРОТАСОВИЦКИЙ
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9304-168X>

В статье автор обращается к концептуальным вопросам правового регулирования частных финансов, которые приобретают актуальность в связи с развитием неоклассического направления теории финансов. На основе положений общей теории права раскрывается понятие правового регулирования частных финансов, определяя его как нормативное моделирование правоотношений (юридических конструкций) в сфере частных финансов. Автор усматривает в нём четыре части: правовое регулирование сбережения, расчетов, финансирования и инвестирования в названной сфере. Поскольку цель такого регулирования состоит в реализации государственной политики, приводится объяснение существа и проявления этой политики. По мнению автора, она представляет собой формализованные в официальных документах основные цели, приоритеты, задачи и направления развития сферы частных финансов, а также общие подходы к их реализации. Отмечено, что правовое регулирование частных финансов не обходится без различных правовых режимов. Автор показывает сущность режима правового регулирования и приводит отдельные примеры правовых режимов в сфере частных финансов.

Ключевые слова: правовое регулирование, частные финансы, нормативное моделирование правоотношений, финансовая политика, правовой режим.

Введение. Правовое регулирование частных финансов как феномен социальной реальности формализуется в виде схемы «деятельность → предмет». Соответственно, его научное освоение состоит в познании предмета, предопределяющего особенности деятельности, и собственно деятельности. Ранее мы раскрыли частные финансы (объект правового регулирования) [1], а сейчас намерены уяснить специфику правового регулирования, имеющего своим объектом частные финансы.

Понятие правового регулирования является традиционным предметом научного интереса в теории права. Его изучение, отмечает Ю.И. Новик, возможно «в рамках различных подходов (специально-юридического, социологического, психологического) с использованием соответствующих методов познания»¹. В настоящем исследовании мы рассматриваем его с юридической стороны. Праворегулирующая деятельность имеет целевой характер и направлена на реализацию государственной политики, потому мы обращаемся к вопросу политики правового регулирования частных финансов. Если финансовая политика в целом уже достаточно изучена, то интенции государства при регулировании частных финансов ещё не подвергались теоретическому анализу. Правовое регулирование частных финансов не обходится без различных правовых режимов, что вызывает необходимость их выявления и объяснения. Режимы правового регулирования частных финансов пока не получили должной разработки в юридической науке. Таким образом, понятие правового регулирования частных финансов, его политика и режимы в науке не раскрыты, в связи с чем их исследование представляется актуальным.

Основная часть. Согласно Л.И. Антоновой, «исторически первым в советской литературе сложилось направление, сторонники которого понимали правовое регулирование исключительно как деятельность государства, создающего правовые акты и обеспечивающего их реализацию. Представители второго направления занимаются исследованием регулятивных возможностей самого права, абстрагируясь в основном от деятельности государства, создавшего соответствующие нормы закона. Они анализируют механизм регулирования общественных отношений правом, рассматривая последнее в качестве инструмента, рычага такого регулирования»². По нашему наблюдению, большинство авторов определяет правовое регулирование через деятельность (в той или иной формулировке), направленную на общественные отношения (поведение) и осуществляемую с помощью правовых средств. Так, по мнению С.Г. Дробязко, оно представляет собой «объективно обусловленное и объективно необходимое, верховенствующее, охраняемое государством социально справедливое, системное упорядочение поведения людей как носителей общественных отношений путем точного определения круга участников правовых отношений, их юридических прав, обязанностей и гарантий с целью обеспечения социального прогресса» [2, с. 443].

Наиболее распространенным обозначением процесса правового регулирования, выступает, пожалуй, термин «воздействие». «Правовое регулирование, – пишет С.С. Алексеев, – это осуществляемое при помощи права, всей системы правовых средств воздействие на общественные отношения, на поведение людей» [3, с. 158]. А.В. Поляков видит в нем «целенаправленное текстуальное (информационно-ценностное) правовое воздействие

¹ Новик Ю.И. Психологические аспекты правового регулирования (теоретическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / БГУ. – Минск, 1990. – С. 13.

² Антонова Л.И. Вопросы теории локального правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / ВПШК. – Л., 1988. – С. 18–19.

на субъектов правовой коммуникации, вызывающее их ответное поведение, адекватное воздействию тексту» [4, с. 608], а В.П. Гавриков – «результативное правовое воздействие государства на общественные отношения в целях их упорядочения и установления правопорядка в обществе посредством правотворчества и реализации права» [5, с. 233]. Вместе с тем, правовое воздействие охватывает, но не тождественно правовому регулированию. Последнее, подчеркивает С. С. Алексеев, «в отличие от иных форм правового воздействия... всегда осуществляется посредством своего „динамического инструментария“ – особого, свойственного только праву механизма, всего комплекса динамических систем и структур, призванных юридически гарантировать достижение правовых задач...» [6, с. 250]. На взгляд В.Р. Шарифуллина, «главным и специфическим в правовом регулировании выступает установление меры возможного и должного поведения посредством закрепления юридических прав и обязанностей участников общественных отношений...»³. «Если воздействие права на сознание и поведение людей оказывается... в самой общей форме, то регулирование выражается в более конкретной, а именно, в форме правового отношения...», – полагает Е.М. Хохлова⁴.

Регулируя общественные отношения, право часто не устанавливает конкретные права, обязанности и запреты, а позволяет субъектам самостоятельно их формулировать в определенных рамках. В связи с этим Л.Т. Бакулина выделяет два уровня правового регулирования: автономный (договорной) и односторонне-властный, качественное своеобразие которых обусловлено различиями в природе волевого взаимодействия субъекта право-регулятивной деятельности с участниками регулируемых общественных отношений⁵. Со своей стороны, Е.К. Шевырин не видит оснований «разграничивать правовое регулирование на государственно-правовое и негосударственное (саморегулирование), поскольку любая типологическая характеристика правовых средств не отменяет того факта, что это средства самого права как регулятора общественных отношений»⁶.

Мы разделяем позицию, согласно которой правовое регулирование представляет собой воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств. Совокупность таких средств образует механизм правового регулирования. По С.С. Алексееву, этот механизм имеет трехзвенное строение, характерное для правовых систем всех юридических типов:

- 1) юридические нормы – основа правового регулирования, когда на уровне позитивного права закрепляются в абстрактном виде типизированные возможности и необходимость определенного поведения субъектов;
- 2) правовые отношения, субъективные права и юридические обязанности, переводящие при наличии конкретных жизненных обстоятельств (юридических фактов) абстрактные возможности и необходимость на плоскость конкретных, адресных субъективных юридических прав и обязанностей;
- 3) акты реализации прав и обязанностей, в соответствии с которыми наступает запрограммированный в позитивном праве результат в жизни общества, фактически разрешается жизненная ситуация (дело) [6, с. 251–252].

Как видим, механизм правового регулирования охватывает не только воздействие права на общественные отношения, но и его эффект (реализацию права в различных формах). По этой причине В.М. Горшенев считает целесообразным разграничивать данное воздействие (активную сторону правового регулирования) и реализацию, претворение правовых предписаний в упорядоченность общественных отношений (результативную сторону) [7, с. 44]. На наш взгляд, переход от праворегулирования к правореализации происходит через правоотношение. При регулировании общественного отношения создается его правовая модель. С наступлением юридических фактов данная модель становится реальным правоотношением – программой реализации права для конкретных субъектов. Комбинации моделей правоотношений в сочетании с иными правовыми явлениями образуют юридические конструкции. Учитывая изложенное, уточняем позицию: правовое регулирование есть нормативное моделирование правоотношений (юридических конструкций).

Очевидно, что особенность правового регулирования частных финансов состоит в моделируемых правоотношениях, а именно в правоотношениях, возникающих при обладании финансовыми активами, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг, государственном регулировании частных финансов [8, с. 72]. Полученные результаты позволяют предложить следующее определение:

Правовое регулирование частных финансов – это нормативное моделирование правоотношений (юридических конструкций) в сфере частных финансов.

В то же время мы выделяем четыре области правоотношений в названной сфере. Значит, правовое регулирование частных финансов может быть разложено на четыре части и рассматриваться как правовое регулирование сбережения, расчетов, финансирования и инвестирования в сфере частных финансов.

³ Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – С. 16.

⁴ Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – С. 15.

⁵ Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / ИЗиСП. – М., 2019. – С. 35.

⁶ Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Самар. гос. экон. ун-т. – Н. Новгород, 2008. – С. 9.

Не вызывает сомнений, что праворегулирующая деятельность имеет целевой характер. Судя по публикациям, она направлена на обеспечение социального прогресса, достижение социально полезного результата, упорядочение и прогрессивное развитие общественных отношений, достижение стабильного в обществе правопорядка. В целом, так оно и есть, но все это можно выразить иначе: цель правового регулирования состоит в реализации государственной политики. Политика в сфере частных финансов охвачена финансовой политикой, которая выступает предметом изучения экономической науки и финансового правоправедения. «Вместе с тем, – отмечает Ю.М. Уласевич, – до настоящего времени единого и общепринятого определения финансовой политики государства среди ученых нет» [9, с. 84]. По мнению Г.Е. Кобринского, финансовая политика представляет собой «совокупность государственных мероприятий по использованию финансовых отношений для выполнения государством своих функций» [10, с. 329]. С точки зрения М.К. Фисенко, «финансовая политика – это деятельность государства по использованию финансов с целью экономического и социального развития общества» [11, с. 220]. В экономической литературе присутствуют и другие суждения о ней.

В правоправедении финансовая политика понимается преимущественно как публичная деятельность. Так, С.В. Мирошник видит в ней «деятельность государства... по разработке и реализации концептуальных идей, положений, программ, нацеленных на создание и совершенствование механизма финансово-правового регулирования общественных отношений» [12, с. 7]. В изложении Ю.А. Крохиной, «финансово-правовая политика есть основанная на правовых нормах публичная деятельность субъектов финансового права и политической власти по созданию оптимального механизма финансово-правового регулирования в целях планомерного аккумулирования, распределения и использования государственных (муниципальных) фондов денежных средств, а также деятельность стратегического характера, направленная на совершенствование финансовых отношений в целях установления баланса сфер влияния различных общественных (социальных) регуляторов» [13, с. 76].

Множественность взглядов на финансовую политику проистекает из многогранности более общего явления – политики. Ее «можно рассматривать: как сферу общественной жизни; как один из видов социальной активности (политическую деятельность) или как тип социальных отношений; как науку – т.е. политологию; как искусство завоевания власти, её удержания, искусство нахождения баланса интересов, искусство управления государством и т.д.» [14, с. 19]. Финансовую политику в настоящем исследовании мы воспринимаем в контексте государственного управления. Очевидно, что в его основе лежат концептуальные идеи и ценностные ориентации, которые обнаруживают политику государства, в том числе финансовую.

В соответствии с абз. 6 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. «О государственном прогнозировании и государственном планировании» концепция как базовый программный документ содержит «комплексное изложение основных целей, приоритетов, задач и направлений социально-экономического развития на определенный временной период, общие подходы к достижению поставленных целей». С нашей точки зрения, упомянутые цели, приоритеты, задачи, направления и общие подходы в своей совокупности образуют государственную политику. На основании изложенного под финансовой политикой мы понимаем *формализованные в официальных документах основные цели, приоритеты, задачи и направления развития сферы финансов, а также общие подходы к их реализации*. Сужая сферу до частных финансов, мы получаем представление об интересующей нас политике.

Государственная политика в сфере частных финансов открывается в результате анализа ряда ключевых документов: Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, Концепции правовой политики Республики Беларусь, Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, Концепции развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2023–2025 годы, Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы. Мы выделяем следующие ее компоненты:

- обеспечение финансовой стабильности;
- развитие финансового рынка;
- формирование благоприятного инвестиционного климата;
- стимулирование сбережений населения;
- защита прав потребителей финансовых услуг;
- цифровизация финансовых услуг;
- расширение безналичных расчетов;
- развитие сферы «зеленого» финансирования.

В настоящее время правовое регулирование частных финансов направлено на реализацию именно этих интенций белорусского государства. Являясь неотъемлемой частью правового воздействия на экономику, оно также обеспечивает претворение в жизнь экономической политики в целом.

Эффективность моделируемых правоотношений (юридических конструкций) зависит не только от их содержания, но и свойств объекта правового регулирования. В многообразии финансового имущества, частной финансовой деятельности, отношений в сфере частных финансов всегда есть общее и особенное. Когда последнее становится значимым для государства и его политики, законодатель устанавливает особый порядок регулирования, повышая тем самым его эффективность. Другими словами, правовое регулирование частных финансов не обходится без различных правовых режимов. Согласно С.С. Алексееву, правовой режим можно определить, как

порядок регулирования, который находит выражение в комплексе правовых средств, создающих особую направленность регулирования [6, с. 264]. Мы согласны с таким пониманием, но добавим, что источником правового режима выступает нечто особенное и значимое в объекте правового регулирования, вызывающее необходимость моделирования специальных правоотношений (юридических конструкций). Поэтому сущность правового режима заключается в специфике правового регулирования. Анализ законодательства в сфере частных финансов позволяет выявить множество правовых режимов разной степени общности. В качестве примера приведем некоторые из них: валютный, неплатежеспособности и санкционный.

Валютный правовой режим упорядочивает проведение валютных и валютно-обменных операций. В его основе лежит Закон Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле». По общему правилу он запрещает валютные операции в иностранной валюте. Случаи и порядок её дозволенного использования устанавливаются законодательством. В целом, полагает М.В. Маркусенко, валютно-регуляторный режим «представляет специфический способ государственного регулирования валютных отношений, выраженный комплексом нормативных правовых средств (дозволений, запретов, обязываний, ограничений, стимулов и др.), и определяет степень жесткости валютного регулирования»⁷.

Правовой режим неплатежеспособности в сфере частных финансов опирается на Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон о банкротстве). Он, помимо прочего, устанавливает основания для признания должника несостоятельным или банкротом, а также порядок и условия принятия мер по урегулированию неплатежеспособности. Специфика правового регулирования расчетов при данном режиме связана с открытием конкурсного производства. В частности:

- срок исполнения всех обязательств должника считается наступившим;
- приостанавливается начисление процентов и неустойки (штрафов, пеней) по всем обязательствам должника, возникшим до открытия конкурсного производства;
- совершение сделок с имуществом должника допускается только в соответствии с Законом о банкротстве;
- реализация заложенного имущества должника осуществляется независимо от согласия залогодержателя;
- обязательства должника исполняются в соответствии с Законом о банкротстве.

Названный режим демонстрирует зависимость моделируемых правоотношений (юридических конструкций) от экономического состояния их субъектов. Действительно, по верному утверждению А.В. Ефимова, «регуляторы должны не только объективно вменять те или иные модели поведения, а учитывать экономическое состояние, возможности и стремления участников оборота» [15, с. 77].

В настоящее время Республика Беларусь находится под санкционным давлением со стороны Европейского союза, Великобритании, Соединенных Штатов Америки и других государств. Для исключения (минимизации) негативных последствий таких недружественных действий могут применяться специальные ограничительные меры, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. «О применении специальных ограничительных мер», а также иные меры в соответствии с законодательными актами. Они образуют правовой режим, который затрагивает и сферу частных финансов. Мы именуем его санкционным. Этот режим ставит в неблагоприятное правовое положение лиц из иностранных государств, совершающих недружественные действия. К примеру:

- отчуждение ими долей в уставных фондах (акций) белорусских организаций допускается на основании разрешения Совета Министров Республики Беларусь при условии уплаты взноса в размере не менее 25 процентов от рыночной стоимости отчуждаемых долей в уставных фондах (акций);
- исполнение в их пользу исполнительных документов приостановлено;
- их финансовые активы могут быть изъяты по решению экономического суда г. Минска;
- выплата белорусскими организациями распределенных (начисленных) прибыли и (или) дивидендов в пользу указанных лиц ограничена.

Подчеркнем, белорусский санкционный режим является ответной мерой на недружественные действия иностранных государств. Однако односторонние санкции и контрсанкции нельзя признать нормальным явлением. Т.Н. Михалева и Е.Е. Фролова дают вполне корректное тому объяснение: «Если санкции, вводимые в рамках мандата и по решению Совета Безопасности ООН, являются правомерными и обязательными для всех субъектов, в том числе в рамках иных публично-правовых институтов (например, в праве и практике ВТО), то односторонние принудительные меры не обладают важной характеристикой общей легитимности, и их легитимация в рамках отдельных правовых режимов носит весьма узкий характер» [16, с. 132–133].

Заключение. Таким образом, правовое регулирование частных финансов представляет собой нормативное моделирование правоотношений (юридических конструкций) в сфере частных финансов. Оно направлено на реализацию государственной политики в данной сфере, а также обеспечивает претворение в жизнь экономической политики в целом. В частных финансах как объекте правового регулирования всегда есть нечто особенное и значимое для государства, что придает специфику моделируемым правоотношениям (юридическим конструкциям), потому рассматриваемое регулирование имеет множество правовых режимов разной степени общности.

⁷ Маркусенко М.В. Валютная политика в Республике Беларусь: теоретико-методологические основы, стратегия и инструменты реализации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10 / БГУУ. – Минск, 2022. – С. 17.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протасовицкий С.П. Теоретическая модель частных финансов как объекта правового регулирования // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 4. – С. 43–47.
2. Дробязко С.Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Избранные труды / С.Г. Дробязко. – Минск: ЮрСпектр, 2022. – С. 440–463.
3. Алексеев С.С. Государство и право: учеб. пособие // Собрание сочинений: в 10 т. / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 8: Учебники и учебные пособия. – С. 93–246.
4. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учеб. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 832 с.
5. Гавриков В.П. Теория государства и права: смена парадигмы. – М.: Проспект, 2017. – 464 с.
6. Алексеев С.С. Восхождение к праву: Поиски и решения // Собрание сочинений: в 10 т. / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 6: Восхождение к праву. – С. 7–553.
7. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юридическая литература, 1972. – 258 с.
8. Протасовицкий С.П. Понятие и виды отношений (правоотношений) в сфере частных финансов // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Эконом. и юрид. науки. – 2024. – № 1(69). – С. 69–73. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2024-66-1-69-73>.
9. Уласевич Ю.М. Сущность и содержание современной финансовой политики государства // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2017. – № 6. – С. 84–91.
10. Кобринский Г.Е. Финансовая политика и её развитие в современных условиях // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 75-летию БГЭУ, Минск, 20 мая 2008 г. В 2 т. – Минск: БГЭУ, 2008. – Т. 1. – С. 329–330.
11. Фисенко М.К. Вопросы активизации финансовой политики Республики Беларусь // Социально-экономическая политика белорусского государства в условиях открытой экономики : материалы междунар. научно-практ. конф., Минск, 26 окт. 2005 г. – Минск: БГЭУ, 2006. – С. 220–221.
12. Мирошник С.В. Финансовая политика и финансовая система страны // Финансовое право. – 2008. – № 4 – С. 7–8.
13. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учеб. – 7-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 568 с.
14. Политология: учеб. / С.В. Решетников [и др.]; под ред. С.В. Решетникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 528 с.
15. Ефимов А.В. Экономическая деятельность и правовое положение юридических лиц // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 72–95.
16. Михалева Т.Н., Фролова Е.Е. Об односторонних принудительных мерах в отношении Кубы, вторичных санкциях и «ползушей» экстерриториальной юрисдикции // Вестник РУДН. Сер.: Юрид. науки. – 2024. – № 1. – С. 119–144.

Поступила 22.06.2024

**LEGAL REGULATION OF PRIVATE FINANCE:
CONCEPT, STATE POLICY, REGIMES**

S. PRATASAVITSKI
(Belarusian State University, Minsk)

In the article, the author addresses the conceptual issues of legal regulation of private finance, which are becoming relevant in connection with the development of the neoclassical direction of finance theory. Based on the provisions of the general theory of law, he reveals the concept of legal regulation of private finance, defining it as a normative modeling of legal relations (legal structures) in the sphere of private finance. The author sees in it four parts: the legal regulation of saving, settlement, financing, and investment in this sphere. Since the purpose of such regulation is to implement public policy, he explains the essence and manifestations of this policy. According to the author, it represents the main goals, priorities, tasks, and directions of development of the sphere of private finance formalized in official documents, as well as general approaches to their implementation. He notes that the legal regulation of private finance is not complete without various legal regimes. The author shows the essence of the legal regulation regime, and gives some examples of legal regimes in the sphere of private finance.

Keywords: *Legal regulation, Private finance, Regulatory modeling of legal relations, Financial policy, Legal regime.*

ПРАВА АВТОРОВ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

К.Д. САВИЦКАЯ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1642-6324>e-mail: k.savitskaya@psu.by

Статья посвящена исследованию прав авторов мультимедийного произведения. Определена специфика реализации авторами мультимедийного произведения права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения, права на обнародование и отзыв произведения. Обоснована необходимость ограничения права авторов мультимедийного произведения. Изучены имущественные права авторов мультимедийного произведения. Рассмотрен вопрос о праве авторов мультимедийного произведения на получение авторского вознаграждения за каждый способ его использования. Определен срок действия личных неимущественных прав и исключительного права на мультимедийное произведение. На основе полученных результатов исследования разработаны практические рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в сфере авторского права.

Ключевые слова: авторское право, мультимедийное произведение, права автора, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения, право на отзыв.

Введение. Широкая вовлеченность мультимедийных произведений в реальный экономический оборот в сочетании с развитием цифровых технологий создают условия, в которых права авторов мультимедийного произведения оказываются крайне уязвимыми. Круг авторов мультимедийного произведения и их права не определены белорусским законодателем. На сегодняшний день обозначенная проблема недостаточно исследована в отечественной юридической науке, что затрудняет создание эффективного механизма правового регулирования общественных отношений, связанных с возникновением и передачей прав на мультимедийные произведения, и не способствует эффективному введению данных объектов в гражданский оборот.

Отдельные проблемы правовой охраны мультимедийных произведений рассматривались в работах белорусских (В.А. Богоненко [1], Ю.Н. Беспальный [2], О.В. Кондакова [3], Г.Н. Москалевич [4]) и зарубежных (Е.С. Котенко¹, В.В. Лебедь [5], А. Милле [6], И. Стаматуди [7]) ученых. Однако фундаментальные исследования, посвященные правам авторов мультимедийного произведения, учеными не проводились. В целом, правам авторов мультимедийного произведения в науке уделено меньше внимания, чем проблеме определения правовой природы исследуемых объектов. В доктрине и правоприменительной практике существует ряд проблем с установлением содержания прав авторов мультимедийного произведения.

Цель исследования – определить права авторов мультимедийного произведения, конкретизировать их содержание и разработать рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Основная часть. В процесс создания мультимедийного произведения вовлечено значительное число совершенно разных субъектов. Сущность права авторства на мультимедийное произведение заключается в том, что творческий вклад различных субъектов объединяется и образует принципиально новое сложное произведение [8, с. 126]. Таким образом, мультимедийное произведение представляет собой не просто сумму различных результатов интеллектуальной деятельности, а новый единый объект правовой охраны. На наш взгляд, помимо прав на отдельные результаты, которые вошли в состав мультимедийного произведения, необходимо выделять права на мультимедийное произведение в целом, поскольку, как отмечал В.А. Дозорцев, «при охране только элементов, входящих в состав единого сложного творческого продукта, невозможно использование объекта в целом» [9, с. 153].

По нашему мнению, авторами мультимедийного произведения являются: автор компьютерной программы; автор сценария; художник-дизайнер компьютерной графики; автор специально созданного для мультимедийного произведения музыкального произведения с текстом или без текста; автор специально созданного для мультимедийного произведения фотографического произведения, в том числе произведений, полученных способами, аналогичными фотографии. Указанным субъектам будут принадлежать права на мультимедийное произведение в целом. Авторами ранее существовавших произведений, включенных в состав мультимедийного произведения или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении, сохраняют авторское право на свои произведения и могут использовать их отдельно от мультимедийного произведения, но не приобретают прав на мультимедийное произведение в целом.

В составе мультимедийного произведения сочетаются различные результаты интеллектуальной деятельности, что свидетельствует о том, что оно является результатом работы нескольких лиц. В связи с этим, к мультимедийному произведению применимы положения о соавторстве: если произведение было создано совместным творческим трудом нескольких авторов, они признаются соавторами произведения, и права на произведение принадлежат соавторам совместно.

¹ Котенко Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2012. – 230 с

В настоящее время белорусское законодательство устанавливает, что автору в отношении его произведения принадлежат следующие личные неимущественные права: право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения и право на отзыв. Для авторов мультимедийного произведения, указанные права будут иметь свою специфику.

Под **правом авторства** понимается право признаваться автором произведения. А.П. Сергеев подчеркивает, что право авторства является ключевым правомочием автора, поскольку от него производны все другие права как личного неимущественного, так и имущественного характера [10, с. 201].

Право авторства на мультимедийное произведение будет признаваться за авторами мультимедийного произведения. За авторами ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении признается право авторства только в отношении созданных ими объектов.

Право на имя представляет собой право использовать или разрешать использовать произведение под полным именем автора, вымышленным именем (псевдонимом) или без обозначения имени (анонимно). Право автора на имя принадлежит создателю произведения. Данное право действует в течение жизни автора, а после его смерти охраняется как общественно значимый интерес [11].

Реализация права на имя для авторов мультимедийного произведения означает, что они имеют право указывать свое имя (псевдоним) или не указывать при любом использовании мультимедийного произведения, а также требовать его указания от третьих лиц. В связи с тем, что неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы, производитель мультимедийного произведения должен определить порядок указания имени (псевдонима) автора в отношении всех объектов, вошедших в состав мультимедийного произведения, а также созданных в процессе работы над ним. Вопрос о порядке указания имени автора целесообразно урегулировать в договоре, регламентирующем порядок использования произведения. Вместе с тем, случаи анонимного использования произведения, порядка указания имени (псевдонима) автора могут быть определены в дополнительном соглашении сторон или в одностороннем разрешении от автора. Если произведение опубликовано анонимно или под псевдонимом, производитель мультимедийного произведения будет рассматриваться как уполномоченный представитель автора, пожелавшего сохранить свою личность в тайне.

Право на неприкосновенность произведения означает запрет на внесение любых изменений, сокращений и дополнений в произведение без согласия его автора. Процесс создания мультимедийного произведения связан с внесением изменений, сокращений и дополнений в отдельные произведения, с целью адаптации произведения к конкретным условиям его использования в составе мультимедийного произведения. Исключение из общего правила в отношении права на неприкосновенность содержится в п. 6 ст. 17 Закона об авторском праве². Полагаем, что данное исключение не может быть применимо во всех случаях для мультимедийного произведения, так как его производитель не всегда состоит в трудовых отношениях с авторами мультимедийного произведения и авторами ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении.

На основании изложенного, считаем целесообразным по аналогии с п. 6 ст. 17 Закона об авторском праве на законодательном уровне разрешить производителю мультимедийного произведения, обладающего исключительным правом на произведение, вошедшее в состав мультимедийного произведения, вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования, без получения на это согласия автора произведения. По нашему мнению, обосновано предоставить сторонам возможность определить иные условия и порядок внесения производителем мультимедийного произведения изменений, сокращений и дополнений в произведения в договоре. Данное требование целесообразно распространить на авторов мультимедийного произведения и на авторов ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении.

При реализации **права на обнародование** произведения, автор определяет момент открытия доступа к произведению, а также способ, которым это будет сделано [12]. В этой связи недостаточно получить общее согласие авторов мультимедийного произведения на обнародование – необходимо указать и конкретное действие, направленное на обнародование.

Право на отзыв – это право автора отказаться от принятого ранее решения об обнародовании произведения.

Мультимедийное произведение является результатом творческой деятельности коллектива авторов. Признание за каждым из авторов мультимедийного произведения права на обнародование и права на отзыв произведения ставит под угрозу коммерческие интересы его производителя, поскольку один из авторов может заблокировать использование мультимедийного произведения в целом, так как без произведения, являющегося неотъемлемой частью мультимедийного произведения, его дальнейшее использование невозможно.

С целью защиты прав и охраняемых законом интересов производителя и авторов мультимедийного произведения, считаем целесообразным в отношении мультимедийных произведений ограничить право авторов на обнародование и право на отзыв по аналогии с установленными законодателем ограничениями личных неимущественных прав для авторов аудиовизуального произведения (п. 5 ст. 12 Закона об авторском праве) и авторов служебных произведений (п. 4 ст. 17 Закона об авторском праве). Данное ограничение необходимо распространить на всех лиц, признаваемых авторами мультимедийного произведения.

² URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11100262>.

По нашему мнению, целесообразно сформулировать новую норму как диспозитивную. Предусмотренные ограничения права на обнародование и права на отзыв будут применяться постольку, поскольку иное не будет определено в договоре между авторами мультимедийного произведения, авторами ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении, и его производителем.

На основании изложенного, считаем необходимым дополнить Закон об авторском праве п. 5 ст. 12¹ следующего содержания: «5. Автор мультимедийного произведения не вправе препятствовать его обнародованию производителем мультимедийного произведения, а также реализовывать принадлежащее ему право на отзыв, если иное не предусмотрено договором между ним и производителем мультимедийного произведения». Необходимо дополнить ч. 2 п. 1 ст. 15 Закона об авторском праве и изложить ее в следующей редакции: «Право на обнародование и право на отзыв ограничиваются в случаях, предусмотренных пунктом 5 статьи 12, пунктом 5 статьи 12¹ и пунктом 4 статьи 17 настоящего Закона».

В законодательстве Республики Беларусь специальные указания о сроке действия личных неимущественных прав на мультимедийное произведение отсутствуют. По нашему мнению, в данной ситуации необходимо руководствоваться общими положениями о сроках, определенных в Законе об авторском праве. Таким образом, личные неимущественные права авторов мультимедийного произведения, авторов ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении будут охраняться бессрочно.

Автору в отношении его произведения или иному правообладателю принадлежат исключительное право на произведение, а также иные имущественные права в случаях, предусмотренных законом. Исключительное право на произведение означает право автора или иного правообладателя использовать произведение по своему усмотрению в любой форме и любым способом. Автору или иному правообладателю принадлежит право разрешать или запрещать другим лицам использовать произведение. Исключительное право автора в соответствии с его общей характеристикой, содержащейся в ст. 16 Закона об авторском праве, является единым правом, состоящим из совокупности правомочий, содержание которых определяется способами использования произведения. В ч. 2 п. 2 ст. 16 Закона об авторском праве приведен открытый перечень способов использования произведения, в отношении которых независимо от того, совершаются ли такие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, необходимо получать разрешение у правообладателя.

Поскольку в законе об авторском праве отсутствует специальное указание относительно права на получение авторского вознаграждения за каждый способ использования мультимедийного произведения, полагаем будет применяться общее правило, установленное в п. 3 ст. 16 Закона об авторском праве. При буквальном толковании данной нормы следует, что автор (наследники автора) мультимедийного произведения имеют право на получение авторского вознаграждения за каждый способ использования произведения, если иное не будет определено в законодательстве или договоре. Поскольку норма имеет диспозитивный характер, производитель мультимедийного произведения будет самостоятельно решать вопрос о наличии или отсутствии авторского вознаграждения за каждый способ использования мультимедийного произведения. Размер авторского вознаграждения, выплачиваемого автору (наследникам автора) за использование произведения, не может быть ниже размера, установленного Советом Министров Республики Беларусь³.

Поскольку мультимедийное произведение создается в соавторстве, исключительное право на него будет действовать в течение жизни и пятидесяти лет после смерти автора, пережившего других соавторов.

Заключение. В результате проведенного исследования нами сформулированы следующие выводы.

Авторские права на мультимедийное произведение принадлежат его авторам: автору компьютерной программы; автору сценария; художнику-дизайнеру компьютерной графики; автору специально созданного для мультимедийного произведения музыкального произведения с текстом или без текста; автору специально созданного для мультимедийного произведения фотографического произведения, в том числе произведений, полученных способами, аналогичными фотографии. За авторами ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении признается право авторства только в отношении созданных ими объектов.

Авторы мультимедийного произведения имеют право указывать свое имя (псевдоним) или не указывать при любом использовании мультимедийного произведения, а также требовать его указания от третьих лиц. Порядок указания имени автора необходимо определить в договоре, на основании которого будет использоваться произведение.

Считаем целесообразным по аналогии с п. 6 ст. 17 Закона об авторском праве на законодательном уровне разрешить производителю мультимедийного произведения вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования, без получения на это согласия автора произведения. Данное требование необходимо распространить на авторов мультимедийного произведения и на авторов ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении.

Для защиты прав и охраняемых законом интересов производителя и авторов мультимедийного произведения, по нашему мнению, необходимо ограничить право авторов мультимедийного произведения на обнародование и на отзыв произведения.

³ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 135, 5/34855

На основании изложенного, считаем целесообразным дополнить Закон об авторском праве п. 5 ст. 12¹ следующего содержания: «5. Автор мультимедийного произведения не вправе препятствовать его обнародованию производителем мультимедийного произведения, а также реализовывать принадлежащее ему право на отзыв, если иное не предусмотрено договором между ним и производителем мультимедийного произведения». Необходимо дополнить ч. 2 п. 1 ст. 15 Закона об авторском праве и изложить её в следующей редакции: «Право на обнародование и право на отзыв ограничиваются в случаях, предусмотренных пунктом 5 статьи 12, пунктом 5 статьи 12¹ и пунктом 4 статьи 17 настоящего Закона».

Личные неимущественные права авторов мультимедийного произведения, авторов ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении будут охраняться бессрочно.

Исключительное право на мультимедийное произведение первоначально возникает у авторов этого произведения. Для того, чтобы производитель мультимедийного произведения мог использовать произведение по своему усмотрению в любой форме и любым способом необходимо, чтобы авторы мультимедийного произведения передали исключительное право на мультимедийное произведение его производителю. Для включения в состав мультимедийного произведения ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении необходимо соблюдение прав авторов таких произведений. Производитель мультимедийного произведения должен заключить договоры с авторами (правообладателями) таких объектов. Содержание исключительного права на мультимедийное произведение будет определяться в соответствии со ст. 16 Закона об авторском праве. Производитель мультимедийного произведения будет самостоятельно решать вопрос о наличии или отсутствии авторского вознаграждения для авторов мультимедийного произведения за каждый способ его использования в рамках заключаемых с авторами договоров.

Поскольку мультимедийное произведение является произведением, созданным в соавторстве, исключительное право на него действует в течение жизни и пятидесяти лет после смерти автора, пережившего других соавторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоненко В.А., Савицкая К.Д. Теоретико-правовые основы идентификации объектов гражданских прав в сети Интернет // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 14. – С. 71–77.
URL: <https://elib.psu.by/bitstream/123456789/11584/3/71-77.pdf?ysclid=m0umn262f6343570911>.
2. Беспалый Ю.Н. Сложные объекты интеллектуальной собственности в законодательстве Республики Беларусь // Вестн. Брест. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 1. – С. 191–197.
URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/7867>
3. Кондакова О.В. Правовой статус произведений мультимедиа // Экономика и упр. – 2007. – № 3. – С. 132–136.
4. Москалевич Г.Н. Понятие и правовая сущность мультимедийных продуктов как охраняемых объектов интеллектуальной собственности // Научные труды Белорусского государственного экономического университета: юбил. сб. / редкол.: В.Н. Шимов (пред.). – Минск: БГЭУ, 2013. – Вып. 6. – С. 503–509.
URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/7730>
5. Лебедев В.В. Мультимедийные продукты в условиях адаптации французских законов об авторском праве к информационным реалиям // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 72–77.
URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21684714_78881204.pdf
6. Mille A. The legal status of multimedia works // Copyright Bull. – 1997. – Vol. 31, № 2. – P. 31–32.
7. Stamatoudi I. A. Copyright and Multimedia Products: a comparative analysis [Electronic resource]. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. – URL: https://www.academia.edu/49945634/Copyright_and_multimedia_products_a_comparative_analysis. (date of access: 27.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511495281>.
8. Савицкая К.Д. Признаки мультимедийного произведения // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2022. – № 12. – С. 124–128. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2022-62-12-124-128>.
9. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. ст. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
10. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2001. – 750 с.
11. Лосев С.С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [Электронный ресурс]: [по сост. на 18.04.2013 г.] // іlex : інформ. правова система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
12. Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных [Электронный ресурс] – URL: https://www.google.by/books/edition/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD/6QhMDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&pg=PA5&printsec=frontcover. (дата обращения: 13.08.2024).

Поступила 20.09.2024

RIGHTS OF AUTHORS OF MULTIMEDIA WORKS**K. SAVITSKAYA***(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)*

The article is devoted to the study of the rights of authors of a multimedia work. Particular attention is paid to the personal non-property rights of authors of a multimedia work. The article analyzes: the right of authorship, the author's right to a name, the right to the inviolability of a work, the right to publish a work and the right to withdraw. The author has studied the property rights of authors of a multimedia work. The issue of the right of authors of a multimedia work to receive royalties for each method of its use is considered. The term of validity of personal non-property rights and the exclusive right to a multimedia work is determined. The work analyzes and systematizes theoretical provisions on the topic of the study, studies doctrinal approaches. Based on the obtained research results, practical recommendations for improving the legislation of the Republic of Belarus in the field of copyright have been developed.

Keywords: *copyright, multimedia work, author's rights, author's right to his name, right to the inviolability of the work, right to publish the work, right of withdrawal.*

УДК 347.21

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-103-110

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОМЕННЫХ ИМЕН****Т.В. СЕМЁНОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8507-8074>

В статье даётся характеристика правовой природы и сущности правоотношений, связанных с регистрацией и использованием доменных имен, и определяется место исследуемых общественных отношений в предмете гражданского права; устанавливаются два вида правоотношений, связанных с регистрацией и использованием доменных имен: обязательственные правоотношения между регистратором и регистрантом/правообладателем, абсолютное правоотношение правообладателя доменного имени; обосновывается условие, при котором объект абсолютного правоотношения является объектом гражданского оборота.

Ключевые слова: абсолютное правоотношение, бестелесное имущество, гражданский оборот, домен, доменное имя, объект гражданского оборота, право на доменное имя, цифровой объект, цифровое право.

Введение. Глобальное перемещение бизнеса в цифровое пространство в период пандемии из-за распространения коронавируса обусловила значительный рост правоотношений в сети Интернет. Правовой интерес к доменным именам зачастую обусловлен тем, что они, как цифровые объекты, обладают инвестиционной привлекательностью и предоставляют возможность получения выгоды. При этом стоимость и потенциальная стоимость определенного доменного имени обусловлена целым рядом факторов – содержанием, трафиком, буквосочетанием зарегистрированного доменного имени.

В Республике Беларусь проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен и их места в системе объектов гражданских прав стали обсуждаться только в течение последних пятнадцати лет. Это было обусловлено возникновением первых судебных споров, связанных с использованием доменных имен, а также защитой прав на них [1]. В силу существования множества точек зрения на правовую природу и сущность права на доменное имя, до настоящего времени не сформировался единый подход к тому, что представляет из себя право на доменное имя, какова природа и сущность права на доменные имена.

Такие авторы, как А.В. Алешин, М.Е. Бобров, С.В. Волков, К.В. Геец, Е.Н. Герцева, Д.В. Головеров, Д.В. Кожемякин, З.Ю. Милютин, Ю.Л. Немец, А.Г. Серго, А.В. Попцов, К.В. Сокерин и др. сформировали собственный, но не однозначный подход к правовой природе доменного имени. В правовой доктрине зарубежных стран существуют две основные теории, объясняющие природу прав на доменное имя: доменное имя как услуга, оказываемая регистратором; доменное имя как бестелесное имущество. Цивилисты Российской Федерации, в основном, рассматривают доменное имя в качестве неохраняемого средства индивидуализации.

На сегодняшний момент существуют три основные теории, объясняющие природу доменного имени: доменное имя как услуга; доменное имя как имущество; доменное имя как средство индивидуализации.

Следует отметить, что комплексное теоретическое и практическое осмысление проблематики регулирования, связанного с доменными именами, остается до настоящего времени на периферии исследований, проводимых в рамках отечественной правовой доктрины. Можно сказать, что специфика доменных имен как объектов гражданских прав не только не получила системного анализа, но, собственно, сама постановка вопроса о необходимости внесения конкретных изменений в законодательство не была четко обозначена. В настоящий момент вполне очевидно, что без специального регулирования отношений, возникающих в связи с использованием доменных имен, развитие цифровой экономики и реализация Концепции правовой политики Республики Беларусь, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196 (п. 45.1, п. 45.4), Концепции национальной безопасности, утверждённой Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5 (п. 10), Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 29.06.2021 № 292 (глава 7 «Цифровая трансформация»), в полной мере не представляется возможным.

Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ гражданско-правового регулирования отношений, связанных с использованием доменных имен, для чего необходимо охарактеризовать правовую природу и сущность правоотношений, связанных с регистрацией и использованием доменных имен, а также определить место исследуемых общественных отношений в предмете гражданского права.

Основная часть. В соответствии с Инструкцией о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утверждённой приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь 18.06.2010, № 47 (в ред. приказов от 20.12.2019, № 429, от 25.08.2021, № 138, от 04.04.2024, № 69) (далее – Инструкция № 47) администратором национальной доменной зоны является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (далее – ОАЦ), а технический администратор национальной доменной зоны на безвозмездной

основе осуществляет техническое обслуживание доменов администратора национальной доменной зоны, в том числе в части обеспечения делегирования таких доменов¹. Таким образом, В Республике Беларусь с января 2022 г. техническим администратором ccTLD национальных доменных зон «.by» и «.бел» является ООО «Белорусские облачные технологии», у которого нет иных полномочий, кроме безвозмездного технического обслуживания ccTLD.

К примеру, в Российской Федерации АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет» с делегированными функциями администрирования и технического сопровождения устанавливает правила регистрации ccTLD «.ru», которые являются своей нормативной базой для отношений «регистраторы – администраторы доменных имен второго и последующих уровней».

Исторически сложилось так, что сфера распределения адресации в сети Интернет является саморегулируемой областью и в мировом масштабе подчиняется нормам soft law. В Республике Беларусь устанавливается публично-правовое регулирование ввиду политических причин (Корпорация по присвоению имен и номеров (англ. Internet Corporation for Assigned Names and Number; далее – ICANN) находится в юрисдикции США) и отсутствия единства в подходах как на теоретическом уровне, так и в правоприменительной практике по правовому регулированию отношений, связанных с использованием доменных имен. Доменное имя второго уровня понимается как средство адресации для поименованного обращения к Интернет-ресурсу (Инструкция № 47). Каждое доменное имя имеет потенциальную возможность быть объектом гражданских прав, когда доменное имя содержит охраняемое средство индивидуализации и «права на доменное имя выступают предметом гражданско-правовой сделки» [2]. Как отмечает М.А. Рожкова, «...всякое доменное имя имеет потенциал стать объектом гражданских прав, а права на него – объектом гражданского оборота. Но надо подчеркнуть: в оборот вводятся не сами доменные имена (имеющие нематериальную природу), а права на них, обладающие всеми признаками оборотоспособности» [2]. Стоит отметить, что экономическая ценность прав на доменное имя позволяет отнести их к имущественным активам, что признано в актах Европейского Суда по правам человека².

Таким образом, между лицом, заинтересованным в регистрации на него доменного имени второго уровня или в функционировании доменного имени третьего и последующего уровней (далее – регистрант), и аккредитованным регистратором заключается договор возмездного оказания услуг, который в соответствии с п. 15 Инструкции № 47, поименован как «договор на регистрацию доменного имени», а на официальных сайтах аккредитованных регистраторов поименован как «публичный договор оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне», «публичный договор на услуги регистрации доменных имён в сети Интернет», «Публичный договор возмездного оказания услуг по регистрации доменного имени», а стороны именуется как «оператор» и «клиент», «заказчик» и «исполнитель». Обязательство аккредитованного регистратора по регистрации доменного имени по договору на регистрацию возникает с момента получения регистратором оформленной в соответствии с настоящей Инструкцией заявки и поступления оплаты за регистрацию доменного имени. Регистрация доменного имени – внесение в базу данных сведений о доменном имени, его регистранте и иной информации, предусмотренной законодательством.

Согласно Инструкции № 47 регистрация доменных имен второго уровня в национальной доменной зоне «.by» и «.бел» может осуществляться юридическими лицами, аккредитованными техническим администратором национальной доменной зоны. Функции регистратора может выполнять юридическое лицо Республики Беларусь, с которым администратором национальной доменной зоны заключено соглашение о взаимодействии по установленной форме. Юридическое лицо, планирующее осуществлять регистрацию доменных имен, приобретает статус регистратора и получает доступ к базе данных для выполнения функций регистратора после заключения соглашения о взаимодействии и договора с техническим администратором национальной доменной зоны на оказание услуг по техническому обслуживанию доменных имен (п. 12 Инструкции № 47). В настоящее время аккредитовано шесть регистраторов: ООО «Активные технологии», ООО «Надежные программы», ООО «Суппорт чейн», ООО «ТриИнком», ООО «Белорусские облачные технологии» (одновременно и технический администратор национальной доменной зоны), ООО «Открытый контакт». Обязанность регистратора – это оказание услуги (осуществление регистрации в базе данных сведений как о самом доменном имени, так и регистранте, техническое обслуживание доменного имени и пр.). Названные регистраторы вправе поручать организациям-нерезидентам заключать договоры с регистрантами-нерезидентами для регистрации доменных имен в национальной доменной зоне «.by» и «.бел» в соответствии с законодательством Республики Беларусь, а, соответственно, права и обязанности по таким договорам возникают непосредственно у регистратора. Правообладатель доменного имени состоит в правоотношении с регистратором доменных имен (возникает при заключении договора), а также в правоотношении с третьими лицами (возникает при регистрации доменного имени или (либо) при передаче прав на доменное имя).

Целесообразно уточнить, что доменное имя как цифровой объект начинает существовать после регистрации как юридического факта, и в этот же момент регистрант переходит в статус правообладателя доменного имени, соответственно, вступает в правоотношение с третьими лицами. Время между заключением договора оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне и регистрацией доменного имени de facto может составлять от минуты до одного дня по причине технической стороны программного алгоритма обязательства.

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=T61001277>.

² Паеффген против Германии (Paefgen GmbH v. Germany; application No. 25379/04, 21688/05, 21722/05, 21770/5): Постановление ЕСПЧ от 18.09.2007 (перевод В.А. Колосова). URL: <https://kolosov.info/yuridicheskie-stati/espch-o-pravah-na-domennye-imena>.

Принятие регистрантом предложения регистратора (одного из шести аккредитованных) о заключении договора на регистрацию может быть выражено в соответствии с п. 3 ст. 404, п. 3 ст. 408 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Обязательство регистратора по регистрации доменного имени по договору на регистрацию возникает с момента получения регистратором заявки регистранта и поступления оплаты за регистрацию доменного имени. Регистратор в день возникновения обязательства по регистрации регистрирует доменное имя посредством внесения в базу данных сведений о доменном имени, его регистранте и иной информации, предусмотренной Инструкцией № 47.

Несмотря на это, важно отличать момент возникновения обоих правоотношений.

Как отмечает К.В. Геец, «на протяжении срока существования доменного имени оба правоотношения находятся в тесной взаимосвязи: существование второго прямо зависит от существования первого. При передаче прав на доменное имя эта взаимосвязь прекращается у предыдущего и возникает у нового лица; в этом случае обязательственное правоотношение также появляется раньше абсолютного»³. Правоотношение между регистрантом / правообладателем доменного имени и регистратором носит как относительный, так и обязательственный характер, потому что «в относительных правоотношениях обладатели субъективных прав имеют дело с четко определенными обязанными лицами» [3, с. 91], а регистрант / правообладатель всегда вступает в правоотношение с определенным лицом – конкретным регистратором. Правоотношение является относительным, оно возникает при заключении договора на регистрацию доменного имени и является основанием возникновения второго правоотношения между правообладателем и третьими лицами. Например, как «арендатору принадлежит комплекс субъективных прав, вытекающих из одного юридического факта – договора аренды»⁴, так и правообладателю принадлежит комплекс прав, вытекающий из одного договора на регистрацию доменного имени.

Объектом обязательственного правоотношения между регистратором и регистрантом/правообладателем является комплекс услуг по регистрации доменного имени, а также ряда иных технических сопровождающих действий. А.П. Сергеев указывает: «в абсолютных правоотношениях управомоченному лицу противопоставлен неопределенный круг обязанных лиц – все, так называемые, третьи лица. В таких правоотношениях управомоченное лицо удовлетворяет свои имущественные или личные интересы за счет собственных действий, в то время как все окружающие (третьи лица) должны либо воздерживаться от посягательств на сферу его интересов, либо признавать его право и считаться с ним» [3, с. 90].

В отечественной правовой науке отнесение правоотношений к какому-либо из указанных видов не рассматривалось, поэтому целесообразно рассмотреть доктрину Российской Федерации.

Так, Ю.Ф. Вацковский не считает право администратора доменного имени абсолютным [4]. С.А. Сеницын, критикуя частноправовой характер базы данных, в которую заносятся сведения о доменных именах, отмечает: «значение публичности данных реестра прав может считаться весомой гарантией охраны и защиты зарегистрированных доменных имен, но только в том случае, когда открытость и достоверность данных реестра гарантированы государством... Внесение записи в государственный реестр прав, по сути, означает государственное признание (подтверждение) права, в то время как базы данных доменных имен являются частным реестром, правила ведения которого и ответственность регистратора до настоящего времени четко не определены законодателем»⁵. На основе, в том числе, этих положений, С.А. Сеницын делает вывод о «невозможности безоговорочного признания права на доменное имя абсолютным». Тем не менее, он не разделяет правоотношения регистранта/правообладателя, а рассматривает только одно.

Открытость и достоверность данных соответствующей базы данных сведений о доменных именах на текущий момент гарантированы нормами soft law и ОАЦ, управляющим адресацией в национальной доменной зоне «.by» и «.бел». Часть данных в базу вносится на основании сведений, указанных регистрантами доменных имен. В Республике Беларусь до внесения сведений в базу данных регистратор вправе истребовать (а регистрант обязан) представить документы, подтверждающие достоверность сведений, указанных в заявке, и в таком случае обязательство регистратора по регистрации доменного имени возникает после представления заявителем подтверждающих документов.

Соответственно, гарантия достоверности сведений связана не столько с негосударственностью базы данных, сколько с алгоритмом регистрации доменных имен. Смена частноправового порядка на публичноправовой при регистрации доменных имен не изменит ситуацию. Соответственно, изменения могут произойти только в случае смены алгоритма регистрации доменных имен и их проверки, но в ситуации ежегодного увеличения регистраций доменных имен (в 2023 г. зарегистрировано 26560 доменных имен в национальной доменной зоне «.by» и «.бел».)⁶ видится нереализуемой задачей. Тем не менее, есть мировая исторически сложившаяся традиция саморегулирования данной деятельности частными организациями.

³ Геец К.В. Право на доменное имя и пределы его осуществления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2022. – 277 л.

⁴ Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – СПб., 2007. – 211 л.

⁵ Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – М., 2017. – 604 л.

⁶ Национальная доменная зона Беларуси: версия 2023. URL: <https://cctld.by/news/2024/natsionalnaya-domennaya-zona-belarusi-versiya-2023>.

Необходимо подчеркнуть, что по мнению ряда исследователей, право на доменное имя является «монопольным», что является свойством абсолютных прав⁷. В.О. Калятин указывает, что «регистрация доменного имени позволяет монополизировать определенное обозначение <...> правообладатель доменного имени получает возможность монопольного использования обозначения во всем мире для осуществления любой деятельности в отношении любых товаров и услуг» [5, с. 49]. Такую же позицию занимают Л.А. Новосёлова [6] и Н.К. Геец. М.А. Рожкова также придерживается концепции разделения прав на доменное имя на относительные, с одной стороны, и абсолютные – с другой [7]. В субъектный состав данного обязательственного правоотношения входят регистратор и регистрант (лицо, заинтересованное в регистрации на него доменного имени второго уровня или в функционировании доменного имени третьего и последующего уровней). Права на доменное имя возникают у лица только после включения соответствующих сведений в базу данных: запись производится регистратором на основании заключенного с регистрантом договора оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне. Т.е. не сам договор, заключенный регистратором и регистрантом, а только внесение информации о доменном имени в базу данных порождает права на доменное имя, таким образом, именно с этого момента данное лицо становится обладателем прав на зарегистрированное доменное имя. Как указывает М.А. Рожкова, «в оригинальном тексте UDRP на английском языке лицо, на чье имя зарегистрировано доменное имя, в обобщенном виде обозначается как потребитель (англ. customer), под которым предлагается понимать «владельца доменного имени» или, иначе, «регистранта» (англ. the domain-name holder or registrant). Однако при переводе UDRP на русский язык была допущена серьезная ошибка: в представленном ICANN русскоязычном варианте упоминался «владелец доменного имени или регистратор». Тем не менее, в настоящее время ICANN завершила процесс перевода всех материалов сайта ICANN.org на девять языков (включая русский), предлагает переводить термин «holder of a domain-name registration» / «domain-name holder» как «держатель регистрации доменного имени» / «держатель доменного имени»⁸.

С позиции доктрины лицо, на чье имя зарегистрирован домен, не может именоваться ни «владельцем доменного имени», ни уж тем более «владельцем регистрации». Это обусловлено тем, что под «владельцем» традиционно понимается лицо, осуществляющее соответствующее правомочие в отношении вещей материальных, тогда как применительно к нематериальным объектам (к которым относится и доменное имя) речь может идти лишь об обладании правами [8]. Тем не менее, в отечественной практике и в судебных актах лицо, на чье имя зарегистрировано доменное имя, чаще всего обозначают как «владелец доменного имени» или «владелец домена»⁹, «администратор доменного имени» («администратор домена») ¹⁰. В публичных договорах встречаются иные вариации: «заказчик», «клиент». Кроме того, для термина «владелец» допустим перевод на английский язык как «owner», «proprietor», «possessor»¹¹. Термин «правообладатель» явно более применим к рассматриваемой ситуации, учитывая вариации перевода и сочетаний «holder»: «right holder», «copyright holder». Более того, в Инструкции № 47 дается понятие «владелец доменного имени – физическое лицо, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, обладающие правами на администрирование доменного имени, возникшими из оснований, предусмотренных настоящей Инструкцией», а «администрирование доменного имени – осуществление полномочий по использованию доменного имени в соответствии с настоящей Инструкцией»;

Тем не менее, на странице Интернет-ресурса «Whois identify for everyone» <https://www.whois.com/whois/> содержится следующая информация о каждом зарегистрированном доменном имени в рамках разделов: «Domain Information», «Registrant Contact», «Administrative Contact», «Technical Contact». Во многих случаях в качестве регистранта, администратора и техподдержки в реестре указано одно и то же лицо. Как отмечает М.А. Рожкова «Это, впрочем, не позволяет отождествлять перечисленных субъектов, обладающих принципиально разным объемом полномочий, – ведь полномочиями по определению судьбы (распоряжению) прав на доменное имя обладает только первое из названных лиц. Под администратором же доменного имени, строго говоря, понимается лишь лицо, полномочное решать вопросы администрирования, но никак не лицо, обладающее правами на зарегистрированное доменное имя!» [9]. В Модельном Законе «О цифровых правах», утвержденном Постановлением Межпарламентской ассамблеи СНГ от 14 апреля 2023 г. № 55-12 (далее – Модельный Закон «О цифровых правах»), говорится следующее: «право на доменное имя возникает у заинтересованного лица (обладателя домена) с момента регистрации доменного имени»¹².

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что *регистрант* подаёт заявку на оказание услуг по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне путем заполнения соответствующей

⁷ Сагдеева, Л.В. Исключительное право и право собственности: единство и дифференциация в осуществлении и защите: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2020. – 296 л.

⁸ URL: <https://www.icann.org/resources/pages/udrp-rules-2015-03-11-en>.

⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=T61001277>; URL: <https://court.gov.by/ru/firmennye/naimenovaniya/2c65234fac2d4fee.html>; URL: <https://whois.cctld.by/#/whois>.

¹⁰ По установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс]: решение комиссии Мин-ва антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь, 22 сент. 2022 г., № 415/29-2022 // ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

¹¹ Юридический словарь. URL: <https://multilang.pravo.by>.

¹² О цифровых правах: Модельный Закон, 14 апр. 2023 г., № 55-12 // ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

формы в личном кабинете пользователя на официальном сайте регистратора. Далее, доменное имя начинает существовать после факта регистрации; в этот же момент регистрант становится *правообладателем* доменного имени и вступает во второе правоотношение – между ним и третьими лицами. Соответственно, лицо с момента подачи следует именовать «регистрант», а после регистрации доменного имени – «правообладатель».

Абсолютное правоотношение появляется с исходной точки существования объекта: доменное имя *de jure* создается с момента внесения в базу данных сведений, таким образом, в цифровой среде создается объект; в этот же момент права на доменное имя переходят правообладателю и начинается абсолютное правоотношение правообладателя доменного имени. Безусловно, рассматриваемое абсолютное правоотношение зависит от относительного, потому что без существования относительного правоотношения, которое обусловлено договором оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне между регистратором и регистрантом/правообладателем, не возникнет ни объект цифровой среды – доменное имя, ни непосредственно абсолютное правоотношение. Как пишет Б.Б. Черепакхин: «в любом... абсолютном правоотношении изменение субъектного состава может касаться только смены активного субъекта (субъекта права)» [10].

Прекращение обязательств по договору оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне, как и расторжение названного договора, влекут прекращение обоих правоотношений: как относительного, так и абсолютного. Тем не менее, прекращение абсолютного правоотношения у одного лица не всегда означает прекращение существования самого объекта цифровой среды – доменного имени: в случае отчуждения права на доменное имя оно продолжит существовать, а абсолютное правоотношение возникнет уже у другого лица. Субъекты абсолютного правоотношения – правообладатель доменного имени, все третьи лица. Объект абсолютного правоотношения – право на доменное имя. Содержание абсолютного правоотношения – права и обязанности правообладателя, обязанность всех третьих лиц не препятствовать ему в осуществлении своего субъективного права.

Проблема владения доменным именем. Объём права на доменное имя не соответствует по структуре праву собственности, потому что доменное имя не является вещью, соответственно, правообладатель не является собственником. С.С. Алексеев выделял три «исходных начала (составляющих)» собственности: «вещи, иные внешне объективизированные предметы как объект собственности; полное, абсолютное обладание объектом собственности, отношение к вещам как «к своим» [11, с. 6–7]. Г.Ф. Шершеневич же понимал под владением «фактическое господство лица над вещью, соединенное с намерением присвоить её себе» [12, с. 16] и отмечал тесную связь владения с правом собственности [12, с. 23]. Таким образом, категория «владение» применима исключительно к материальным объектам. При этом, как отмечал В.А. Дозорцев, «нематериальный объект никак не ограничен в пространстве, никакого «владения» им существовать не может» [13, с. 37].

Вышеизложенное относится к доменным именам, являющимся нематериальными объектами цифровой среды, и выделять в качестве правомочий владение ими нецелесообразно. Очевидно, что доменное имя не может быть признано объектом материального мира. Небезынтересным является подход Р. Мерзликиной и И. Долиной к определению доменного имени: «...доменное имя – это неимущественное благо, на которое приобретает личное неимущественное право в силу закона» [14, с. 35].

Отечественное законодательство не содержит указаний на охрану доменных имен и запрет третьим лицам посягать на право на доменное имя, несмотря на то, что право на доменное имя обладает всеми признаками права абсолютного. В белорусской правовой доктрине не рассматривалась категория «право на доменное имя». В Российской Федерации распространён подход выделения, использования и распоряжения доменным именем. Так, один из подходов предполагает рассмотрение права администрирования. В.О. Калятин указывал, что право администрирования «проявляется, прежде всего, в возможности структурирования соответствующей области имен и определения условий предоставления пользования этими именами. В то же время очевидна и тесная связь права на использование доменного имени с возможностью управления определенной областью доменных имен...» [5, с. 46]. К.В. Сокелин также выделяет право администрирования доменного имени¹³. Как пишет К.В. Геец, «В самом общем смысле данная функция предполагает, что именно администратор правомочен определять структуру доменного имени, выделения в нем поддоменов, определения того, будет ли кто-либо использовать эти поддомены, и, в случае, если будет, круга таких лиц и порядка такого использования»¹⁴. А.Г. Серго отмечал, что «право на создание поддоменов и их количество зависят от содержания договора между владельцем доменного имени и регистратором» [15, с. 93]. Автором в качестве примера реализации функции администрирования рассматривается крупная поисковая площадка, в которой, помимо поисковой услуги, есть реклама, автоматический перевод и т.д.

В свою очередь, М.А. Рожкова справедливо отмечает: «В отечественной практике и в судебных актах лицо, на чье имя зарегистрировано доменное имя, чаще всего обозначают как «администратора доменного имени». Является ли верным избранное обозначение? Думается, что ответ на этот вопрос не может быть положительным. <...> Под администратором же доменного имени, строго говоря, понимается лишь лицо, полномочное решать вопросы администрирования, но никак не лицо, обладающее правами на зарегистрированное доменное имя!» [9].

¹³ Сокелин, К. В. Охрана права на доменное имя в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Ин-т государства и права РАН. – М., 2007. – 23 с.

¹⁴ Геец, К.В. Право на доменное имя и пределы его осуществления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2022. – 277 л.

Она рассматривает возможность создания поддоменных имён, иных идентификаторов в правомочии использования [16]. Допустим, что правообладатель, выделяя поддоменные имена, определяет правила их использования, возможность предоставления их использования третьим лицам и т.п., создавая при этом новый объект цифровой сферы. Регистрация доменных имён третьего и последующих уровней, т.е. нижестоящих доменных имён, допускается только при наличии зарегистрированного доменного имени соответственно второго и последующего уровней. Правообладателем нижестоящего доменного имени может быть как непосредственно правообладатель доменного имени второго уровня, так и другое лицо, заключившее с правообладателем доменного имени второго уровня договор на обеспечение функционирования нижестоящего домена. Например, правообладатель ООО «Яндекс», выделяющий подуровнями своего доменного имени второго уровня «by», создал новые *объект-идентификаторы* адресного пространства: «music.yandex.by», «taxi.yandex.by», «alice.yandex.by», «market.yandex.by» и пр., которые, несмотря на количество и тематику, относятся к вышестоящему доменному имени «yandex.by».

В целом, представляется, что появление доменного имени второго уровня, влекущее и появление новых поддоменных имен, целесообразно отнести именно к правомочию распоряжения, поскольку правообладатель, определяя судьбу своего объекта цифровой среды, создает из него новый объект-идентификатор цифровой среды, хотя и относящийся к основному и абсолютно зависимый от него.

Необходимо обратить внимание, что часть адресного пространства внутри доменного имени может быть идентифицирована не только путем создания поддоменного имени, но и иными идентификаторами, например, URL или электронной почтой, например, «https://yandex.by/maps/», «https://yandex.by/pogoda» и проч. Структурирование и наполнение адресного пространства с помощью выделения иных идентификаторов (за исключением доменных имён) входят в правомочие использования, а создание поддоменных имён (нижестоящих доменных имён), приводящих к появлению нового доменного имени третьего и последующих уровней – в правомочие распоряжения. Очевидно, что выделять названные функции в качестве некоего отдельного правомочия администрирования нецелесообразно. Безусловно, правообладатель, реализуя правомочия использования доменным именем и распоряжения им, вправе определять, необходимо ли структурировать адресное пространство: как, каким образом и для каких целей. Определение правообладателем структуры адресного пространства состоит в возможности создания идентификаторов, что относится как к использованию, так и к распоряжению доменным именем.

К сожалению, в настоящее время под «правом администрирования» чаще понимается совокупность правомочий правообладателя. В первую очередь это связано с Инструкцией № 47, в которой под администрированием доменного имени понимается «осуществление полномочий по использованию доменного имени в соответствии с настоящей Инструкцией». Вдобавок ко всему, в публичном договоре оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне даётся следующая трактовка «администрирование доменного имени (домена) – осуществление полномочий по использованию доменного имени в соответствии с законодательством»¹⁵. Помимо этого, в Инструкции № 47 содержатся целые главы: «Глава 4. Приостановление администрирования доменного имени», «Глава 7. Передача прав на администрирование доменного имени, отказ от таких прав» (под которым понимается отчуждение самого права на доменное имя). В ч. 7 п. 10 Положения о создании индивидуальным предпринимателем коммерческой организации, учреждаемой одним лицом (Приложение к Закону Республики Беларусь от 22.04.2024 г. № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности») уточняется следующее: «Права индивидуального предпринимателя на администрирование доменного имени, зарегистрированного в национальной доменной зоне, переходят к созданной им коммерческой организации в порядке, определенном Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь»¹⁶.

Такой подход в понимании права администрирования как совокупности правомочий повсеместен. К примеру, Р.С. Смирнов понимает под правом администрирования как использование доменного имени, так и распоряжение им, указывая, что сущность этого права «состоит в возможности использования доменного имени путем определения структуры (иерархической последовательности) доменного имени, извлечения полезных свойств из факта обладания правом администрирования доменного имени, определения характера размещаемой информации, а также определения судьбы доменного имени»¹⁷. Отечественная судебная практика также под «правом администрирования» зачастую указывает на абсолютное права правообладателя доменного имени.

Так, в Решении судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного суда Республики Беларусь от 04.11.2022 г. Дело N ИГИП2299 есть фраза «Передать права на администрирование домена aum*** обществу с ограниченной ответственностью А.»¹⁸. А согласно определения Верховного Суда Республики Беларусь от 21 сентября 2022 г. «были приняты меры по обеспечению иска в виде запрета 3. передавать права на администрирование доменов av-m***, av***, avm*** и aum***, отказываться от этих прав и осуществлять трансфер указанных доменов до постановления решения по настоящему делу и запрета ООО О. вносить в

¹⁵ URL: <https://becloud.by/upload/iblock/8d6/gaggh6aig43s7qjb99g09m70z70l4b4k/PUBLICHNYI-DOGOVOR-okazaniya-uslugi-po-registratsii-domennykh-imen-by-bel.pdf>.

¹⁶ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/msb-aktual-info/Zakon-Respubliki-Belarus-ot-22.04.2024-365-Z-Ob-izmenenii-zakonov-po-voprosam-predprinimatelskoj-deyatelnosti.pdf>.

¹⁷ Смирнов, Р.С. Доменное имя как объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. – М., 2011. – 24 с.

¹⁸ URL: <https://court.gov.by/ru/firmennie/naimenovaniya/2c65234fac2d4fee.html>.

базу данных доменных имен сведения о передаче прав на администрирование указанных доменов, об отказе от этих прав и о трансфере доменов». Как следует из письма от 29 сентября 2022 г. Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, на основании данного определения «администратором национальной доменной зоны в отношении доменных имен av-m***, av***, avm*** и aum*** были реализованы меры по временному блокированию технической возможности изменения соответствующей информации, внесенной в базу данных о доменных именах, зарегистрированных в национальной доменной зоне, в том числе об их владельцах (о передаче прав на администрирование, отказе от этих прав, трансфере доменов)»¹⁹.

В Методических рекомендациях по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденным Приказом Министерства антимонопольного регулирования Республики Беларусь от 18.12.2020 г. № 235, в п. 26 указывается следующее: «Предписанием о прекращении недобросовестной конкуренции антимонопольный орган вправе обязать нарушителя (нарушителей) изменить фирменное наименование или коммерческое обозначение, дизайн этикетки или упаковки товара или его наименование таким образом, чтобы не создавать смешение с конкурентами, их товарами, а также предпринимательской деятельностью конкурентов, передать конкуренту право администрирования доменного имени, приобретенного недобросовестно и содержащего в наименовании средство индивидуализации конкурента»²⁰.

В настоящее время как в белорусской законодательной и правоприменительной практике, так и в Российской Федерации понимание термина «право администрирования» аналогично включает совокупность правомочий администратора доменного имени – подразумевается целиком абсолютное право. Выделение права администрирования является чрезмерной мерой, ввиду того, что право выделения в доменном имени дополнительного адресного пространства является составляющей права использования, а право создания поддоменных имён и предоставления их использования – права распоряжения.

Заключение. Таким образом, на сегодняшний день отношения, связанные с использованием доменных имен, можно охарактеризовать следующими пунктами:

1. Регистрант подаёт заявку на оказание услуг по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне путем заполнения соответствующей формы в личном кабинете пользователя на официальном сайте регистратора (начало обязательственных правоотношений между регистрантом и правообладателем). Далее, доменное имя начинает существовать после факта регистрации – в этот же момент регистрант становится *правообладателем доменного имени* и вступает в обязательственное правоотношение между ним и третьими лицами, объектом которого и является право на доменное имя, при условии осуществления правообладателем предпринимательской деятельности, выступающее объектом гражданского оборота.

2. Абсолютное правоотношение зависит от относительного, потому что не может возникнуть без него. Прекращение правоотношений происходит одновременно. Исключением являются ситуации ликвидации регистратора, отзыв аккредитации, – в данном случае относительное правоотношение прекращается, но возникает у другого регистратора, соответственно, возможен лишь короткий временной промежуток существования безотносительного правоотношения в данной сфере.

3. Абсолютное право на доменное имя включает правомочие использования. Правомочие владения не может рассматриваться по причине нематериальности доменного имени как объекта. Правомочие использования – реализация функций доменного имени как непосредственно, так и через производные идентификаторы цифрового пространства. Из основной функции адресации исходят возможны вариации правомочия использования. Правомочие распоряжения – возможность определять судьбу доменного имени, предоставлять право использования целиком или частью третьим лицам, а также создание. Правомочие администрирования – сумма правомочий использования и распоряжения. Нецелесообразно выделять отдельно правомочие администрирования в структуре абсолютного права на доменное имя. Тем не менее, в Инструкции № 47, а также в правоприменительной практике Республики Беларусь правомочием администрирования именуется право на доменное имя как таковое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебная практика по гражданским делам: вопросы материального и процессуального права: сб. действ. постановлений Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, обзоров судебной практики, постановлений, решений и определений судебных инстанций за 2000 – 2010 гг. / сост. Н.А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – 975 с.
2. Рожкова М.А. Доменное имя – это объект гражданских прав? [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2021. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/01/domennoe_imya_eto_obekt_grazhdanskikh_prav_is_a_domain_name_an_object_of_civil_rights. (дата обращения: 08.08.2024).
3. Гражданское право: учеб. В 3 т. – Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева и др.; под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 1040 с.
4. Вацковский Ю.Ф. Доменные споры. Защита товарных знаков и фирменных наименований. – М.: Статут, 2009. – 188 с.

¹⁹ URL: <https://court.gov.by/ru/firmennje/najmenovaniya/2c65234fac2d4fee.html>.

²⁰ Об утверждении методических рекомендаций по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции: Приказ Министерства антимонопольного регулирования Республики Беларусь от 18.12.2020 г. № 235 // ЭТАЛОН-ONLINE / Национальный центр законодательства и правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

5. Калятин В.О. Доменные имена. – М.: ИНИЦ «Патент», 2006. – 188 с.
6. Новосёлова Л.А. Суд по интеллектуальным правам: активное взаимодействие с представителями IT-индустрии // Доменные имена. – 2013. – № 2. – С. 24–26.
7. Рожкова М.А. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть четвертая – об относительных правах на игровое имущество и абсолютных правах на доменные имена) [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2019. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/03/26/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_chetvertaya_ob_o. (дата обращения: 08.08.2024).
8. Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав [Электронный ресурс] // Право цифровой экономики. – 2020. – № 16. – URL: <https://rozhkova.com/pdf/2020-16-pce-i.pdf>. (дата обращения: 08.08.2024).
9. Рожкова М.А. Владелец прав на доменное имя: характеристика правовых возможностей [Электронный ресурс] // Хозяйство и право – 2015. – № 12. – URL: <https://rozhkova.com/pdf/2015-12.pdf>. (дата обращения: 08.08.2024).
10. Черепашин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву [Электронный ресурс] // Труды по гражданскому праву. – 2001. – URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/22/>. (дата обращения: 08.08.2024).
11. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. – 3-е изд. – М.: Норма, 2008. – 238 с.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: Особенная часть: учеб. В 2 т. – М.: Юрайт, 2020. – Т. 2. – 450 с.
13. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / Исслед. центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. – 2-е изд. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
14. Мерзликина Р., Долина И. Проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2007. – № 4. – С. 28–36.
15. Серго А.Г. Доменные имена как средство индивидуализации // Хозяйство и право. – 2011. – № 5. – С. 92–98.
16. Рожкова М.А. Владелец прав на доменное имя: характеристика правовых возможностей [Электронный ресурс] // Хозяйство и право. – 2015. – № 12. – URL: <https://rozhkova.com/pdf/2015-12.pdf>. (дата обращения: 08.08.2024).

Поступила 17.09.2024

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE RELATION RELATED TO USE OF DOMAIN NAMES

T. SIAMIONAVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The author characterizes the legal nature and essence of legal relations related to the registration and use of domain names and determines the place of the studied social relations in the subject of civil law; establishes two types of legal relations related to the registration and use of domain names: obligatory legal relations between the registrar and the registrant/right holder, absolute legal relations of the right holder of the domain name; substantiates the condition under which the object of the absolute legal relations is the right holder of the domain name.

Keywords: *absolute legal relationship, disembodied property, civil turnover, domain, domain name, object of civil turnover, right to a domain name, digital object, digital law.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-111-114

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ:
ЭЛЕКТРОННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО, ЭЛЕКТРОННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН,
ЦИФРОВОЕ ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО¹****канд. юрид. наук П.В. СОЛОВЬЁВ****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2800-9405>**

В статье с конституционно-правовых позиций исследуется вопрос трансформации субъектного состава правоотношений в условиях цифровизации. В качестве потенциальных направлений этой трансформации рассмотрены такие субъекты, как электронное юридическое лицо (коммерческие юридические лица, политические партии, общественные объединения), электронный государственный орган, цифровое должностное лицо. Главным образом, раскрыты правовые аспекты перехода «типичных» субъектов права из физической в цифровую оболочку. Предложено в нормативно-правовую плоскость ввести категорию «электронное юридическое лицо», предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде (например, такой элемент, как место нахождения юридического лица в виде физического адреса, должен стать факультативным). При этом, обращено внимание, что трансформация субъектного состава правоотношений требует разработки дополнительных правовых гарантий обеспечения конституционного правопорядка. Введение новых элементов в субъектный состав правоотношений не должно влечь понижение уровня правовой защищенности иных субъектов права.

Ключевые слова: цифровизация права, субъекты правовых отношений, электронные лица, электронные юридические лица, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо.

Введение. Исследования правовой регламентации отношений, формирующихся в результате цифровой трансформации общества, составляют авангард современной научной юридической мысли, и это вполне обосновано. Цифровизация изменяет привычные общественные отношения (цифровизация экономики, политики, образования и других сфер общественной жизни) и является катализатором совершенно новых, ранее не существовавших типов связей между членами общества (использование систем искусственного интеллекта, взаимодействие в социальных сетях и метавселенных, создание цифровых двойников объектов и субъектов реального мира и др.). В этой связи в юридической науке активно ведутся исследования проблем возможного изменения субъектного состава правовых отношений. Основная часть таких изысканий сконцентрирована на вопросе о потенциальной возможности признания правосубъектности за системами искусственного интеллекта. В юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [1; 2], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной правосубъектности системам искусственного интеллекта. Эта категория уже находит свое воплощение в нормативно-правовой плоскости.

Так, Европейским парламентом 16 июля 2017 г. была принята резолюция «Гражданско-правовые нормы о робототехнике»², в которой предлагается в будущем роботов высокой степени автономности признавать электронными лицами (англ. *electronic person*). Согласно указанному документу, для признания роботов электронными лицами следует учитывать следующие критерии: 1) способность обмениваться данными с окружающей средой и анализировать их; 2) способность адаптировать свое поведение в соответствии с окружающей средой; 3) способность самообучаться на своем опыте и взаимодействии с окружающей средой; 4) способность функционировать при минимальной физической поддержке других субъектов; 5) отсутствие жизни с биологической точки зрения. Этот особый правовой статус, в том числе, предполагает возможность такого автономного робота нести ответственность за причиненный им ущерб в тех случаях, когда он принимал решения автономно (п. 59).

В свою очередь, Закон об искусственном интеллекте (Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте³), принятый Европейским парламентом 13 марта 2024 г. и одобренный Советом Европейского союза 21 мая 2024 г., не содержит норм, предоставляющих какую-либо правосубъектность системам искусственного интеллекта независимо от степени их автономности. Акт, в большей части, направлен на обеспечение безопасности и прозрачности использования искусственного интеллекта, а также соблюдения прав человека в различных сценариях его использования государством и бизнесом. Тема о возможных моделях юридической ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта, является не менее популярной чем проблема его правосубъектности. Здесь, как правило, исследуются вопросы объективной ответственности, управления рисками, введения системы страхования и др. [3].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г24М-050 «Реализация нормотворческого принципа цифровизации в Республике Беларусь»)

² URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html.

³ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689>.

В целом, следует констатировать что в юридической доктрине и нормативно-правовой плоскости отдельных государств и межгосударственных образований отсутствует единая позиция относительно правового статуса систем искусственного интеллекта, в том числе и в оболочке роботов высокой степени автономности. Однако, на наш взгляд, в силу распространения систем искусственного интеллекта в различных сферах общества уже присутствует необходимость разработки института квазюридической ответственности в отношении данных систем. Здесь может идти речь о выработке правил ограничения, временного блокирования, удаления систем искусственного интеллекта при наличии угроз правопорядку. Вопрос юридической ответственности электронных лиц также является достаточно дискуссионным.

Основная часть. Как представляется, сегодня, перед формированием правовой позиции в отношении новых субъектов правовых отношений, следует закончить правовое оформление цифровой трансформации «типичных» субъектов права. Одним из таких примеров является правовая категория электронного юридического лица, которая созвучна категории «электронное лицо», однако предполагает лишь некоторую цифровую трансформацию такого типичного субъекта правоотношений, как «юридическое лицо» и не имеет прямой связи с вопросом правосубъектности систем искусственного интеллекта.

В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (ст. 44) юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом. Категория «юридическое лицо» с вышеупомянутым «электронным лицом» имеет важное сходство: они являются примером юридической фикции, признаются субъектом правоотношений для того, чтобы само правоотношение могло состояться, несмотря на то, что такой субъект в объективной реальности не существует, не имеет сознания и воли.

В условиях современного цифрового общества юридическое лицо может стать еще большей «фикцией», что связано с процессами перехода внешней деятельности юридического лица из физического пространства в цифровое. Ряд видов экономической деятельности не предполагает наличие производственных помещений или офисов, главным образом, в сфере информационных технологий. Договорные отношения с контрагентами оформляются посредством электронного документооборота (институт смарт-контрактов и вовсе минимизирует человеческое участие в договорной работе). В свою очередь, трудовые отношения с работниками строятся в плоскости дистанционного труда, т.е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Говорить можно не только о переходе юридического лица из физической оболочки в цифровую с позиций внешней деятельности, но и внутренней организации. Рассмотрим ряд таких основных аспектов:

- учредительные документы электронного юридического лица могут представлять собой электронные документы, доступные для ознакомления и работы с ними на цифровой платформе;
- уставной фонд (для коммерческих юридических лиц) может состоять из цифровых активов: конвертируемые виртуальные валюты, криптовалюты, невзаимозаменяемые токены (NFT), имущество в метавселенных и т.п.;
- органы юридического лица могут представлять из себя цифровую платформу принятия решений и осуществления контроля за деятельностью организации: в настоящее время предпринимаются попытки проведения судебных заседаний с использованием технологии виртуальной реальности, соответственно, коллегиальные органы юридического лица (собрание, совет, правление и т.д.) могут осуществлять свою работу, например, в метавселенной;
- место нахождения юридического лица из физического адреса может быть трансформировано в цифровое место нахождения: доменное имя, e-mail, никнейм в социальных сетях и др. При этом такие формы коммуникации могли бы считаться надлежащим способом взаимодействия с этим юридическим лицом при направлении обращений физических и юридических лиц (контрагентов, работников), официальным способом взаимодействия с государственными органами при осуществлении контрольно-надзорных функций.

Таким образом, на современном этапе развития цифрового общества категория «юридическое лицо» может быть дополнено такой своей разновидностью, как электронное юридическое лицо, которое предполагает переход юридического лица из физической оболочки в цифровую, т.е. внутреннее и внешнее функционирование таких юридических лиц будет осуществляться в цифровой среде. В первую очередь, это касается коммерческих юридических лиц, но в определенной степени применимо и к некоммерческим юридическим лицам, политическим партиям, общественным объединениям, а также государственным органам. Ведь последние формально имеют статус юридического лица и фактически, в некоторых моментах, схожую внутреннюю и внешнюю деятельность.

Политические партии и общественные объединения соответственно могут трансформировать в электронные политические партии и электронные общественные объединения. Например, определение электронной политической партии можно формулировать следующим образом: общественное объединение людей в цифровом пространстве, которые преследуют политические цели, в том числе посредством участия в выборах, при этом выявление и выражение политической воли граждан осуществляется различными цифровыми инструментами. В первую очередь, само объединение граждан с общими политическими интересами и идеалами, взаимодействие членов партии происходит в цифровой среде (интернет-сообщества, сообщества в социальных сетях и т.п.). Такая

политическая партия, как и электронное юридическое лицо, не нуждается в физической оболочке (проведение офлайн учредительных съездов, наличие физического юридического адреса и т.д.) как этого требует действующее законодательство о политических партиях. Деятельность электронной политической партии – разработка и продвижение политических программ, работа с общественным мнением, проведение собраний членов партии, участие в управлении государственными и общественными делами и др. – также предполагает переход в цифровой формат. Так, разработка политических программ, обращений и заявлений к общественности может осуществляться на основе краудсорсинговых технологий, которые предполагают решение каких-либо задач силами достаточно широкого круга заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на цифровой платформе. Здесь различные инструменты интернет-общения (голосование «за» или «против» проекта текста в целом, его отдельных положений, размещение замечаний к проекту, формулирование к проекту предложений, которые также могут быть оценены другими пользователями и т.п.) позволяют сформировать согласованный с большинством заинтересованных лиц политической документ.

Разумеется, здесь так же, как и в случае с электронными юридическими лицами, возникает проблема обеспечения конституционных интересов личности, общества, государства в условиях осуществления партийной деятельности в цифровой среде, которая не в полной мере доступна государству для осуществления контроля.

Продолжая линию цифровой трансформации юридических лиц, обращает на себя внимание и вопрос возможного появления электронных государственных органов. Как представляется, возможен переход отдельных государственных органов полностью в цифровую среду, т.е. государственный орган из физической оболочки (административное здание, почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема и т.д.) будет перенесен в цифровую среду (цифровая платформа взаимодействия государственного органа с гражданами и юридическими лицами, должностных лиц между собой и с другими государственными органами, доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для обращений граждан и юридических лиц т.д.). В данном случае мы говорим лишь об изменении внутренней организации государственного органа и формы взаимодействия с иными участниками правоотношений, но с точки зрения кадрового устройства – изменений нет: электронный государственный орган состоит из государственных служащих – физических лиц, которые занимают государственные должности и осуществляют посредством цифровых инструментов государственно-властные полномочия. В то же время, в рамках цифровой трансформации государственных органов речь может идти и о создании цифрового должностного лица, под которым мы понимаем уже не физическое лицо, а систему искусственного интеллекта, осуществляющую государственно-властные полномочия. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур и т.п. На наш взгляд, это даже не требует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Переход к электронным государственным органам и цифровым должностным лицам будет способствовать экономии средств на содержание государственного аппарата, прозрачности деятельности, минимизации коррупционных проявлений. Однако в условиях цифровой трансформации государственного аппарата «утилитарное рассмотрение государства на уровне института обслуживания потребностей населения» [4, с. 59] неверно. Физическое воплощение отдельных государственных органов: административное здание, материальные атрибуты власти, физический контакт с должностным лицом – выступают важным элементом государственности и позволяет государствам выполнять особую функцию в обществе. Следует признать, что «роль государства нельзя свести исключительно к сервисной деятельности. Существует целый ряд ситуаций, в которых «оцифровка» взаимоотношений человека, общества и государства является недопустимой и разрушающей само понимание государства как особого общественного института, укорененного в истории и культурной традиции» [5, с.17].

Если деятельность государства представить в таких плоскостях, как правотворчество, правоприменение и отправление правосудия, то появление электронных государственных органов и цифровых должностных лиц допустимо в отдельных сферах правоприменительной деятельности органов исполнительной власти, главным образом, в части осуществления административных процедур (разумеется, с сохранением права физического лица на рассмотрение его обращения человеком, а не системой искусственного интеллекта, для исключения формального подхода при разрешении нетипичных жизненных ситуаций и обеспечения справедливого правоприменительного решения).

Заключение. Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. На современном этапе развития цифрового общества категория «юридическое лицо» может быть дополнена такой разновидностью, как «электронное юридическое лицо», которое предполагает переход юридического лица из физической оболочки в цифровую, т.е. внутреннее и внешнее функционирование таких юридических лиц будет осуществляться в цифровой среде. В первую очередь, это касается коммерческих юридических лиц, но, в определенной степени, применимо и к некоммерческим юридическим лицам, политическим партиям, общественным объединениям, а также государственным органам.

2. В нормативно-правовую плоскость следует ввести категорию «электронное юридическое лицо», предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде (например, такой элемент, как место нахождения юридического лица в виде физического адреса должен стать факультативным). При этом выделение отдельной категории «электронное юридическое

лицо» (а также включение в наименование юридического лица указание «электронное») будет одним из элементов обеспечения безопасности интересов личности, общества, государства при появлении таких субъектов права. С одной стороны, указание на электронную форму юридического лица обозначает риски для субъектов, которые взаимодействуют с ним, с другой – позволяет законодателю формировать специальный правовой статус для электронных юридических лиц.

3. Дальнейшим этапом развития категории «юридическое лицо» может стать его трансформация из электронного юридического лица в цифровое юридическое лицо, отличительным признаком которого будет служить его полное или частичное управление системой искусственного интеллекта.

4. Цифровая трансформация блока юридических лиц требует разработки дополнительных правовых гарантий обеспечения конституционного правопорядка. Введение новых элементов в субъектный состав правоотношений не должно влечь понижение уровня правовой защищенности иных субъектов права, снижать уровень эффективности контрольно-надзорной деятельности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
2. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 61–73.
3. Павлов В.И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности // Право.by. – 2023. – № 6(86). – С. 74–84.
4. Ипатов В.Д., Климович Ю.С. О приоритетных направлениях научно-правовых исследований в условиях цифровизации общества и государства // Право.by. – 2023. – № 6(86). – С. 54–61.
5. Александров В.Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2. – С. 16–21.

Поступила 13.09.2024

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL RELATIONS SUBJECTS: ELECTRONIC LEGAL ENTITY, ELECTRONIC STATE BODY, DIGITAL OFFICIAL

P. SOLOVJOV

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article shows the problem of transformation of subjects of legal relations in the context of digitalization from the constitutional position. Such subjects as an electronic legal entity (commercial legal entities, political parties, public associations), an electronic government agency, and a digital official are considered as potential areas of such transformation. The article mainly reveals the legal aspects of the transition of "typical" subjects of law from a physical to a digital shell. It is proposed to introduce the category of "electronic legal entity" into the legal area, providing for the possibility of a legal entity to fully carry out internal and external activities in the digital environment (for example, such an element as the location of a legal entity in the form of a physical address should become optional). At the same time, attention is drawn to the fact that the transformation of the subject composition of legal relations requires the development of additional legal guarantees to ensure constitutional order. The introduction of new elements into the subject composition of legal relations should not entail a decrease in the level of legal protection of other subjects of law.

Keywords: digitalization of law, subjects of legal relations, electronic persons, electronic legal entities, electronic state body, digital official.

УДК 340.1

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-115-120

СТРУКТУРА ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК КОМПЛЕКСНОЙ ОТРАСЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Е.С. ТЕНЮТА

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

В условиях стремительного увеличения количества технических нормативных правовых актов происходит постепенное становление технического законодательства. В настоящей статье автором исследуется структура технического законодательства, выделяются его элементы (части), каждый из которых автор дополнительно описывает с указанием содержания и специфики. Также проводится анализ связей, формируемых между структурными элементами технического законодательства и возникающих внутри отдельных структурных элементов.

Ключевые слова: *техническое законодательство, технические нормативные правовые акты, структура законодательства, связи координации, связи субординации.*

Введение. Технические нормативные правовые акты (далее – ТНПА) – это собирательная категория, подразумевающая под собой различные виды актов (авиационные правила, нормы охраны труда, нормы пожарной безопасности и т.д.), совокупность которых образует техническое законодательство, подобное понятию уголовного, налогового и другого законодательства. В настоящее время в доктрине сформировалась точка зрения, в соответствии с которой техническое законодательство представляет собой самостоятельное правовое образование, а именно комплексную отрасль законодательства [1]. Мы также солидарны с указанной позицией, поскольку совокупность актов, образующая техническое законодательство, соответствует сложившимся в доктрине критериям комплексной отрасли законодательства. В частности, техническое законодательство может быть охарактеризовано, как комплексное, поскольку в его актах теснейшим образом увязаны общественные отношения, относящиеся к нескольким отраслям права (административное, трудовое, экологическое и др.). Кроме того, осуществляемое государственное управление в сфере технического регулирования выступает в качестве системообразующего фактора, обуславливающего объединение различных ТНПА в комплексную отрасль законодательства.

Будучи целостным образованием, техническое законодательство также характеризуется своей неоднородностью, в связи с чем его можно представить в качестве совокупности отличающихся по своему содержанию структурных элементов. Подобное внутреннее структурирование обусловлено возможностью «вычленения» отдельных узких сфер в рамках осуществляемого общего государственного управления в области технического регулирования, являющегося, как ранее было отмечено, основным интегрирующим фактором для технического законодательства (например, техническое регулирование в сфере строительства, здравоохранения, фармакологии и т.д.). В пределах выделенных узких сфер происходит разработка и принятие ТНПА, которые группируются и образуют соответствующие структурные элементы технического законодательства.

Однако до настоящего времени вопрос структуры технического законодательства остается малоизученным и нуждается в детальном анализе, поскольку его исследование может оказать существенную помощь правотворческим органам. Указанное обусловлено тем, что понимание внутренней структуры технического законодательства имеет принципиальное значение для последующего поиска оптимальных путей упорядочивания и систематизации ТНПА, образующих данную отрасль законодательства.

Основная часть. Проведенный нами комплексный и всесторонний анализ белорусского технического законодательства, а также основных направлений осуществляемого государственного управления в сфере технического регулирования позволяет выделить целый ряд структурных элементов (частей) национального технического законодательства. Каждый структурный элемент уникален и отличается от иных по следующим критериям:

- по сфере действия (строительство, сельское хозяйство, охрана труда и т.д.);
- по видам ТНПА, образующих данный структурный элемент (например, зооигиенические правила относятся только к техническому законодательству в сфере сельского хозяйства и ветеринарной деятельности и т.д.);
- по функциональному назначению (например, акты в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения способствуют обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности государства и т.д.).

В целом считаем обоснованным выделить следующие структурные элементы (части) белорусского технического законодательства:

1. Техническое законодательство в сфере технического нормирования и стандартизации.

Техническое законодательство в сфере технического нормирования и стандартизации представляет собой самую крупную структурную единицу белорусского технического законодательства. Оно объединяет в себе акты, которые связаны с двумя самостоятельными, но взаимно пересекающимися направлениями деятельности государства по установлению требований безопасности к продукции, работам и услугам: техническим нормированием и стандартизацией. Вместе с этим считаем целесообразным ТНПА, образующие техническое законодательство в данной сфере, дополнительно сгруппировать следующим образом:

- законодательство в сфере технического нормирования;
- законодательство в сфере стандартизации.

Законодательство в сфере технического нормирования представляет собой совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, т.е. осуществления технического нормирования. Согласно пп. 1.32 п. 1 ст. 2 Закона о ТНиС техническое нормирование на территории Республики Беларусь осуществляется путем разработки технических регламентов Республики Беларусь и технических регламентов ЕАЭС¹. В то же время следует отметить, что в состав белорусского законодательства в сфере технического нормирования не входят технические регламенты ЕАЭС, которые, в свою очередь, составляют особый «пласт» актов технического регулирования. Соответственно, техническое законодательство в сфере технического нормирования следует рассматривать как совокупность национальных технических регламентов. В настоящее время на территории Республики Беларусь действует только пять национальных технических регламентов, посредством которых установлены обязательные для соблюдения требования к минеральным удобрениям (ТР 2010/014/ВУ), зданиям и сооружениям, строительным материалам (ТР 2009/013/ВУ), кормам и кормовым добавкам (ТР 2010/025/ВУ), средствам электронной связи (ТР 2018/024/ВУ) и информационным технологиям и средствам защиты информации (ТР 2013/027/ВУ).

В свою очередь, законодательство в сфере стандартизации представляет собой совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных требований к объектам стандартизации, а также отношения по поводу применения и исполнения ТНПА, относящихся к сфере стандартизации. В Республике Беларусь техническое законодательство в сфере стандартизации образуют технические кодексы установившейся практики (далее – ТКП), общегосударственные классификаторы, государственные стандарты, технические условия.

2. Техническое законодательство в сфере сельского хозяйства и ветеринарной деятельности.

Техническое законодательство в сфере сельского хозяйства и ветеринарной деятельности есть совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления требований к продуктам животного и растительного происхождения, кормам и кормовым добавкам, производству продукции животноводства, в том числе касающиеся содержания, кормления, разведения и использования животных. С помощью технического законодательства в сфере сельского хозяйства и ветеринарной деятельности государство обеспечивает ветеринарное благополучие и безопасность продуктов животного и растительного происхождения при их продаже на рынке, а также кормов и кормовых добавок.

Техническое законодательство в указанной сфере образуют ветеринарно-санитарные правила, зоотехнические и зоогигиенические нормы и правила, которых в настоящее время в Национальном фонде ТНПА зарегистрировано более 60 документов. Кроме того, к техническому законодательству в указанной сфере относятся некоторые технические регламенты Республики Беларусь и государственные стандарты, устанавливающие технические требования в сфере сельского хозяйства и ветеринарной деятельности (например, ТР 2010/025/ВУ, ГОСТ 2472-80 Машины и оборудование сельскохозяйственные. Наименование и марки и др.).

3. Техническое законодательство в сфере образовательной деятельности.

Техническое законодательство в сфере образовательной деятельности представляет собой совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений, возникающих по поводу установления обязательных технических требований к содержанию и качеству образовательного процесса, а также результатам освоения образовательной программы. Основной целью разработки и принятия актов, образующих техническое законодательство в данной сфере, является заинтересованность государства в высоком качестве образовательного процесса, а также создании надлежащих условий его осуществления.

Техническое законодательство в сфере образовательной деятельности образуют следующие виды ТНПА: образовательные стандарты; ТНПА, являющиеся структурными элементами научно-методического обеспечения образования (к примеру, учебные программы, учебные планы и др.) и учебные программы по отдельным видам спорта. Например, ОС-3 от 26.12.2018 № 125 Образовательный стандарт среднего образования закрепляет цели образования на III ступени общего среднего образования, а также требования к учебно-программной документации образовательной программы, максимальной учебной нагрузке учащихся, организации образовательного процесса и результатам освоения содержания образовательной программы среднего образования².

4. Техническое законодательство в сфере охраны труда.

Техническое законодательство в области охраны труда есть совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных требований к процессу и условиям трудовой деятельности, осуществления любых работ и видов деятельности, обеспечивающих здоровые и безопасные условия труда работающих. С помощью технического законодательства в сфере охраны труда государство обеспечивает снижение рисков производственного травматизма и профессиональных заболеваний, а также уменьшение количества несчастных случаев на работе.

¹ О техническом нормировании и стандартизации: Закон Республики Беларусь от 5 янв. 2004 г. № 262–3: с изм. и доп. от 5 янв. 2022 г. № 148–3 // Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h10400262&q_id=5298895.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21933745p>.

Техническое законодательство в рассматриваемой сфере включает в себя следующие виды ТНПА: правила по охране труда, типовые инструкции по охране труда, а также нормы бесплатной выдачи работникам средств индивидуальной защиты, смывающих и обезвреживающих средств. Кроме того, некоторые требования по охране труда могут содержаться в государственных стандартах, санитарных нормах и правилах, гигиенических нормах и правилах (например, ГН-1 от 11.10.2017 № 92 «Предельно допустимые концентрации вредных веществ в воздухе рабочей зоны», ГОСТ 27273-87 Охрана труда. Машины раскройные. Требования безопасности).

5. Техническое законодательство в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия.

Техническое законодательство в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия представляет собой совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений, связанных с установлением обязательных для соблюдения технических требований к состоянию здоровья населения и среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие на организм человека факторов среды его обитания и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности. Для государства значимость технического законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия обусловлена возможностью обеспечить с его помощью санитарно-эпидемиологическую безопасность государства.

Техническое законодательство в указанной сфере образуют санитарные нормы и правила, гигиенические нормативы (например, Санитарные нормы и правила «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию и эксплуатации агроэкосистем», Гигиенические нормативы «Перечень веществ, продуктов, производственных процессов, бытовых и природных факторов, канцерогенных для человека» и др.).

6. Техническое законодательство в области здравоохранения.

Техническое законодательство в области здравоохранения – это совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных технических требований к оказанию медицинской помощи в различных клинических ситуациях. Государство осуществляет разработку ТНПА, относящихся к техническому законодательству в сфере здравоохранения в целях установления оптимальных технологий профилактики, диагностики, лечения и реабилитации граждан, определения четких критериев оценки качества оказываемой медицинской помощи.

Техническое законодательство в данной сфере состоит из множества клинических протоколов, а также некоторых государственных стандартов в области здравоохранения (например, Клинический протокол-1 от 01.04.2022 № 23 «Диагностика и лечение пациентов (взрослое население) с витамин-В12-дефицитной анемией», ГОСТ 1207-70 «Повязки медицинские стерильные. Технические условия» и др.).

7. Техническое законодательство в сфере фармакологии.

Техническое законодательство в сфере фармакологии – это совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных технических требований к качеству лекарственных средств и сырья, из которых они производятся. Для государства значимость разработки и принятия технического законодательства в рассматриваемой сфере обусловлена возможностью поддержки высокого качества производимых (изготавливаемых) лекарственных средств, а также обеспечения безопасности и эффективности их применения населением.

Техническое законодательство в сфере фармакологии состоит из фармакопейных статей, а также некоторых ТКП и государственных стандартов (например, ГФ РБ 01/2013:0671 Лекарственные средства для ингаляций, ТКП 022-2012 (02041) «Производство лекарственных средств. Порядок разработки и постановки лекарственных средств на производство», ГОСТ 6077-80 «Сырье лекарственное растительное. Упаковка, маркировка, транспортирование и хранение» и др.). Следует отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь действует более 1 тыс. ТНПА, относящихся к техническому законодательству в данной сфере.

8. Техническое законодательство в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Техническое законодательство в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов – это совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных для соблюдения технических требований к уровню (показателям) допустимой антропогенной нагрузки и воздействия на окружающую среду, а также к порядку рационального использования природных ресурсов. Для государства значимость технического законодательства в рассматриваемой сфере, обусловлена тем, что с их помощью оно осуществляет контроль состояния окружающей среды, а также уровня воздействия на природную среду и её компоненты в процессе хозяйственной деятельности с целью обеспечения и поддержания экологической безопасности государства.

В настоящее время техническое законодательство в указанной сфере представляет собой достаточно разветвленную систему актов, включающую в себя различные виды ТНПА, в частности, экологические нормы и правила, нормы и правила рационального использования и охраны недр, проекты водоохранных зон и прибрежных полос, схемы землеустройства (например, ЭкоНиП 17.06.04-004-2022 Охрана окружающей среды и природопользование. Гидросфера. Правила расчета технологических нормативов водопользования, ГеоНиП 17.05.03-006-2022 Охрана окружающей среды и природопользование. Недр. Правила ведения наблюдений за режимом подземных вод и др.). Кроме того, к техническому законодательству в указанной сфере также следует отнести гигиенические нормативы, государственные стандарты и ТКП, устанавливающие требования в области охраны окружающей среды к объектам технического нормирования и стандартизации (например, ГОСТ 17.6.3.01-78

«Охрана природы. Флора. Охрана и рациональное использование лесов зеленых зон городов. Общие требования», ТКП 17.02-20-2023 (33140) «Охрана окружающей среды и природопользование. Правила удостоверения соответствия экотуристического продукта экологическим критериям» и др.).

9. Техническое законодательство в сфере градостроительной, архитектурной и строительной деятельности.

Техническое законодательство в сфере градостроительной, архитектурной и строительной деятельности представляет собой совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных для соблюдения технических требований к зданиям, сооружениям, промышленным объектам, коммуникациям и оборудованию, а также к процессу выполнения строительных и иных работ на объектах строительства. Посредством ТНПА, образующих техническое законодательство в сфере градостроительной, архитектурной и строительной деятельности, государство обеспечивает безопасность для жизни и здоровья человека строительных материалов, строительных изделий, строительных конструкций, объектов в процессе их производства, строительства и последующей эксплуатации, а также обеспечивающие качество строительных материалов, строительных изделий, строительных конструкций, систем инженерного обеспечения, объектов.

Техническое законодательство в указанной сфере состоит из строительных норм и правил, нормативов расхода ресурсов в строительстве, градостроительных проектов детального планирования (например, СН 1.03.01-2019 Возведение строительных конструкций зданий и сооружений, СП 1.03.02-2020 Монтаж внутренних инженерных систем зданий и сооружений и др.). Также к законодательству в указанной сфере можно отнести некоторые ТКП и государственные стандарты, устанавливающие требования в области архитектурной и строительной деятельности к объектам технического нормирования и объектам стандартизации (например, ГОСТ 25380-2014 «Здания и сооружения. Метод измерения плотности тепловых потоков, проходящих через ограждающие конструкции», ТКП 45-1.04-119-2008 (02250) «Здания и сооружения. Оценка степени физического износа» и др.).

10. Техническое законодательство в сфере транспорта и транспортных перевозок.

Техническое законодательство в сфере транспорта и транспортных перевозок – это совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование общественных отношений, связанных с определением технических требований к транспортным средствам, транспортной инфраструктуре, организации движения и деятельности по перевозке с использованием разных видов транспорта. Значимость разработки технического законодательства в области транспорта и перевозок заключается в возможности обеспечения безопасности дорожного движения, качества и безопасности пассажирских перевозок, а также снижения риска нанесения ущерба жизни, здоровью и имуществу граждан, организаций и государства в процессе перевозок или использования транспортных средств.

Техническое законодательство в указанной сфере состоит из правил по обеспечению безопасности перевозки опасных грузов, авиационных правил, правил технической эксплуатации железной дороги, а также некоторых ТКП и государственных стандартов (например, АП от 01.11.2004 № 57 Авиационные правила воздушной перевозки опасных грузов государственными воздушными судами Республики Беларусь, ТКП 314-2011 (02190) «Техническое обслуживание и ремонт городского электрического транспорта. Нормы и правила проведения», ГОСТ 34808-2021 «Легкорельсовые транспортные средства. Система торможения. Требования и методы проверки» и др.).

11. Техническое законодательство в сфере обеспечения технической, промышленной, радиационной и ядерной безопасности.

Техническое законодательство в сфере обеспечения технической, промышленной, радиационной и ядерной безопасности – это совокупность ТНПА, посредством которых обеспечивается регулирование общественных отношений, связанных с установлением обязательных технических требований к безопасному использованию атомной энергии и объектов, где она применяется, радиационных объектов, а также к безопасному использованию опасных производственных объектов и потенциально опасных объектов. Разработка и принятие ТНПА, составляющих техническое законодательство в этой сфере, имеют большое значение, поскольку благодаря им государство создаёт условия для защиты граждан, общества и окружающей среды от вредного воздействия ионизирующего излучения, предотвращения аварий и инцидентов на опасных производственных объектах и потенциально опасных объектах, обеспечивая тем самым ядерную, радиационную и промышленную безопасность.

Техническое законодательство в указанной сфере состоит из норм и правил по обеспечению ядерной и радиационной безопасности, правил промышленной безопасности, правил по обеспечению технической безопасности, гигиенических нормативов, санитарных норм и правил (например, Правила-1 от 11.05.2010 № 19 «Правила устройства и эксплуатации систем вентиляции, важных для безопасности атомных электростанций», Правила от 17.11.2022 № 64 «Требования к эксплуатации оборудования игрового надувного, надувных аттракционов» и др.). Также к техническому законодательству в указанной сфере относятся некоторые ТКП и государственных стандартов, устанавливающие требования в области обеспечения промышленной, радиационной и ядерной безопасности к объектам технического нормирования и объектам стандартизации (например, ГОСТ 25146-82 «Материалы радиохимических производств и атомных энергетических установок. Метод определения коэффициента дезактивации» и др.).

12. Техническое законодательство в сфере обеспечения пожарной безопасности.

Техническое законодательство в сфере обеспечения пожарной безопасности представляет собой совокупность ТНПА, с помощью которых обеспечивается регулирование общественных отношений по поводу установления обязательных технических требований к состоянию объектов и населенных пунктов, при котором исключается возможность возникновения пожара либо обеспечивается защита от пожара жизни и здоровья людей, материальных ценностей. Государство посредством разработки и принятия актов технического законодательства

в рассматриваемой сфере обеспечивает предотвращение возникновения пожара или пожароопасных ситуаций, минимизацию последствий и ущерба от них и обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан и их имущества.

Техническое законодательство в указанной сфере состоит из норм и правил пожарной безопасности, а также некоторых ТКП и государственных стандартов, устанавливающих в сфере пожарной безопасности требования к объектам технического нормирования и объектам стандартизации (например, НПБ 60-2002 «Составы газовые огнетушащие. Общие технические требования. Методы испытаний», ГОСТ 12.1.044-2018 «Система стандартов безопасности труда. Пожаровзрывоопасность веществ и материалов. Номенклатура показателей и методы их определения» и др.).

13. Техническое законодательство в сфере геодезии и картографии.

Техническое законодательство в сфере геодезии и картографии представляет собой совокупность ТНПА, регулирующих общественные отношения, связанные с определением обязательных технических требований к картам, планам, атласам, цифровым моделям местности, геодезическим и картографическим работам, а также к данным, полученным в результате этих работ. Разработка и применение актов, составляющих техническое законодательство в данной сфере, способствует обеспечению безопасности и обороноспособности государства, эффективному и рациональному управлению земельными ресурсами и недвижимостью, а также развитию национальной экономики.

Техническое законодательство в сфере геодезии и картографии немногочисленно, оно состоит из картографических, геодезических норм и правил, а также ряда государственных стандартов и ТКП (например, ГКНП 01-002-2010 «Техническая инструкция по созданию и реконструкции геодезических сетей в населенных пунктах», СТБ 1892-2008 «Государственные топографические карты и планы. Ортофотопланы. Общие технические условия» и др.).

Таким образом, проведенный анализ технического законодательства позволяет выделить тринадцать структурных элементов, которые образуют техническое законодательство Республики Беларусь.

В философии любая система – это совокупность элементов, связанных друг с другом и образующих единое целое. Техническое законодательство представляет собой систему, состоящую из многочисленных структурных элементов, которые связаны между собой, а также оказывают взаимное влияние друг на друга. В доктрине определяется, что любая система законодательства характеризуется наличием генетических и структурных связей (нередко именуемых «связями строения»), которые определяются как *системообразующие связи*. В последствие, когда конкретная система начинает функционировать, то между её элементами складываются новые связи – функциональные (системоприобретенные). К числу функциональных связей доктор наук С.В. Поленина относит отношения координации и субординации [2]. Перечисленные типы связей также характерны и проявляются в техническом законодательстве. Однако важно отметить, что перечисленные типы связей не только существуют между структурными частями технического законодательства, но и проявляются внутри определенного структурного элемента.

Считаем необходимым начать анализ с генетических связей, под которыми в доктрине принято понимать связи, «обуславливающие свойство одного объекта вызывать к жизни другой». Доказательством существования генетической связи между структурными компонентами технического законодательства служит то, что появление новых ТНПА обычно требует либо принятия других ТНПА, либо внесения изменений в существующие документы для их согласования с новым актом. Также указанный тип связей существует внутри отдельных элементов технического законодательства. К примеру, в рамках технического законодательства в сфере архитектурной, строительной и градостроительной деятельности в связи с принятием строительных норм СН 1.02.02-2023 «Состав и содержание проектной документации» был отменен ТКП 45-1.02-295-2014 (02250) «Строительство. Проектная документация. Состав и содержание».

Кроме генетических связей, между структурными элементами технического законодательства существуют структурные или, как их именуют, «связи строения». Указанные связи проявляются в том, что все ТНПА образуют единую систему, преследующую одну цель – регулирование технической деятельности человека для обеспечения безопасности жизни и здоровья человека, его имущества, а также охраны окружающей среды. Единство цели обуславливает существование между всеми ТНПА прочной взаимосвязи, они взаимно дополняют, обслуживают друг друга.

Общепризнанно, что взаимодействие отдельных видов и подсистем влечет за собой формирование связей координации, обеспечивающих взаимодействие данных структурных элементов «по горизонтали», а также связей субординации, которые связывают отдельные виды и подсистемы «по вертикали» [3]. Указанные связи по своей природе являются функциональными и складываются в результате происходящего взаимодействия между элементами структуры в процессе её функционирования. Техническое законодательство характеризуется связями координации, которые достаточно сильны и отчетливо проявляются, в отличие от рассмотренных выше связей субординации. «Координация, – пишет Афанасьев В.Г., – выражает пространственную упорядоченность по горизонтали» [4]. В контексте данных связей речь идет о взаимодействии структурных элементов одного уровня системы для решения общих задач и достижения схожих целей.

Связи координации проявляются в техническом законодательстве как на уровне его структурных элементов, так и внутри данных элементов. Анализ технического законодательства позволяет выделить следующие признаки связей координации. Во-первых, использование общих терминов и понятий, которые, как правило, закрепляются в сводном для определенной части технического законодательства акте, и в последующем в указанном значении применяются в различных ТНПА как в рамках одного структурного элемента, так и в целом, в рамках всего технического законодательства. Во-вторых, наличие взаимных ссылок на другие ТНПА, т.е. субсидиарное применение технико-юридических норм, относящихся к различным частям технического законодательства. Например, п. 12.3.5 СН 1.04.01-2020 «Техническое состояние зданий и сооружений» устанавливает, что «особенности определения расчетных характеристик материалов и нагрузок <...> приведены в СТБ ISO 13822, СТБ ISO 2394».

Для технического законодательства также характерны и *связи субординации*, под которыми понимается вертикальная упорядоченность компонентов одной системы. Критерий «вертикальности» показывает разную юридическую силу взаимодействующих элементов и наличие соподчиненности между ними. В первую очередь, связи субординации проявляются в отдельных структурных элементах технического законодательства. Так, в пределах отдельных структурных элементов технического законодательства можно выстроить «иерархическую пирамиду», в соответствии с которой ТНПА меньшей юридической силы полностью корреспондируют и подчиняются вышестоящим в иерархии ТНПА. К примеру, в рамках технического законодательства в сфере нормирования и стандартизации усматривается следующая иерархия: технические условия, не должны противоречить обладающим большей юридической силой ТНПА, например, техническим регламентам Республики Беларусь или государственным стандартам. Кроме того, связи субординации проявляются в соподчиненности ТНПА, относящихся к соответствующему структурному элементу технического законодательства, сводному акту, консолидирующему и возглавляющему данный структурный элемент. Например, Закон Республики Беларусь «О геодезической и картографической деятельности» является сводным актом для технического законодательства в сфере картографии и геодезии. Следовательно, все ТНПА, образующие техническое законодательство в указанной сфере, принимаются на основании и в соответствии с требованиями сводного акта.

Относительно проявления связей субординации в рамках системы технического законодательства в целом, следует отметить их неразвитость. Считаем, что подобная особенность обусловлена следующими причинами. Во-первых, техническое законодательство состоит из значительного количества одноуровневых ТНПА несмотря на то, что они принимаются различными субъектами, поскольку в большинстве своем это государственные органы одного уровня (министерства или государственные комитеты). В связи с чем в рамках «иерархической пирамиды» затруднительно выделить связи субординации между многими видами ТНПА, в частности, между ТНПА, не относящимися к сфере технического нормирования и стандартизации. Во-вторых, для системы технического законодательства характерно отсутствие главного (сводного) акта, который выполнял бы интегрирующую роль, связывал воедино все ТНПА, придавая им качество компонентов одной системы – технического законодательства, в том числе выстраивал их в определенном иерархичном порядке. В то же время принятие в обозримом будущем единого сводного акта не исключает возможность формирования более явных связей субординации внутри системы технического законодательства.

Заключение. Таким образом, техническое законодательство – это система взаимосвязанных структурных элементов, которые представляют собой совокупность ТНПА, обеспечивающих регулирование определенной группы общественных отношений. Для технического законодательства характерно наличие «разнотиповых» связей (генетических, структурных, субординации и координации), обуславливающих прочную взаимосвязь и взаимозависимость структурных элементов. Для технического законодательства характерны слабые связи субординации между отдельными его элементами, что обусловлено наличием большого количества одноуровневых ТНПА и отсутствием сводного акта, который бы интегрировал и упорядочивал акты на основании принципа иерархии. В то же время принятие в обозримом будущем единого сводного акта не исключает возможность формирования более явных связей субординации внутри системы технического законодательства. Несмотря на слабость связей субординации техническое законодательство характеризуется прочными связями координации, которые складываются как между его структурными элементами, так и внутри отдельных структурных элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков А.И. Формирование отраслей законодательства, технических и технико-юридических норм в теории государства и права и основы формирования технического законодательства // Мир современной науки. – 2016. – № 6(40). – С. 31–56.
2. Поленина С.В. Система законодательства // Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. 2. / отв. ред. проф. Н.М. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 352.
3. Сильченко Н.В. Проблемы иерархии источников права // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 13–20.
4. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – Изд. 2-е. – М.: URSS: ЛЕНАНД, cop. 2018. – С. 367.

Поступила 13.08.2024

STRUCTURE OF TECHNICAL LEGISLATION AS A COMPLEX BRANCH OF LEGISLATION

L. TSIANIUTA

(Francisk Skorina Gomel State University)

In the conditions of the rapid increase in the number of technical normative legal acts there is a gradual formation of technical legislation. In the present article the author investigates the structure of technical legislation. Thus, on the basis of the research of the current Belarusian technical legislation the author singles out its structural elements (parts), each of which is additionally described by the author with the indication of their content and specificity. The paper also analyses the links that are formed between the structural elements of technical legislation, as well as the links that arise within individual structural elements.

Keywords: technical legislation, technical normative legal acts, structure of legislation, links of coordination, links of subordination.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-121-125

**ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА***канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8828-1091>e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

В статье исследуется понятие «цифровизации», акцентируется внимание на хаотичном исследовании цифровой среды в современный период. Автором рассматривается понятие общественного строя с учетом перехода к информационному обществу, определяется понятие цифровизации как основной черты общественного строя. Выделяются особенности информационного общества, цифровой среды, новых субъектов правоотношений электронной демократии, проведению государственной информационной политики как признаков общественного строя, обусловленных цифровизацией.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая среда, электронная демократия, информационная политика, цифровая личность, информатизация.

Введение. Современный этап развития общественных отношений является сложным, многоаспектным в концептуальном плане, носящим междисциплинарный характер познания. Одной из значимых характеристик современного общественного строя является его цифровизация. В настоящее время ученым присуще хаотичное исследование отдельных аспектов цифровой среды (цифровизация экономики, криптовалюта, цифровая личность, цифровой суверенитет, цифровое право, цифровое государство и др.) с одновременным уходом, оставлением за гранью исследования комплексного понимания цифровой реальности, её происхождения, теории становления, особенностей, пределов правового регулирования и др. Зачастую среди ученых можно встретить синонимичность понятий «цифровизация» и «информатизация». Здесь стоит отметить свою солидарность с авторами учебника по «Информационному праву» (под общей редакцией профессора С.Е. Чаннова), которые отмечают включенность процесса цифровизации в процесс информатизации [5, с. 98].

Действительно, информатизация более широкое понятие, поскольку включает в себя хранение, передачу и обработку информации в различных формах (как цифровых, так и аналоговых). При этом цифровизацию не стоит соотносить только с процессом внедрения информационно-коммуникационных технологий в различные сферы. Этот процесс предполагает и создание новых, неизвестных ранее цифровых продуктов (к примеру, цифровые активы), формирование новых производств и др.

В правовом аспекте все чаще с понятием цифровизации связывают создание новой цифровой реальности (А.А. Карцхия), реализацию широкого комплекса экономических, управленческих, социальных процессов, основанных на использовании цифровых технологий во всех сферах общественных отношений (Я.В. Гайворонская, О.И. Мирошниченко). Безусловно, цифровизация представляет проблемное поле для исследования со стороны различных наук, носит междисциплинарный характер. В данном направлении весьма рознятся европейские подходы и исследования российских ученых. Первые из них отдают предпочтение использованию понятия «цифровизация в праве» [1], в то время как российские исследователи оперируют понятием «цифровизация права» [7, с. 257]. О соотношении этих терминов и пределах цифровизации права автором было ранее проведено отдельное исследование [11].

Если вести речь о цифровизации конституционного строя, то, с одной стороны, наблюдается трансформация общественных отношений (появление новых способов экономических расчетов, внедрение новых инструментов в избирательный процесс, новых способов реализации прав и свобод человека), а с другой – появляются научные дискуссии об определении пределов и границ цифровизации конституционного строя, исследовании сущности и признаков цифровой среды как новой формы существования конституционно-правовой реальности. Импонирует научный подход, в рамках которого сущность современного права рассматривается в постнеклассической парадигме, приобретая черты открытости, динамичности и постоянного обмена информацией со средой [10, с. 2].

Основная часть. С позиций конституционно-правовой науки цифровизацию рассматривают как внедрение цифровых технологий в те сферы общественных отношений, которые составляют предмет отрасли конституционного права (Е.В. Кириченко) [6], в частности:

1. В условиях внедрения цифровых технологий информация приобретает статус основного стратегического ресурса в государстве. Исследуя теории смены общественных формаций, сейчас принято говорить о переходе к «информационному обществу», в котором большинство людей связано с обработкой, хранением либо распространением информации. Распространение информации все чаще происходит цифровым путем (как следующий этап аналоговой передачи, но не полностью его замещающий). Построение информационного общества является задачей государства, данному этапу развития общественного строя придается юридическое значение, что выражается посредством принятия ряда нормативных правовых актов (Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь» от 8 ноября 2011 г., № 515;

Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год» от 9 августа 2010 г. № 1174; Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» от 23 марта 2016 г. № 235; Решение Совета глав правительств СНГ о Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по её реализации от 28 октября 2016 г. и др.). Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З под информацией понимаются сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления¹. Государство отмечает свою заинтересованность в специалистах, обладающих ИТ-компетенциями, о чем не единожды отмечается в ряде программных документов Республики Беларусь (Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» от 2 февраля 2021 г. № 66 и др.).

2. Появление новых субъектов правоотношений, правовой статус которых нуждается в правовом регулировании (цифровая личность, информационное общество, инициативные группы в сети Интернет и др.). Особая роль в исследовании их правосубъектности должна принадлежать конституционно-правовой науке как основополагающей базовой отрасли права.

Цифровая личность как субъект правоотношений все чаще становится предметом исследований ученых-юристов, а также представителей других наук (интернет-лингвистика, лингвистика, социология, психология, право и др.). Говоря о концепте цифровой личности в праве следует вести речь о «цифровизации человека». Согласно первой концепции цифровая личность представляет собой «цифрового двойника» реальной (физической) личности, осуществляющего деятельность и являющегося участником правоотношений в социальных сетях. Законодательство Республики Беларусь в области реализации и защиты прав цифровой личности как цифрового двойника физического лица содержит в большей степени нормы охранительного права, обеспечивающие защиту прав человека в сети Интернет. Об этом свидетельствуют положения Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовного кодекса Республики Беларусь. В то же время, отсутствие норм регулятивного характера данной группы правоотношений может привести к возможному нивелированию отдельных прав и свобод в цифровой среде, стать препятствием для складывания должной правоприменительной практики. Следующей концепцией формирования цифровой личности является её становление через цифровые отпечатки. Цифровые отпечатки – это определенные наборы обезличенной информации, которые в своей совокупности могут превратиться в персональные данные. Последняя концепция основана на понимании цифровой личности через деятельность роботов как субъектов общественных отношений.

В современный период под сомнение ставится известная классической теории права концепция юридического антропоцентризма. Так, признавая человека центральным субъектом правовой системы (как субъекта правотворчества и субъекта правоприменения), все чаще возникают вопросы о воздействии цифровых технологий на правосознание, мотивы совершения юридически значимых действий субъектом правоотношений. Как отмечают авторы коллективной монографии, «в условиях цифровизации мир стремительно меняется, появляются новые формы деятельности, разворачиваются новые пространства социальных коммуникаций, в итоге все это определяет изменения в менталитете субъекта правоприменения, в доступных ему способах и средствах отражения реальности» [10, с. 7]. Более того, речь может идти о «замещении», появлении конкурентной модели «человек – искусственный интеллект» в правовой системе.

3. Политическая система современного общественного строя рассматривается все чаще сквозь призму «электронной демократии». Среди имеющихся научных исследований в области конституционного права большой вес занимают те из них, предметом исследования в которых выступает «электронная демократия». Согласно подходу М.С. Абломейко, под электронной демократией понимается динамический процесс, сущность которого заключается в постоянном усовершенствовании связи между органами государственной власти и гражданами с использованием информационных технологий [2, с. 55]. Можно предложить выделение следующих признаков электронной демократии:

- наделение граждан статусом субъекта управления наравне с государством;
- обеспечение доступа населения к принятию решений в сфере управления на каждом уровне государственного управления;
- создание должного правового регулирования механизмов электронной демократии;
- обеспечение технических возможностей для всего населения (преодоление цифрового разрыва).

Для преодоления цифрового разрыва государством постоянно предусматривается разработка и проведение программ работы с населением по повышению цифровой грамотности. В частности, Министерству связи и информатизации Республики Беларусь определено разработать курсы повышения «цифровой грамотности» населения, представленных на образовательной платформе (Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» от 2 февр. 2021 г. № 66 и др.).

¹ Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г. № 455-З: в ред. от 10.10.2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2024.

В науке встречаются мнения относительно идеи цифрового равенства в цифровой среде, к которому приведет деятельность цифровых технологий. Справедливо такой подход О.Л. Солдаткина называет «утопической эйфорией» и призывает не делать панацеей идею замены человека искусственным интеллектом [5, с. 100]. Отметим, что на уровне европейского законодательства была предпринята попытка определить умного робота как цифровую личность. В частности, 16 февраля 2017 г. Европарламентом была одобрена резолюция для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике, где предлагалось наделение статусом электронной личности сложных роботов, принимающих самостоятельные решения². В 2019 г. Стивен Талер – изобретатель – обратился за выдачей патентов искусственному интеллекту в нескольких юрисдикциях, указав, что искусственный интеллект является одним из создателей контейнера для хранения еды и сигнального маячка. Отметим, что США и Евросоюзом было принято решение об отказе, а ЮАР зарегистрировала данный патент. Однако такое регулирование носит, скорее, исключительный, фрагментарный характер. Идея признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права до настоящего времени не нашла ни должного признания в научной среде, ни самостоятельного правового регулирования в нормативной сфере.

4. Государством уделяется большое внимание информационной политике. Государственное регулирование в цифровой сфере в Республике Беларусь представлено обширным перечнем государственных органов. В частности, к органам общей компетенции относятся Президент Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание, Национальное собрание Республики Беларусь, Правительство Республики Беларусь и др. Государственными органами специальной компетенции в Республике Беларусь в сфере информационной безопасности выступают Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, а также Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь – специально уполномоченный государственный орган, осуществляющий регулирование деятельности по обеспечению защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственные секреты Республики Беларусь или иные сведения, охраняемые в соответствии с законодательством, от утечки по техническим каналам, несанкционированных и непреднамеренных воздействий. С 2021 г. должностные лица управления защиты информации ОАЦ наделены полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению по делам об административных правонарушениях по отдельным составам КоАП Республики Беларусь³.

7 апреля 2022 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации»⁴. Согласно положениям данного Указа на Министерство связи и информатизации Республики Беларусь были возложены функции органа государственного управления в сфере цифрового развития.

5. Особенности современного общественного строя обусловлены также появлением новой цифровой среды.

Онтология цифровой среды понимается сквозь призму различных аспектов: концептуализация цифровой реальности и её отдельных сфер, структурирование цифровой среды, научное учение о бытии и формах бытия цифровой среды (философский подход). Отдельными социологами ставился вопрос о переосмыслении сущности и происхождения цифровой среды, её отличительных чертах, осознании новой реальности (О.А. Гримов, Д.В. Винник, М.М. Соколов). Интересным для исследования видится постановка вопроса О.А. Гримовым относительно необходимости «атомизации» цифровой реальности в контексте изучения её онтологии на такие части, как цифровое право, цифровая экономика, цифровые технологии и т.д. [4, с. 43]. Г.А. Гаджиев справедливо писал по этому поводу следующее: «правовая реальность и реальность права – это самостоятельные категории. Понятие «реальности» намного шире понятия «права» [3, с. 123]. Онтология цифровой среды становилась предметом исследования и ученых-юристов (И.В. Понкин, А.И. Редькина). В частности, И.В. Понкин изучает отдельные аспекты онтологии цифрового правового пространства как части цифровой среды в целом. Результатом его исследования стало обоснование существования двух форм цифрового правового пространства (активного и пассивного), а также разработка отдельных авторских идей в области онто-инженерии в праве [8]. Одной из задач для юристов, по мнению Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора, является придание правовой формы цифровой реальности [9, с. 96]. Очевидно, что на первый план выходит не регулирование процесса внедрения цифровых технологий (здесь имеется много технических решений, стандартов), а правовая регламентация тех последствий, которые становятся результатом такого внедрения, их воздействия на государственное управление, развитие общества, права человека.

Под цифровой средой необходимо понимать новую форму существования и деятельности человека, основанную на новом типе складывающихся общественных отношений, представленной в виде виртуальной реальности (совокупности виртуальных реальностей). Цифровая среда как новая форма существования конституционно-правовой действительности характеризуется рядом признаков: гибкость; динамичность развития в ней обще-

² URL: https://robotrends.ru/images/1725/66137/201706722_Resolution_and_Charter_EU_RoboTrendsru.pdf.

³ О наделении полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях, подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению [Электронный ресурс]: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 5 фев. 2021 г. № 22: в ред. от 29.12.2022 г. № 210 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁴ Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 7 апр. 2022 г. № 136 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

ственных отношений; значительная часть общественных отношений выходит в сферу саморегулирования (самоконтроля и самоисполнения). Здесь уместно применять предложенную американским юристом Б.Т. Дюранске концепцию «магического круга»: «Действия, которые происходят в виртуальном мире, являются предметом регулирования законов реального мира, если пользователь, исполняющий данное действие, разумно понимал или должен был понимать, что такое действие будет иметь последствия в реальном мире».

6. Особенности осуществления государственного контроля. Как и прежде, лишь определенная часть общественного строя подлежит правовому регулированию (основы общественного строя). По причине специфики цифровой среды, в которой зачастую сложно определить субъектный состав участников отношений, сложности реализации идеи «суверенного Интернета» (по регулированию национального сегмента), стирания территориальных границ цифровой реальности и т.д., данная часть правового регулирования значительно ограничивается. Опыт Российской Федерации в сфере регулирования национального сегмента сети Интернет представлен Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"»⁵. Несмотря на сложность технического исполнения требований данного Закона, такое правовое регулирование можно назвать серьезным шагом к урегулированию части правоотношений в цифровой среде, декларации значимости соблюдения публичных интересов в данной области.

Сложность государственного контроля обусловлена также существованием программных кодов, которые носят характер саморегулирования (смарт-контракты). Так, по законодательству Республики Беларусь лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о её условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное (п. 5.3 Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8)⁶. Таким образом, роль государства в регулировании условий совершения сделки снижается с одновременным возложением ответственности за их соблюдение на стороны сделки.

7. Нормальное функционирование общественного строя должно опираться на систему информационной безопасности. Необходимость постоянного совершенствования правового регулирования сферы информационной безопасности государства, общества и граждан отмечена Конституционным Судом Республики Беларусь (далее – Суд)⁷. В частности, Суд обращает внимание на то, что процесс цифровой трансформации многих сфер человеческой жизни несет в себе угрозу в виде посягательства на безопасное информационное пространство, а также требует от государства разработки новых надежных механизмов защиты конституционных прав и свобод личности. Необходимость обеспечения информационной безопасности легла в основу становления и развития идеи информационного суверенитета государства. Под информационным суверенитетом цифрового государства следует понимать независимость, полноту и верховенство государственной власти в информационной сфере. Информационный суверенитет является разновидностью государственного суверенитета. При этом, данные понятия неделимы, суверенитет в целом выступает единым целостным конституционно-правовым институтом.

Вместе с изменением основных сфер общественных отношений, трансформация коснулась и правового статуса личности, способов реализации прав и свобод, создания новых механизмов защиты прав человека. Человек вовлекается (добровольно либо принудительно) в виртуальное пространство, становится активным субъектом правоотношений в цифровой среде (поиск и доступ к информации, реализация права на труд, экономические отношения, проведение расчетов и др.). Это стало основанием появления нового суверена – личности в цифровой среде (концепция цифрового суверенитета личности).

Заключение. Особенности цифровизации конституционного строя обусловлены одновременным развитием общественных отношений, возникающих в результате внедрения информационных технологий, и необходимостью сохранения классических норм и принципов, конституционных ценностей, значимостью реального обеспечения прямого действия Конституции. К числу особенностей конституционного строя относятся: информационное общество, появление цифровой среды, становление новых субъектов правоотношений, функционирование электронной демократии, проведение государственной информационной политики, особая форма государственного контроля с одновременным присутствием алгоритмов саморегулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Radvan M. Guest Editor's Note on Digitalization in Law // BRICS Law Journal. – 2020. – № 7(2). – P. 5–9.
2. Электронное правительство как основа построения электронной демократии: правовые основы / М.С. Абламейко, Л. Игун, С.Ю. Артемьев // Право и демократия: сб. науч. тр. – Минск, 2014. – Вып. 25. – С. 54–68.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: Фед. закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ // КонсультантПлюс. – М., 2024.

⁶ О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г. № 8: в ред. от 18.03.2021 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁷ О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 10 марта 2022 г. № Р-1303/2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3. Гаджиев Г.А. Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. – М.: Норма ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
4. Гримов О.А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2019 – № 3. – С.42–50.
5. Информационное право: учеб. / В.Ф. Изотова, Э.И. Лескина, О.Л. Солдаткина и др.; под ред. С.Е. Чаннова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 448 с.
6. Кириченко Е.В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та МВД России. – 2020. – № 4. – С. 29–40.
7. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 257–261.
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Перм. юрид. альм. – 2019. – № 2. – С. 24–37.
9. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
10. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская и др.; отв. ред. Д.А. Пашенцев. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 140 с.
11. Шахновская И.В. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2023. – № 3(65). – С. 106–109. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-65-3-106-109>.

Поступила 27.09.2024

DIGITALIZATION AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF THE SOCIAL SYSTEM AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE STATE

I. SHAKHNOVSKAYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article explores the concept of “digitalization” and focuses on the chaotic study of the digital environment in the modern period. The author examines the concept of social system, taking into account the transition to an information society, and defines the concept of digitalization as the main feature of the social system. The features of the information society, the digital environment, new subjects of legal relations of electronic democracy, and the implementation of state information policy as signs of the social system caused by digitalization are highlighted.

Keywords: *digitalization, digital environment, electronic democracy, information policy, digital personality, informatization.*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3006-9610>

В статье проанализирована смена способов правовой коммуникации в отношении отображения правовой действительности. Констатируется факт о переосмыслении института визуализации правового текста в современных условиях развития информационного общества и пространства. Отмечается возрастающая популярность нового междисциплинарного направления – визуальная юриспруденция. Демонстрируются коррелятивные связи между визуализацией права в широком смысле и обеспечением доступа к правосудию. Приводятся практические рекомендации по использованию юридического дизайна для облегчения доступа к правосудию.

Ключевые слова: судебная деятельность, визуализация, юридический дизайн, визуальная юриспруденция, доступность правосудия.

Введение. Визуальная составляющая всегда играла значительную роль в сфере юриспруденции. В различные периоды становления и развития правовых источников и системы права в целом её значение и роль воспринимались по-разному. В зависимости от соответствующих условий, ей придавалось то большее, то меньшее значение. В ранние периоды развития государственности для передачи смыслового содержания какого-либо юридического факта или события использовалась определенная система знаков или символов. В период активного развития книгопечатания абсолютное преимущество получило текстовое выражение правовых предписаний. Однако в современных условиях стремительно развивающегося информационного общества актуальность приобрел вопрос переосмысления и поиска новых форм визуализации правовой действительности.

Основная часть. Многочисленные страницы юридических журналов, монографий и учебников, на которых доминирует текст, свидетельствуют о том, что взаимодействие между правом и визуальной культурой остается маргинальным аспектом юриспруденции. Подавляющее большинство представителей юридической профессии не рассматривают всерьез визуальные аспекты права, как не имеющие отношения к праву. С течением времени авторитет права стал неразрывно связан с текстом. Право и письменность всегда ассоциировались с представлениями о прогрессе. Принято считать, что именно письменность, а не образное мышление через изображение, способствовала культурному развитию [1, р. 118]. Развитию визуализации препятствовала и Реформация, сторонники которой утверждали, что образы не должны быть центром набожности, поскольку они слишком мирские, чувственные и потенциально развращающие. Наиболее радикально настроенные реформаторы начали уничтожать не только иконы, но и живопись, скульптуры, гобелены и другие произведения искусства, вернув, таким образом, к жизни существовавшую ещё в Византии традицию иконоборчества. Самым значительным его эпизодом стало так называемое Иконоборческое восстание во Фландрии в августе 1566 г.¹ Утверждение «иконофобии» в этот период способствовало дальнейшему формированию разделения между изображением и текстом, в котором изображение связывалось с воображением, творчеством и фантазией, а тексты – с контролем, дисциплиной и реальностью [1, р. 117].

Появление письменности способствовало тому, что на смену обычному праву пришло писаное право, а вместе с ним – законодательство, способы систематизации законодательства, система права, система законодательства, правовые системы и т.п. Чем более совершенной и доскональной становилось правовая доктрина, тем меньшее место в ней отводилось визуальной составляющей. В ранние периоды развития права ситуация была иной. Одним из первых писаных источников древневосточного права являются Законы Хаммурапи. Законник представляет собой черный базальтовый столб, на котором клинописью выбит текст 282 статей². Он состоит из законов предшествующих правителей, обычного права, указов и типичных решений судебных дел Хаммурапи. В верхней части столба изображен восседающий на троне бог Солнца, правосудия и предзнаменований, Шамаш, и Хаммурапи, предстающий перед ним в почтительной позе и дотрагивающийся до регалий высшей власти – жезла и магического кольца [2, с. 60].

Примером правового текста более позднего периода является сборник обычного права Восточной Саксонии «Саксонское зеркало»³, который стал прообразом для составления правовых книг не только в Германии, но и в других странах Европы. Сборник примечателен тем, что все правовые предписания визуализированы с помощью

¹ 500 лет Реформации: что нужно знать – 10 коротких тезисов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41741336>. (дата обращения: 19.03.2024).

² Законы вавилонского царя Хаммурапи [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>. (дата обращения: 21.03.2024).

³ Саксонское право в картинках XIV века [Электронный ресурс]. – URL: <https://gorbutovich.livejournal.com/166170.html>. (дата обращения: 21.03.2024).

символических иллюстраций, занимающих центральное место в документе. Люди представлены символическими фигурами, обозначающими социальное положение (например, король или император – всегда в короне, князь – в головном уборе с цветами, листьями, плетеным шелковым шнуром или золотым ободком и т.д.). Важную роль в этой символике играли поза и жест. Граф-судья поучает, подняв указательный палец. Обвиняемый ждет приговора, просительно сложив руки. Таким образом, образ несет скрытое аллегорическое значение [3, с. 122].

Современные правовые источники, а также требования юридической техники к нормативным правовым актам не предполагают использование визуальных элементов для облегчения восприятия правового текста. Однако развитие информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, возникновение информационного общества и пространства спустя несколько столетий актуализировали вопрос о способах осуществления социально-правовой коммуникации. Дело в том, что высокая степень абстракции права, представленная в виде текстовой информации, сложный юридический язык вызывают определенные трудности в его понимании и усвоении. В этой связи представители юридического сообщества приходят к осознанию целесообразности и необходимости внедрения отдельных элементов визуализации в юридическую практику.

Термины «визуальная юриспруденция» и «визуальное правоповедение», в большей степени, правда, за рубежом, чем в белорусской традиции права, уже стали частью правовой реальности. Данными категориями апеллируют не только в сфере реализации права, но и в академической (научной) среде (M. Stępień «Law & Culture», E. C.B. Bittar «Semiotics, Law and Art», A. Malec «Introduction to the Semantics of Law», K. Zeidler «Aesthetics of Law» и др.)⁴ [3]. Так, к современным средствам визуализации, используемым в рамках образовательной среды, можно отнести общеизвестные образовательные платформы Google (Classroom) и Microsoft (Teams) для разработки и составления соответствующих юридических курсов и дисциплин. С помощью данных платформ учебную информацию удобно преподносить в мультимедийной форме (в видео-, аудиоформате, формате презентаций, тестовых заданий и т.п.). Кроме того, в качестве активных, пространственно-объемных методов обучения в юриспруденции используются структурно-логические схемы, которые позволяют наглядно отобразить формальные отношения.

В последнее десятилетие актуальным межотраслевым направлением по визуализации юридической информации для судов и прочих правовых институций стал юридический дизайн. Особенностью данного направления является применение дизайн-мышления в юридической сфере и ориентация на интересы пользователя⁵. Юридический дизайн работает преимущественно с формой документов и в меньшей степени с правовым содержанием и призван упростить работу с правовыми документами путем придания тексту определенной формы, к примеру, посредством использования гиперссылок⁶. К слову сказать, в США курсы по юридическому дизайну предоставляются, в том числе, ведущими университетами страны⁷. Приведем пример краткого описания одного из таких курсов: «Этот курс покажет вам, как превратить сложную юридическую информацию в ясную, последовательную и легкую для понимания форму. Курс начинается с основ информационного дизайна и углубляется в такие темы, как дизайн таблиц, визуализация данных, диаграммы, карты, инфографика, инструменты визуализации и использование цвета»⁸.

Визуализация права в современной интерпретации, в эпоху информационного общества способствует обеспечению информационной открытости в деятельности суда и доступа к правосудию (более подробно см. [5]). Переосмысление и постепенное привыкание к новой информационно-наглядной правовой реальности может происходить также изнутри, посредством обучения студентов и специалистов в области юриспруденции человеко-ориентированным технологиям, проведения исследований и разработки соответствующих моделей правовой коммуникации, а также через координацию деятельности отдельных субъектов и сообществ, направленных на разработку инноваций в судебной деятельности⁹.

Сегодня ведущие юридические вузы и школы права являются комплексными центрами по созданию эффективной, основанной на принципе взаимодействия юридической науки и практики, образовательно-исследовательской и информационной среды в области развития юридического образования, совершенствования подготовки специалистов, повышения правовой культуры населения, продвижения приоритетных научных направлений и т.п. Ярким примером такого центра является Стэнфордская школа права (США, Калифорния), которая предлагает на выбор различные курсы по основам юридического дизайна и облегчения доступа населения к правосудию: Court Messaging Project – «Проект по судебным уведомлениям»; Court Visual Guides «Визуальные гиды по судам»; Court Legal

⁴ OverDrive. Series: Law and Visual Jurisprudence [Electronic resource]. – URL: <https://www.overdrive.com/series/law-and-visual-jurisprudence>. (date of access: 14.03.2024).

⁵ Visual Law: Definition, Uses, and Benefits [Electronic resource]. – URL: <https://lawyersdesignschool.com/visual-law-for-lawyers-the-end-of-dense-legal-writing/>. (date of access: 18.03.2024).

⁶ Что такое юридический дизайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/legal-design/>. (дата обращения: 11.03.2024).

⁷ Legal Design School. Online Courses for Legal Professionals [Electronic resource]. – URL: <https://www.legaldesignschool.com>. (date of access: 14.03.2024).

⁸ Information Design for Lawyers [Electronic resource]. – URL: <https://www.legaldesignschool.com/challenge-page/information-design>. (date of access: 14.03.2024).

⁹ The Legal Design Lab. Stanford Law School [Electronic resource]. – URL: <https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/#slsnav-our-mission>. (date of access: 14.03.2024).

Help Websites «Оказание юридической помощи посредством сети Интернет»; Unlocking Technology to Promote Access to Justice «Использование технологий для обеспечения доступа к правосудию» и др.¹⁰ В Стэнфордской лаборатории юридического дизайна разрабатываются и апробируются социально-значимые проекты, направленные на облегчение понимания судебной системы через визуализацию и доступ к правосудию посредством разработки новых форм уведомлений, листовок, плакатов, карт процессов и других визуальных материалов, усовершенствования и внедрения специальных приложений и «доступных», в том числе, для отдельных категорий лиц, версий веб-сайтов [6], потоков текстовой информации; создания сообществ, направленных на выстраивание взаимоотношений между работниками системы правосудия, гражданами и другими заинтересованными субъектами для переосмысления способов правовой коммуникации.

В качестве практических рекомендаций по реализации положений об обеспечении доступа к правосудию через использование юридического дизайна и визуализацию права можно назвать:

– соответствующее визуальное оформление юридических документов и иных информационных материалов для посетителей суда. При направлении различных судебных уведомлений, создании и печати информационных листовок, брошюр, пошаговых руководств для пользователей и прочих визуальных материалов для работы с населением необходимо учитывать основные правила юридического дизайна и помнить, что визуальные эффекты помогают людям не только ознакомиться с соответствующей информацией, но и получить её в доступной форме, удобной для восприятия и использования. Информацией о судебной деятельности, как общей (обращение в суд, предъявление требования, правила подачи апелляции и др.), так и по отдельным частным вопросам, можно делиться через плакаты, брошюры, наглядные пособия, социальные сети, почтовую рассылку и т.п., которые могут привлечь внимание людей своей структурированностью, ярким цветовым сопровождением, наличием комментированных иллюстраций, схематичностью;

– составление и распространение пошаговых (стратегических) руководств, иллюстрирующих многоэтапные процессуальные действия. Стратегические юридические визуальные средства направлены на оказание содействия в навигации по правовой системе. Визуальные образы в сочетании со структурированной информацией демонстрируют участнику процесса, какие у него есть варианты, какие стадии процесса необходимо пройти и какие стратегии использовать для принятия решений. Как правило, они принимают форму блок-схем, раскладов, сравнительных таблиц и графиков;

– наличие сопроводительного листа с рекомендациями и иной дополнительной информацией (зачастую так поступают американские суды, высылая его вместе с судебными уведомлениями). Дизайн сопроводительного листа очень простой и схематичный. Как правило, в нем содержится пошаговая инструкция о действиях, которые необходимо предпринять, сроках, QR-код к онлайн-руководству, различные контакты, включая контакты служб для людей, чувствующих себя уязвимыми или «подавленными»¹¹.

Заключение. Визуализация применяется в различных областях научного познания в качестве инструмента для отображения труднодоступных для понимания текстов и конструкций. Юриспруденция не стала исключением в этом плане. Общеизвестно, что юридическая терминология и юридическая лексика в целом представляет определенные сложности для понимания и восприятия. Это и послужило толчком к осознанию необходимости и целесообразности переосмысления способов правовой коммуникации в сторону увеличения её визуальной составляющей, в результате чего в юридическом сообществе стали употреблять понятие «визуальная юриспруденция», а ведущие образовательные центры – внедрять в свои учебные программы курсы по юридическому дизайну. Причем, интересно, что спрос на получение компетенций в этой области возник именно изнутри, то есть со стороны юридического сообщества.

Визуализация права тесно связана с обеспечением доступности правосудия. Юридический дизайн служит инструментом для облегчения понимания и структурирования различного рода правовой информации, в том числе информации о судебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mulcahy L. Eyes of the Law: A Visual Turn in Socio-Legal Studies? // Journal of Law and Society. – 2017. – Vol. 44. Issue S1. – P. 111–128.
2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учеб. для вузов. – М.: Норма, 2007. – 752 с.
3. Чуйко Н.А. Визуализация права // Журнал российского права. – 2013. – № 5. – С. 121–131.
4. Sherwin R. C. Visual Jurisprudence // N.Y. Law School Rev. – 2012-2013. – Vol. 12. – P. 11–39.
5. Ярмоц Е.Н. Информационная открытость в деятельности суда // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Эконом. и юрид. науки. – 2015. – № 14. – С. 2–7.
6. Ярмоц Е.Н. Обеспечение доступа к правосудию для лиц с ограниченными возможностями (на примере США) // Правовая система и вызовы современности: материалы XIV Междунар. науч. конф., студ., аспирантов и молодых ученых (19-21 окт. 2017 г.). В 3 ч. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – Ч. I. – С. 141–144.

Поступила: 30.05.2024

¹⁰ URL: [https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls="Policy%20Practicum"&page=1](https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls=). (date of access: 14.03.2024).

¹¹ Visual Legal Help Guides [Electronic resource]. – URL: <https://justiceinnovation.law.stanford.edu/projects/visual-guides/>. (date of access: 16.03.2024).

JUDICIAL VISUALIZATION AND ITS ROLE IN ENSURING ACCESS TO JUSTICE**A. YARMATS****(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)**

The article briefly analyzes the change of methods of legal communication in relation to the display of legal reality. The fact of rethinking the institute of visualization of legal text in modern conditions of information space development is stated. The increasing popularity of a new interdisciplinary direction - visual jurisprudence - is noted. The correlative links between visualizing law in a broad sense and providing access to justice are demonstrated. Practical recommendations for using legal design to facilitate access to justice are provided.

Keywords: *judicial activism, visualization, legal design, visual jurisprudence, accessibility of justice.*

РЕЦЕНЗИИ

Социально-экономическая среда и её влияние на хозяйственные процессы на разных уровнях управленческой иерархии / И.В. Зенькова, Р.И. Маликов, К.В. Павлов. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – 296 с.

В настоящее время при разработке важнейших документов, определяющих направления развития общественной системы в среднесрочной и долгосрочной перспективе, руководство многих стран использует положения концепции о социально-экономической и экологической устойчивости функционирования важнейших государственных и предпринимательских структур на разных уровнях иерархической системы управления: на макро-, мезо- и микроуровне. В соответствии с этой концепцией крайне важным условием устойчивого развития любого государства является разработка методов и механизмов противостояния многочисленным и разнообразным дестабилизирующим и разрушительным факторам и тенденциям, исходящим из внешней среды. Очевидно, что использование важнейших фундаментальных положений концепции об устойчивом развитии общества весьма актуально и в современных условиях определения эффективных направлений и перспектив развития социально-экономической и экологической систем в Российской Федерации и Республике Беларусь в обозримом будущем. Связано такое положение дел в значительной степени с негативным поведением современного коллективного Запада, прежде всего, США и стран Евросоюза в отношении России и Беларуси, принятием против них многочисленных санкций в различных сферах функционирования социума: экономической, политической, спортивной, культурной и т.д. В этой связи появление рецензируемой монографии, в которой исследуются разнообразные аспекты создания оптимальных условий взаимодействия внешней среды и бизнес-процессов как важнейшего направления устойчивого развития общества представляется актуальным и весьма своевременным.

Монография подготовлена в рамках Договора о сотрудничестве в области высшего, послевузовского образования и науки между ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (кафедра проектного менеджмента и экономики предпринимательства) и Полоцким государственным университетом имени Евфросинии Полоцкой (кафедра экономики), а также в соответствии с Дорожной картой 2021 г. по дальнейшему развитию сотрудничества между этими вузами. Монография может быть полезна всем, кто интересуется вопросами взаимовлияния бизнес-среды и хозяйственных процессов.

В монографии рассматриваются разнообразные проблемы влияния социально-экономической среды на темпы, формы и направления протекания хозяйственных процессов на разных уровнях организационно-управленческой иерархии: народнохозяйственном, отраслевом, региональном, микроуровне. Анализируются процессы влияния бизнес-среды на развитие хозяйствующих субъектов, вопросы вхождения организаций в рыночное пространство, проблемы деблокирования административных барьеров в развитии малого и среднего предпринимательства и их влияние на динамику функционирования хозяйственных структур и многое другое. Таким образом, в книге исследуется широкий спектр актуальных проблем взаимодействия бизнес-процессов и предпринимательской сферы. Важно также, что монография является результатом многолетних исследований, проводимых авторами из двух вузов – белорусского и российского.

В соответствии с представленными в книге результатами исследований можно констатировать, что в современных условиях хозяйствования существенно возросли степень и уровень неопределенности и изменчивости организационно-экономической среды, что в значительной мере определяет формы, динамику и качество функционирования воспроизводственных процессов. Это обстоятельство самым серьезным образом сказалось на направленности и темпах реализации социально-экономических преобразований во многих областях общественной жизни. В последнее время значительно усилились взаимовлияние и взаимообусловленность, существующие между бизнес-средой и системой общественного воспроизводства на всех её стадиях – производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг.

Действительно, если около 150 лет тому назад (т.е. еще в XIX в.) условия хозяйствования во многих странах могли по существу не меняться десятилетиями (имеются в виду нормативно-правовые условия ведения бизнеса, состояние финансово-кредитной и налоговой систем и т.п.), то в настоящее время такого рода условия, наоборот, нередко крайне нестабильны и изменчивы (к примеру, в течение короткого промежутка времени происходит заметное изменение ключевой ставки рефинансирования, банковских ставок по вкладам, существенно меняются темпы инфляции и т.д.). Связано это со многими факторами, такими как быстрые темпы роста НТП, частое возникновение разнообразных кризисов, возросшее влияние экологических процессов на хозяйственную жизнь и пр. В результате внешняя для системы воспроизводства среда становится всё более неустойчивой и усиление этой изменчивости, в свою очередь, начинает всё ощутимее влиять на динамику и качество реализации производственных процессов. Получается такой, своего рода, замкнутый круг: происходит существенное усиление влияния динамики бизнес-среды на скорость и качество осуществления хозяйственных процессов и, наоборот, прогрессирующие изменения в воспроизводственных структурах, в свою очередь, оказывают все более значимое влияние на внешнюю для хозяйствования среду.

В монографии также рассмотрен широкий круг проблем о взаимосвязи и взаимовлиянии социально-экономической среды и системы воспроизводственных процессов на разных уровнях организационно-управленческой иерархии. Среди них исследуются такие актуальные вопросы, как институциональные условия деблокирования административных барьеров в деловой среде, развитие новых форматов цифрового бизнеса, анализ

процессов взаимодействия властных и предпринимательских структур, инновационные факторы эффективного развития предпринимательства и многие другие.

Исследование проблем влияния социально-экономической среды на осуществление воспроизводственных процессов показало, что в связи с возрастанием уровня энтропии, оказываемое влияние в целом не только усиливается, но и усложняется, причем в реальности происходит усиление взаимовлияния, т.е. когда все в большей степени можно наблюдать обратный процесс усложнения разнообразия, которое оказывает система хозяйственных процессов и явлений на бизнес-среду. Это проявляется при изучении влияния административных барьеров на эффективность деловой среды и исследовании механизмов их деблокирования, оценке факторов развития конкурентной среды и повышения конкурентоспособности предпринимательства, развития новых форматов цифрового бизнеса, оценке инновационно-интенсивных факторов и условий эффективного развития предпринимательства, формирования системы мониторинга потенциала предпринимательских структур в условиях их конкурентного взаимодействия.

Важно также учитывать, что взаимодействие деловой среды и предпринимательских структур на разных уровнях организационно-управленческой иерархии проявляется по-своему, с учетом специфических особенностей каждого иерархического уровня. Так, например, изучение влияния бизнес-среды на функционирование малого и среднего предпринимательства показывает, что для эффективного функционирования этого крайне важного сегмента экономики необходимо создать оптимальные условия (нормативно-правовая и законодательная база, налоговая и финансово-кредитная среда и т.п.) для работы малых и средних предприятий и организаций на макроуровне (народнохозяйственном), мезоуровне (региональном и отраслевом) и микроуровне. Причем, только гармоничное взаимодействие всех уровней позволит получить максимальную эффективность функционирования и развития сектора малого и среднего предпринимательства.

В заключение необходимо добавить, что данная монография и ее авторы – заведующий кафедрой экономики ПГУ имени Евфросинии Полоцкой Зенькова И.В. и профессор этой кафедры Павлов К.В., а также заведующий кафедрой проектного менеджмента и экономики предпринимательства ФГБОУ ВПО Уфимского государственного нефтяного технического университета, профессор Маликов Р.И. в 2023 году заняли первое место и стали победителями XI Международного конкурса методической, учебной и научной литературы «ЗОЛОТОЙ КОРИФЕЙ» в номинации «Экономические науки», прошедшем в г. Ростове-на-Дону. Монография предназначена для преподавателей и научных работников, менеджеров, аспирантов, магистров и студентов, а также всех, кто интересуется вопросами взаимовлияния бизнес-среды и хозяйственных процессов.

*Д-р экон. наук, проф.
Татьяна Анатольевна ВЕРЕЗУБОВА
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Боровская М.Е.</i> Методические подходы к анализу лесохозяйственной деятельности	2
<i>Веко Р.В.</i> О совершенствовании оценки платежеспособности субъектов хозяйствования	7
<i>Головач О.В.</i> Процессно-ориентированный подход к менеджменту и его применение в управленческом учете и анализе	12
<i>Зенькова И.В., Галешова Е.И., Бурак А.А., Якутович Е.Н.</i> Условия совершенствования форм занятости населения для устойчивого развития экономических систем	17
<i>Конончук И.А.</i> Отдельные методологические особенности построения налоговой стратегии организации	22
<i>Мещерякова О.М., Бахир А.А.</i> Оптимизация транспортных затрат промышленного предприятия за счет использования «эффекта масштаба» на транспорте при доставке материальных ресурсов (на примере ОАО «Глубокский молочноконсервный комбинат»)	30
<i>Серяков Г.Н.</i> Формирование инвестиционного замысла в условиях смены технологических укладов экономики	36
<i>Фурсевич И.Н.</i> Развитие кадрового потенциала учреждений высшего образования Республики Беларусь	41
<i>Черныш Д.А., Чурлей Э.Г.</i> Формирование концептуального подхода к разработке системы внутреннего маркетинга	45

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Асаёнок Б.В.</i> Стадия начала административного процесса: действия, решения, сроки	54
<i>Береговцова Д.С.</i> Особенности и значение института конституционного контроля в Республике Польша	60
<i>Березко А.А.</i> Конституционно-правовое регулирование государственной гражданской службы	65
<i>Дерюжков А.В.</i> Правовая эволюция включения налога на добавленную стоимость в налоговую систему Республики Беларусь	73
<i>Занько Е.С.</i> Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (часть 1)	76
<i>Котова А.А.</i> Термин «коррупционное правонарушение»: понятие и проблемы правового регулирования	81
<i>Кудряшова Е.Н., Курто Я.А.</i> Концепция юридической ответственности при реализации технологии трехмерной биопечати (биопринтинга) с использованием механизмов паттернов, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей	88
<i>Протасовицкий С.П.</i> Правовое регулирование частных финансов: понятие, государственная политика, режимы	93
<i>Савицкая К.Д.</i> Права авторов мультимедийного произведения	98
<i>Семёнова Т.В.</i> Общая характеристика отношений, связанных с использованием доменных имен	103
<i>Соловьёв П.В.</i> Цифровая трансформация субъектов правоотношений: электронное юридическое лицо, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо	111
<i>Тенюта Е.С.</i> Структура технического законодательства как комплексной отрасли законодательства	115
<i>Шахновская И.В.</i> Особенности цифровизации конституционного строя на современном этапе развития государства и общества	121
<i>Ярмоц Е.Н.</i> Визуализация судебной деятельности и её роль в обеспечении доступности правосудия	126

РЕЦЕНЗИИ

Социально-экономическая среда и её влияние на хозяйственные процессы на разных уровнях управленческой иерархии / И.В. Зенькова, Р.И. Маликов, К.В. Павлов. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – 296 с. (<i>Верезубова Т.А.</i>)	130